

Роберт Шекли

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Ш Роберт Ш ЕКЛИ

**Где не ступала
нога человека
Гражданин
в космосе
Паломничество
на Землю**

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Роберт
ШЕКЛИ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Robert
SHECKLEY**

**Untouched
by Human Hands
Citizen in Space
Pilgrimage
to Earth**

ШРоберт ШЕКЛИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Где не ступала
нога человека**

**Гражданин
в космосе**

**Паломничество
на Землю**

ББК 84. 4/8
Ш 40

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г.

Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Шекли Р.
Ш 40   Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1/Пер. с
англ. — М.: ООО «Фабула», 1993. — 448 с. — (Сер.
«Мастера американской фантастики»).
ISBN 5-86090-173-9

Собрание сочинений всемирно известного американского писателя-фантаста Роберта Шекли подготовлено на основе сборников произведений, составленных самим автором.

В первый том полностью вошли три авторских сборника: «Где не ступала нога человека», «Гражданин в космосе» и «Паломничество на Землю», известные нашему читателю лишь частично.

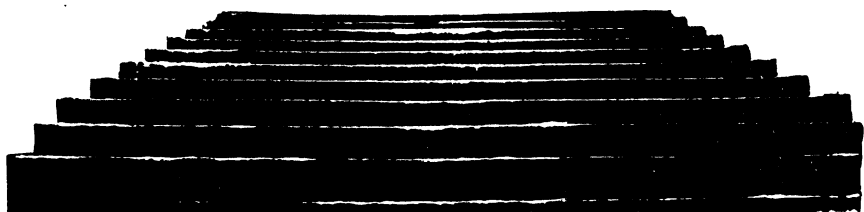
4804010000 — Без объявл.

ББК 84.4/8

ISBN 5-86090-173-9

© ООО «Фабула», 1993
© Оформление, рисунки П. Храмцов, 1993

Где не ступала нога человека

ЧУДОВИЩА

Кордовир и Хэм стояли на вершине скалистой горы и смотрели на новое явление. Оба были вполне довольны. За последнее время ничего новее не происходило — это точно.

— Между прочим, — заметил Хэм, — от него отражается солнце. Наверное, оно из металла.

— Похоже, — согласился Кордовир. — Но как оно держится в воздухе?

И оба уставились вниз, в долину, на новое явление. Над поверхностью покачивался остроконечный предмет. Из одного его конца вытекало нечто похожее на огонь.

— На огне, — ответил Хэм. — Это же ясно — даже если глаза старые, как у тебя.

Кордовир приподнялся на толстом хвосте, чтобы лучше видеть. Предмет опустился на почву, и огонь исчез.

— Посмотрим поближе? — спросил Хэм.

— Давай. Время как будто есть... Подожди! Какой сегодня день?

Хэм посчитал про себя, потом сказал:

— Пятый день луггата.

— Проклятье! — выругался Кордовир. — Мне нужно домой — убить жену.

— До захода солнца еще несколько часов, — сказал Хэм. — По-моему, у тебя хватит времени и на то и на другое.

Кордовир засомневался:

— Опаздывать не хотелось бы.

— Ты же знаешь, какой я быстрый, — сказал Хэм. — Если будем опаздывать, я поспешу и убью ее сам. Что скажешь?

— Очень благородно с твоей стороны, — похвалил Кор-

довир молодого соплеменника, и вместе они заскользили по крутому склону горы.

Перед металлическим предметом оба остановились и замерли, оперевшись на хвосты.

— Больше, чем я думал, — заметил Кордовир, окинув предмет взглядом. Пожалуй, чуть длиннее деревни, а по ширине уступает ей примерно вдвое. — Они проползли вокруг предмета — оказалось, металл был обработан.

Вдалеке зашло меньшее солнце.

— Наверное, надо возвращаться, — спохватился Кордовир, отметив, что стемнело.

— У меня еще есть время в запасе, — сказал Хэм, самодовольно поигрывая мускулами.

— Да, но каждый хочет убить свою жену сам.

— Делай как знаешь.

И они заспешили в сторону деревни.

Дома жена Кордовира заканчивала готовить ужин. Она стояла спиной к двери — этого требовал этикет. Кордовир убил ее взмахом хвоста, выволок тело за порог и сел ужинать.

Поев, поразмышляв, он отправился на Сборище. Хэм — ох, эта нетерпеливая молодежь! — уже был там и рассказывал о металлическом предмете. Ужин-то небось проглотил, подумал Кордовир с легкой неприязнью.

Когда молодой кончил говорить, Кордовир поделился своими наблюдениями. К сказанному Хэмом он, по сути, добавил одну мысль: внутри металлического предмета могут оказаться разумные существа.

— Почему ты так думаешь? — спросил Мишилл, еще один старец.

— Во-первых, когда предмет опускался, был виден огонь, — объяснил Кордовир. — Во-вторых, когда предмет опустился, огонь погас. Полагаю, его погасило какое-то существо.

— Необязательно, — возразил Мишилл. Жители деревни заспорили и просидели за пересудами далеко за полночь. Потом они закончили собрание, похоронили убитых жен и разошлись по домам.

Лежа в темноте, Кордовир понял, что еще не выяснил своего отношения к новому явлению. Допустим, там, внутри, разумные существа, но нравственны ли они? Есть ли для них разница между добром и злом? «Сомнительно», — сказал себе Кордовир и заснул.

На следующий день все мужское население деревни отправилось к металлическому предмету. Это было правильное решение, поскольку в обязанности самцов входило изучать новые явления

и ограничивать число самок. Все расположились вокруг предмета и стали гадать, что же там внутри.

— Там наверняка окажутся существа, подобные нам, — высказал мнение Эсктел, старший брат Хэма. Кордовир в знак несогласия покачал всем телом.

— Скорее всего чудовища, — сказал он. — Если учесть...

— Необязательно, — возразил Эсктел. — Задумайся над логикой нашего физического развития. Мы прекрасно обходимся одним глазом...

— Но в великом Запределье, — сказал Кордовир, — может быть столько странных тварей, большинство наверняка на нас не похожи. И среди бесконечно огромного...

— И все-таки, — вставил Эсктел, — логика нашего развития...

— Как я уже сказал, — продолжал Кордовир, — вероятность того, что они будут на нас похожи, бесконечно мала. К примеру, этот их аппарат. Разве мы стали бы строить...

— Но если строго придерживаться логики, — настаивал Эсктел, — то станет ясно...

Кордовира перебили в третий раз. Одним движением хвоста он отшвырнул Эсктела, тот ударился о стенку металлического предмета и рухнул замертво.

— Я всегда считал моего брата грубияном и невежей, — сказал Хэм. — Так о чем ты говорил?

Но Кордовиру снова не дали закончить. Кусок металла, вделанный в больший кусок металла, скрипнул, повернулся, поднялся — и появилось нечто.

Кордовир сразу понял, что оказался прав. У выползшего из отверстия существа было два хвоста. Снизу доверху оно было покрыто чем-то непонятным — отчасти металл, отчасти шкура. А цвет! Кордовир содрогнулся.

Цвет напоминал мокрую, вывернутую наизнанку плоть.

Все местные подались назад: что же будет делать это страшилище? Поначалу оно не делало ничего. Просто стояло на поверхности металла и двигало из стороны в сторону лукообразным предметом, торчавшим над туловищем. Но само туловище не двигалось, и смысл жестов был неясен. Наконец существо подняло оба щупальца и издало какие-то звуки.

— Может, оно пытается нам что-то сообщить? — негромко спросил Мишилл.

В отверстии появились еще три создания, в щупальцах они держали металлические трубки. Повернувшись друг к другу, они стали издавать какие-то звуки.

— С нами у них нет ничего общего — это ясно, — решительно заявил Кордовир. — Возникает вопрос: нравственны ли они?

Одно из существ сползло по металлической обшивке вниз и ступило на твердую почву. Остальные направили книзу свои

металлические трубки. По-видимому, это была какая-то религиозная церемония.

— Разве может такая мерзость быть нравственной? — спросил Кордовир, всей шкурой ощутив омерзение. Создания оказались жуткими, какие и во сне не приснятся. Луковица поверх туловища — это, наверное, голова, решил Кордовир, хотя таких голов он в жизни не видел. Но в середине головы на месте привычной гладкой поверхности торчал бугор. С обеих сторон от него было два круглых углубления, а за каждым из них — по наросту. В нижней части головы — если это все-таки голова — поперек шел бледно-розовый рубец. Что ж, решил Кордовир, если слегка пофантазировать, его можно принять за рот.

Но было и кое-что еще. Существа производили впечатление, что у них есть кости. Когда они двигали конечностями, движения их не были гладкими, плавными и текучими, как у Хэма или Кордовира, скорее — судорожными и резкими: так качаются ветки на дереве.

— Боже правый! — в изумлении воскликнул Гилриг, представитель среднего поколения. — Мы должны убить их, чтобы они не мучились на этом свете!

Подобные мысли возникали и у других, и жители деревни волной покатались вперед.

— Погодите! — крикнул кто-то из молодых. — Давайте пообщаемся с ними, если это реально! Вдруг они все же нравственные существа. Помните, Запределье огромно, всякое может быть.

Кордовир высказался за немедленное уничтожение, но все остановились и заспорили. Со свойственной ему бравадой Хэм плавно приблизился к существу, которое спустилось вниз.

— Привет, — сказал Хэм.

Существо что-то ответило.

— Ничего не понимаю, — сказал Хэм и начал отползать. Странное создание помахало сращенными щупальцами — если это были щупальца — и указало на одно из солнц. Потом издало какой-то звук.

— Да, действительно, сегодня тепло, — дружелюбно ответил Хэм.

Страшилище указало себе под ноги и издало другой звук.

— В этом году у нас с урожаем дела не очень, — поддержал разговор Хэм.

Страшилище указало на себя и произвело новый звук.

— Верно, — согласился Хэм. — Ты страшнее чучела.

Тем временем местные жители проголодались и поползли обратно в деревню. Хэм задержался, прислушиваясь к звукам, которые издавали существа, а Кордовир, нервничая, ждал его.

— Знаешь, — сказал Хэм, присоединяясь к Кордовору, — по-моему, они хотят выучить наш язык. Или чтоб я выучил их язык.

— Не делай этого! — воскликнул Кордовир, потому что смутно почувствовал: тут и до беды недалеко.

— Пожалуй, я этим займусь, — пробормотал Хэм. Вдвоем они вскарабкались на утесы, за которыми скрывалась их деревня.

Ближе к вечеру Кордовир пошел в хранилище избыточных самок и сделал молодой женщине официальное предложение: не согласится ли она царствовать в его доме двадцать пять дней? Естественно, самка с благодарностью согласилась.

По пути домой Кордовир встретил Хэма — гот направлялся в хранилище.

— Только что убил жену, — сообщил Хэм, хотя это и так было ясно, иначе что ему делать в хранилище избыточных самок?

— Завтра опять собираешься к этим страшилищам? — спросил Кордовир.

— Возможно, — ответил Хэм. — Если не появится что-нибудь поновее.

— Главное — выяснить, нравственные они существа или чудовища.

— Точно! — согласился Хэм и заскользил дальше.

В тот вечер после ужина было Сборище. Все согласились, что существа не могут быть разумными. Кордовир из всех сил доказывал, что сама их внешность говорит об этом. И подобной мерзости наверняка чужды какие-либо нравственные устои, понятие о добре и зле, и, самое главное, у них нет потребности говорить правду.

Молодежь не соглашалась — наверное, потому, что в последнее время с новыми явлениями стало тужо. Молодые считали, что металлический предмет — бесспорно, продукт интеллекта. Интеллект автоматически подразумевает умение отделять одно от другого. В том числе и добро от зла.

Спор удался на славу. Олгодел возразил Арасту, и тот его убил. Маврт, личность вообще-то спокойная, вдруг разгневался и убил трех братьев Холианов, но тут же был убит Хэмом, который так и рвался в бой. Даже избыточные самки обсуждали волновавший всех вопрос — было слышно, как они спорили в своем хранилище на краю деревни.

Усталые, но счастливые жители разошлись по домам.

Почти целый месяц спорам не было конца. Но жизнь, в общем, шла своим чередом. По утрам жены выходили из домов, собирали пищу, откладывали яйца. Яйца относили в хранилище избыточных самок и там высиживали. Как обычно, на восемь самок рождался один самец. Через двадцать пять дней после свадьбы, а то и раньше, каждый мужчина убивал жену и брал себе другую.

Мужское население ходило к кораблю — послушать, как Хэм осваивает незнакомый язык. Потом им это надоело, и они снова

принялись бродить по холмам и лесам в поисках новых явлений.

Пришельцы-чудовища держались возле своего корабля, выходили из него, лишь когда появлялся Хэм.

Через двадцать четыре дня после их прилета Хэм объявил, что ему удалось наладить с ними какое-то подобие общения.

— Они говорят, что прилетели издалека, — рассказывал Хэм в тот вечер жителям деревни. — Что они двуполые, как и мы, что они, как и мы, разумные. А что отличаются от нас, так на то, мол, есть свои причины. Правда, здесь я не очень хорошо их понял.

— Но если согласиться с тем, что они разумные, — сказал Мишилл, — тогда мы должны поверить и всему остальному.

Все закачалось в знак согласия.

— Они говорят, что не хотят вмешиваться в нашу жизнь, но будут рады понаблюдать за ней. Они хотят прийти в деревню и посмотреть, как мы живем.

— Пусть приходят, — высказался кто-то из молодежи.

— Нет! — вскричал Кордовир. — Вы хотите впустить в наш дом зло! Эти чудовища коварны. Я уверен, они даже способны... сказать неправду.

Остальные старцы согласились, но тут возмутилась молодежь, и оказалось, что подкрепить свое злое обвинение Кордовору нечем.

— Ну хорошо, — воскликнул Сил, — они выглядят как чудовища, но совсем не обязательно, что они и мыслят как чудовища.

— Обязательно, — возразил Кордовир, но большинство согласилось с Силом.

Хэм продолжил рассказ:

— Они предложили мне — или нам, точно не понял — разные металлические предметы, которые якобы делают разную работу. Я не стал говорить им, что это нарушение этикета: все равно они в нем ничего не понимают.

Кордовир кивнул. Растут молодые! Хэм, по крайней мере, начинает показывать, что кое-какие правила поведения он усвоил.

— Они хотят прийти в деревню завтра.

— Нет! — вскричал Кордовир, но снова оказался в меньшинстве.

— Кстати, — вспомнил Хэм. — Среди них есть несколько самок. У них ярко-красные рты. Интересно посмотреть, как самцы будут их убивать. Завтра — двадцать пятый день, как они прилетели.

На следующий день существа, медленно и с большим трудом перебравшись через утесы, приползли в деревню. Местные жители сразу заметили исключительную хрупкость их конечностей, крайнюю неуклюжесть движений.

— Красотой тут и не пахнет, — пробурчал Кордовир. — И друг от друга их не отличишь.

В деревне существа повели себя весьма нескромно. Они заползали в дома и выползали обратно. Вовсю тараторили в хранилище избыточных самок. Брали яйца и внимательно их разглядывали. Смотрели на местных жителей через какие-то черные и блестящие штуковины.

Во второй половине дня Рантан, один из старцев, решил, что с женой пора кончать. Поэтому он оттолкнул существо, которое осматривало его дом, и ухлопал свою благоверную.

Тотчас два существа что-то затараторили и поспешили вон из дома.

Одно из них оказалось красноротой самкой.

— Наверное, он вспомнил, что ему тоже пора убить жену, — предположил Хэм.

Жители ждали, но ничего такого не произошло.

— Может, — заговорил Рантан, — он хочет, чтобы его жену убил кто-нибудь другой? Может, в их краях такой обычай?

И без дальнейших раздумий ударил самку чудовищ хвостом.

Тогда их самец издал ужасный звук и навел на Рантана металлическую трубку. Он убил Рантана.

— Странно, — сказал Мишилл. — Это должно означать неодобрение?

Существа, прилетевшие в металлическом предмете — их было восемь, — прижались друг к другу. Один держал погибшую самку, остальные направляли металлические трубки в разные стороны. Хэм подошел спросить, в чем дело.

— Не понял, — сообщил Хэм, поговорив с ними. — Они сказали слова, которых я не знаю. Но похоже, они нас в чем-то упрекают.

Чудовища стали пятиться назад. Тут еще один местный решил, что время пришло, и убил стоявшую в дверях жену. Чудовища остановились и снова о чем-то между собой тараторили. Потом сделали движение щупальцами, подзывая Хэма.

Поговорив с ним, Хэм как-то странно задвигал всем телом.

— Если я правильно понял, — сказал он, — они приказывают нам больше не убивать наших женщин.

— Что? — воскликнул Кордовир, а вместе с ним еще десяток жителей.

— Сейчас переспрошу. — И Хэм вернулся к чудовищам, которые размахивали металлическими трубками, зажатými в щупальцах. — Все точно, — подтвердил Хэм.

Не теряя времени даром, он щелкнул хвостом — и одно из чудовищ отлетело на другой конец деревенской площади. Остальные чудовища тут же начали отступать, наставив на местных свои трубки.

Когда они скрылись, жители деревни подсчитали потери — погибло семнадцать самцов. Хэм куда-то исчез.

— Ну, теперь вы мне поверите? — закричал Кордовир. — Эти страшилища умышленно сказали неправду! Они обещали вести себя смирно, а потом убили семнадцать из нас. Это не просто безнравственно — это преднамеренное убийство!

Такое для разумного существа было сверх всякого понимания.

— Умышленно сказали неправду! — выкрикнул Кордовир страшные слова, задыхаясь от омерзения. Мужчины редко говорили о том, что кто-то способен сказать неправду, это просто не укладывалось в голову.

Жители деревни были вне себя от ярости и отвращения: они в полной мере ощутили, что представляет собой лживое существо. К тому же чудовища совершили преднамеренное убийство!

Казалось, самый жуткий кошмар обернулся явью. Вдруг выяснилось, что эти создания не убили ни одной самки. Выходит, своим самкам они разрешают плодиться без всякого удержу? От такой мысли замутит даже здорового мужчину!

Избыточные самки высыпали из своего хранилища и вместе с женами потребовали объяснить им, что случилось. Получив ответ, они вознегодовали вдвое больше мужчин, что вообще свойственно женской природе.

— Убейте их! — вопили избыточные самки. — Не позволяйте им покушаться на наши обычаи! Не позволяйте им сеять безнравственность!

— Они правы, — грустно сказал Хэм. — Я должен был предвидеть такое.

— Убейте их немедленно! — надрывалась одна самка.

Она была избыточной и имени пока не имела, но с лихвой восполняла этот недостаток тем, что была яркой личностью.

— Мы, женщины, желаем только одного: жить нравственной и скромной жизнью, высиживать яйца в хранилище, пока не придет время для замужества. А потом — двадцать пять до исступления насыщенных дней! Разве мы можем желать большего? Эти чудовища замахиваются на наш образ жизни! Они хотят превратить нас в таких же уродов, как они сами.

— Ну, теперь убедились? — закричал Кордовир на мужчин. — Я предупреждал вас, пытался растолковать, но вы отмахивались от меня. А молодежь должна слушать стариков в минуты опасности. — Он так разъярился, что ударом хвоста убил двух молодых. Остальные наградили его аплодисментами.

— Изгоните их! — распорядился Кордовир. — Не то они развратят нас!

И все самки кинулись убивать чудовищ.

— У них есть смертоносные трубки, — заметил Хэм. — Самки знают?

— Думаю, что нет, — сказал Кордовир. Он теперь совершенно успокоился. — Лучше догони их и предупреди.

— Я устал, — недовольно сказал Хэм. — Все время за переводчика. Может, ты догонишь?

— Ладно, давай догоним вдвоем, — сказал Кордовир, которому надоели капризы Хэма. Вместе с половиной деревни они поспешили за самками.

Они догнали их на краю утеса, возвышавшегося над металлическим предметом. Пока Хэм рассказывал о смертоносных трубках, Кордовир думал.

— Сбрасывайте на них камни! — велел он самкам. — Может, сумеете пробить металлическую обшивку.

Самки рьяно принялись за дело, и с утеса вниз посыпались камни. Некоторые и вправду попали по кораблю. Оттуда тотчас вылетели струйки красного пламени, и самки погибли. Почва затряслась.

— Отходим назад! — распорядился Кордовир. — Самки управятся и без нас, а у нас от этой тряски голова кружится.

И вместе с остальными самцами он удалился на безопасное расстояние, чтобы оттуда следить за событиями.

Самок словно косило косой, но погибших тут же заменяли жительницы других деревень — они прослышали об угрозе. Они сражались за свои дома, за свои права, сражались с неслыханной яростью, лучше любого самца. Вылетающие из корабля огненные языки носились по всему утесу, но огонь освобождал камни, и те дождем барабанили по металлу. Наконец из одного конца металлического предмета вырвалось большое пламя.

Начался обвал, но непонятный предмет уже поднялся в воздух. Он чуть не врезался в гору. Потом постепенно набрал высоту, превратился в маленькую точку на фоне большого солнца. И исчез.

Вечером выяснилось, что погибло пятьдесят три самки. Это было очень кстати: количество избыточных самок снизилось. Проблема с ними стояла очень остро — ведь одним махом деревня лишилась семнадцати самцов.

Кордовира распирало от гордости. Его жена доблестно сражалась и погибла в бою, но он сразу же взял новую.

— Пожалуй, какое-то время придется убивать жен чаще, чем раз в двадцать пять дней, — сказал он на вечернем Сборе. — Пока положение не придет в норму.

Оставшиеся в живых самки слышали его из хранилища и бешено заплодировали.

— Интересно, куда они полетели? — спросил Хэм, обращаясь ко всем сразу.

— Будут искать каких-нибудь беззащитных тварей, чтобы поработить их, — предположил Кордовир.

— Необязательно, — отозвался Мишилл, положив начало очередному вечернему спору.

СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае, она-то счастлива», — подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» остается полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше давления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и разминало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно показывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», — прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.» одеть себя, и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стальные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стеной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела „Авиньон электрик“».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена.

Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек, — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось

в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О, да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин. До сих пор у него как-то руки не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — такой итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не

лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу мира было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин.

Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалование своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будет все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов речь идет всего лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкость, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинул кресло и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли поперемменно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хоть он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, — сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. — Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину. — На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его «сэром», Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, — и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Значит, ты знаешь, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все

время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, — подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл. — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Оpozнав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические товарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроены голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоятся ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина.

Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил, что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

АЛТАРЬ

С улыбкой на гладко выбритом лице мистер Слейтер легкой подпрыгивающей походкой шел к железнодорожной станции по Кленовой улице. Весеннее утро было просто чудесным.

Мистер Слейтер мурлыкал про себя мотивчик, радуясь пешей прогулке в семь кварталов. Всю зиму преодолевать такое расстояние казалось ему делом весьма занудным, однако нынешняя погода полностью возмещала неудобства пути. Какое удовольствие — жить, и какая радость — совершать ежедневные поездки в город!

И тут его остановил человек в светло-голубом пальто.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Не подскажете ли дорогу к Алтарю Баз-Матайна?

Мистер Слейтер, все еще переполненный весенним радостным настроением, задумался.

— Баз-Матайна? Как вы сказали? Алтарь Баз-Матайна?

— Совершенно верно, — с извиняющейся улыбкой подтвердил необычайно высокого роста незнакомец с темным вытянутым лицом.

По виду явно нездешний, решил мистер Слейтер.

— Страшно извиняюсь, — после непродолжительного размышления ответил он, — но, по-моему, я вообще не слыхал о таком.

— Все равно спасибо, — благодарно кивнув, сказал темнокожий и направился в сторону центра. А мистер Слейтер пошел к станции.

Лишь после того как кондуктор прокомпостировал ему билет, мистер Слейтер вспомнил о случайной встрече. Баз-Матайн, твердил он про себя, пока поезд пронесся по туманным каменистым полям Нью-Джерси. **Баз-Матайн.** Должно быть, незнакомец ошибся, решил мистер Слейтер. Северная Амбросия в Нью-Джерси представляла собой маленький городок, настолько маленький, что местный житель знал в нем каждую улицу, каждый дом или магазин. Особенно такой местный как мистер Слейтер, живущий здесь уже почти двадцать лет.

По прошествии половины рабочего дня мистер Слейтер застал себя за тем, что сидит, постукивая карандашом по стеклянной крышке стола, и думает о незнакомце в светло-голубом пальто. Явно нездешний, он весьма странно смотрелся в Новой Амбросии, тихом и изысканном, оседлом пригороде, где люди носили добротные деловые костюмы и коричневые портфели. Встречались среди жителей и толстяки, встречались и худенькие, но чтобы принять кого-то из них за члена религиозного братства?

Мистер Слейтер выбросил эти мысли из головы. После работы он на метро доехал до Хобокена, затем на поезде до Северной Амбросии, и наконец опять пешком от станции до дома.

По пути к дому он снова повстречал незнакомца.

— Нашел, — сообщил тот. — Хоть и с трудом, но нашел.

— А где это? — поинтересовался, остановившись, мистер Слейтер.

— Рядом с Храмом Темных Таинств Изизы, — ответил незнакомец. — Какой же я бестолковый! Мне следовало спросить о нем сразу. Я знал, что это где-то неподалеку, но мне не пришло в голову...

— Храмом чего? — переспросил мистер Слейтер.

— Темных Таинств Изизы, — повторил темнокожий. — Ну там не конкуренты, конечно. Провидцы да колдуны, циклы плодородия и тому подобная мур. Не сравнимо с **нашей** компетенцией.

— Понимаю, — согласился мистер Слейтер, в ранних весенних сумерках внимательно разглядывая незнакомца. — Я, собственно, почему спросил: ведь я уже много лет живу в этом городе, но, вроде, никогда не слышал...

— Вот те на! — воскликнул незнакомец, поглядев на часы. —

Даже не подозревал, что уже столь поздний час. Если не потороплюсь, то задержу церемонию.

И дружески махнув рукой, поспешно удалился.

А мистер Слейтер неторопливым шагом направился домой, размышляя по пути об услышанном. **Алтарь Баз-Матайна. Темные Таинства Изисы.** Похоже на секты. Неужели в его городке есть и такие места? Невероятно. Да просто никто не сдаст в аренду помещения подобным людям.

После ужина мистер Слейтер сверился по телефонному справочнику. Однако в списках абонентов не значились ни Баз-Матайн, ни Храм Темных Таинств Изисы. В службе информации о них вообще не знали.

Странно, подумал мистер Слейтер. Чуть погода, он рассказал жене о встречах с незнакомцем.

— Чушь, — заявила та, поправляя передник. — В нашем городе невозможно основать какую-либо секту. Не то что секту, — женский клуб. Бизнес Бюро не позволит.

Мистер Слейтер согласился. Скорее всего незнакомец ошибся городом. Наверно, секты обосновались в Южной Амбросии, соседнем городке с несколькими барами, кинотеатрами и явно нежелательными элементами среди населения.

На следующее утро, в среду, мистер Слейтер поискал взглядом незнакомца, но заметил лишь своих повседневных спутников. На обратном пути — то же самое. Очевидно, незнакомец посетил Алтарь и отбыл. Или же приступил к службе в часы, не совпадавшие с часами поездок мистера Слейтера.

В понедельник мистер Слейтер замешкался и вышел из дому на несколько минут позже обычного, а потому очень спешил, чтобы не опоздать на поезд. И тут впереди он заметил голубое пальто.

— Эй, привет! — окликнул пальто мистер Слейтер.

— О? Привет! — расплываясь в улыбке, отозвался темнокожий. — Удивлен. Наши пути опять пересеклись.

— Я тоже, — замедлив ход, согласился мистер Слейтер.

Незнакомец шел, явно наслаждаясь прекрасной погодой. Мистер Слейтер понял, что на поезд уже не успеет.

— Ну и как там дела в Алтаре? — поинтересовался он.

— Да так себе, — сцепив за спиной руки, ответил незнакомец. — Откровенно говоря, у нас крупные неприятности.

— О? — заинтересованно произнес мистер Слейтер.

— Да, — ответил темнокожий, и его лицо посерьезнело. — Старейшина Азеротен, мэр, грозит отобрать у нас лицензию в Северной Амбросии. Говорит, мы, дескать, не выполняем свою хартию. Но спрашиваю вас, а как мы можем? Шайка Дионисус-Африкануса на той стороне улицы перехватывает всех годных, а синдикат Папы Легба-Дамбаллы, что двумя домами раньше,

забирает даже не годных... Ну что можно сделать? Как работать в таких условиях?

— Звучит не больно хорошо, — согласился мистер Слейтер.

— Это еще не все, — продолжал незнакомец. — Наш верховный жрец грозит уходом, если мы не проведем какую-нибудь акцию. Он адепт седьмой ступени, и один Брама знает, где мы еще найдем другого.

— М-м-м, — пробормотал мистер Слейтер.

— Вот почему я здесь, и если в Алтаре намерены использовать умную деловую практику, я подойду им лучше всего. Я, знаете ли, менеджер нового типа.

— О? — удивился мистер Слейтер. — Вы перестраиваетесь?

— Некоторым образом, — ответил незнакомец. — Смотрите, это, похоже...

К темнокожему незнакомцу подбежал толстенький коротышка и схватил его за рукав.

— Элор, — запыхаясь, выпалил он. — Я ошибся в дате. Тот самый понедельник именно сегодня. Сегодня, а не на следующей неделе.

— Черт! — отрывисто ругнулся темнокожий. — Вы должны извинить меня. Это крайне необходимо, — обратился он к мистру Слейтеру и поспешил прочь вместе с коротышкой.

Мистер Слейтер опоздал на работу на полчаса, но ему было на это наплевать. Все абсолютно ясно, думал он, сидя за столом. Несколько сект в борьбе за паству развязали в Северной Амбросии настоящую войну, а мэр, вместо того чтобы изгнать их всех, сидит, сложа руки, а может, даже и взятки берет.

Мистер Слейтер гневно стукнул карандашом по крышке стола. Как такое возможно? Утаить что-либо в Северной Амбросии? В таком маленьком городке? Где мистер Слейтер добрую половину жителей знал по именам? И чтобы нечто подобное осталось незамеченным?

Он возбужденно схватился за телефон.

Информационная служба не дала ему номеров ни Дионисус-Африкануса, ни Папы Легбы или там Дамбаллы. Мэром Северной Амбросии, как ему сообщили, был не Азеротен, а некто по фамилии Миллер. Мистер Слейтер позвонил ему.

Разговор с мэром его не удовлетворил. Мэр утверждал, что знает в городе буквально все, включая каждую церковь и каждую масонскую ложу. И если здесь и есть какие-то секты, которых здесь даже не может быть, то про них он тоже знает.

— Вас попросту обманули, дорогой мой, — слишком напыщенно, по мнению мистера Слейтера, заявил мэр Миллер. — В городе нет людей с подобными именами, и нет таких организаций. Да мы бы просто не позволили ошиваться им в нашем городе.

Домой мистер Слейтер добирался в глубокой задумчивости. Сойдя с поезда на платформу, он увидел Элора, торопливо переходящего Дубовую улицу быстрыми короткими шагами.

Мистер Слейтер окликнул его, и Элор остановился.

— Не могу опаздывать, — весело объяснил он. — Скоро начало церемонии, и мне необходимо быть там. Болван Лайджен ошибся.

Лайджен, наверно, тот самый толстяк, который утром увел Элора, решил мистер Слейтер.

— Он такой рассеянный, — продолжал Элор. — Разве можно представить себе грамотного астролога, на целую неделю ошибающегося в сроке сближения Сатурна со Скорпионом? Впрочем, не важно. Церемония сегодня вечером, будет ли налицо весь состав участников действия или нет.

— А можно мне пойти? — без колебаний попросился мистер Слейтер. — Я имею в виду, если у вас не хватает участников.

— Такого прецедента еще не бывало, — пробормотал Элор.

— Я действительно хочу, — настаивал мистер Слейтер, увидев шанс проникнуть в глубины таинства.

— Не уверен, что это будет справедливо по отношению к вам, — сказал Элор. Его темное лицо выражало задумчивость.

— Так сразу, без подготовки...

— Я буду вести себя как надо, — продолжал упрашивать мистер Слейтер. Если это ему удастся, то он утрет мэру нос и подкинет в руки подходящий матерьяльчик. — Мне очень хочется пойти. Вы разожгли мое любопытство.

— Ладно, — согласился Элор. — Но нам лучше поторопиться.

Они направились по Дубовой улице к центру города. Дойдя до первых рядов магазинов, Элор свернул. Он провел мистера Слейтера еще через два квартала, потом через два квартала в обратную сторону, затем еще квартал. После чего они двинулись в направлении железнодорожной станции.

Стемнело.

— Разве нет пути поближе? — поинтересовался мистер Слейтер.

— О нет, — ответил Элор. — Это самая короткая дорога. Если б вы знали, как я плутал в первый раз...

Они продолжали идти, огибая кварталы, возвращаясь, переходя улицы, по которым уже проходили, петляя по всему городу, так хорошо знакомому мистеру Слейтеру.

Однако, когда стемнело еще больше, и они стали выходить на знакомые улицы из неизвестных направлений, мистера Слейтера охватило некоторое смущение. Он, конечно, знал, где находится, но постоянное кружение по городу сбивало с толку.

Как странно, подумал он, оказывается, можно заблудиться в собственном городе, даже прожив в нем почти двадцать лет.

Мистер Слейтер попытался определить, на какой они улице, не глядя на указатель, но тут они сделали еще один неожиданный поворот. Он уже было решил, что они возвращаются в Ореховый переулок, но вдруг обнаружил, что не помнит следующего перекрестка. Проходя угол, мистер Слейтер взглянул на указатель.

И прочел: Левый Проход.

Улицы в Северной Амбросии с таким названием он не помнил.

Здесь не было уличных фонарей, и мистер Слейтер обнаружил, что не узнает ни одного магазина. Очень странно, а он ведь думал, что уж в Северной-то Амбросии прекрасно знает каждый торговый квартал.

Мистер Слейтер вздрогнул от неожиданности, когда они миновали черное приземистое здание с матово освещенной табличкой.

Которая гласила: **Храм Темных Таинств Изизы.**

— Нынче вечером у них довольно тихо, а? — заметил Элор, проследив за взглядом мистера Слейтера. — Нам следует поспешить.

И прибавил шагу, не оставив идущему за ним мистеру Слейтеру времени на расспросы.

Строения становились все страннее и незнакомее по мере продвижения по этой темной улице. Здания были различны и по виду и по размерам: какие-то выглядели новыми и ухоженными, другие же — древними и запущенными. Существование в Северной Амбросии такого квартала мистер Слейтер просто не мог себе вообразить. Город в городе? Ночная Северная Амбросия, о которой ничего не знают ее дневные обитатели? Или же Северная Амбросия, в которую можно попасть, лишь петляя по городу извилистым путем по знакомым улицам?

— А здесь совершаются фаллические ритуалы, — сообщил Элор, указывая на высокое стройное здание. Рядом притулился кривой, осевший на один бок дом.

— А это — резиденция Дамбаллы, — пояснил Элор, указывая на него.

Завершалась улица длинной невысокой постройкой белого цвета. Мистер Слейтер не успел рассмотреть ее, поскольку Элор взял его за руку и поспешно ввел внутрь.

— Мне следует быть расторопнее, — еле слышно пробормотал Элор.

Внутри была крошечная тьма. Мистер Слейтер ощущал вокруг себя какие-то движения, а потом начал различать слабый

белый свет. Элор подвел его к источнику света, сообщив дружелюбным голосом:

— Вы действительно выручили меня.

— Привел? — спросил из света высокий голос.

Мистер Слейтер уже начал кое-что различать в темноте, а когда глаза совсем привыкли к мраку, он увидел маленького старика, стоявшего перед источником света.

Старик держал необыкновенно длинный нож.

— Конечно, — ответил Элор. — И он сам тоже хотел.

«Источник белого света подвешен над алтарем», — понял мистер Слейтер. Рефлекторным движением он развернулся, пытаясь убежать, но рука Элора крепко сжала его запястье.

— Теперь вы не можете покинуть нас, — вежливо объяснил Элор. — Мы готовы начинать.

И множество рук неотвратимо потянули мистера Слейтера к Алтарю.

ФОРМА

Пид-Пилот замедлил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела бесечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры, как экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его, но все же надо что-то предпринять. Это долг Пилота, ибо низшие касты, к которым относятся

Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, — медленно начал Пид. — Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же, — сурово сказал Пид, — расстояние не служит оправданием беснравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам, — продолжал Пид. — На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхностей своего тела.

— У меня все, — закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники, — решил он. — Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид, — сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы, — эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр, — ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас, — внушительно проговорил Командующий, — должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр, — ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели, — сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. — Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все, — поведал ему Командующий. — Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пиды на языке.

— Пид, — сказал он, — тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр, — ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое, — продолжал Командующий. — Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства. — И он печально потряс телом.

— Я сообщил тебе об этом не зря, — пояснил Командующий. — Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр, — не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем, — сказал он. — Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр, — осмелился возразить Пид, — если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции. — Он вздохнул. — Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр, — сказал Пид.

— Надо только следить за ними, — сказал Командующий.

— Да, сэр, — повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражес-

кий источник энергии в мост через космическое пространство, — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи, — сказал Командующий. — Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма стустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Одно облачко опускалось ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съезживался. Вскоре корабль превратился в грудку хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную

беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотом был его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы пилотировал их. Теперь, без корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы... С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринять, поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера, — подумал он горько, — а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший. Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тожественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тожественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое тельце, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взвыл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскок вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся Охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится, — сказал Пид. — Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден. — Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжили путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а у ворот стояли часовые.

«Первая задача, — подумал Пид. — Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали невероятные различия.

Людам была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно непохоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что Люди наловчились вылавливать непрошенных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал, — сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду. — Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке, — напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращаю. Вот так. — Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно, — одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясучей походке Человека.

— Но, боюсь, ничего не выйдет, — продолжал Пид.

— Это же вполне логично, — возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать, — ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: то была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам и улеглась на траве.

— Гм, — сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу, — возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму собаки.

— Нет, погоди, — сказал Пид. — Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться, — сказал Пид. В сопровож-

дении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? А, да! — произнес дубок и слился с кустарником. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся, — повторил Пид. — Ты случайно не мыслил?

— О нет, — заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек или Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите, — сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплущились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустилсЯ до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом», — напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело, — сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его, — сказал Пид Джеру. — Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуга. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил пройти за ворота на свой страх и риск? — предположил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя, — объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Видимо, Радист погиб или захвачен в плен Людьюми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста, — сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их. — Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее.

Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе Собаки побежали за угол.

«Это остроумно, — подумал Пид. — Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничего не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно было так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него. Собаки лаяли у ворот. Но Джер так и не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться возникшей сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет, — сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением. — Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю, — ответил Джер, виляя хвостом. — Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился, — благодушно пояснил Джер. — Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... Твой долг...

— Я передумал, — заявил Джер. — Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно, — сказал Джер, — но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пида трясло от злости.

— Нельзя, — сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку. — Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну, не здесь, здесь-то не запретна, — возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтобы я этого больше не слышал, — сердито сказал Пид. — Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. А я таки постараюсь забыть все, что ты здесь мне плел.

— Не пойду, — ответил Джер. — Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав, — произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид. — Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь, — сказал Ильг. — Я все размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот, — печально сказал Джер. — Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот, — заметил Ильг, — все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы, — подхватил Джер.

— Вот именно, — сказал Ильг. — Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать. — И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют, — сказал он. — Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит, — сообщил Джер. — Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился, — это глом девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот, — предложил Джер. — Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь Люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома, — прорычал он злобно и обернулся Собакой. — Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пид к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом слышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, почему он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один человек. Он пристально посмотрел на Пид, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие.

«Это, несомненно, козни Самого Бесформия», — сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид устался на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, слышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл сформировать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны пока не подрастут настолько, что можно преподавать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть, его предназначение. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно.

Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахивала крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетающую птичью стаю.

ТРАВМИРОВАННЫЙ

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13 371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т.п. См. прилагаемые расчеты.

• Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением *Кариеномен*

Приложение: Расчеты конструкций, 1

Карта метагалактики «Аттала», 1

* * *

Адрес: Штаб строительства
334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Кариеномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой Кариеномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра Метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы

встроили в Метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской; и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавший в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Карриеномен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз

Приложение: заверенная копия протокола жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так, — сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана. — Прощайся со своим владением. — Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение, — пробормотала Кей. — Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много. — Масрин направился к двери. — А со Счастливым попросимся? — Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату¹. Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

— Не надо, — возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм. — Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станет?

— Ты совершенно права, — поддержал ее Масрин. — Не стоит начинать новую жизнь с благословений Счастливого. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось? — поинтересовалась Кей.

— Мы ничего не забыли? — нахмурившись, в свою очередь спросил Масрин.

— Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать? — спросила Кей. — Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

— Видишь? — шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа. — Это легко. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход сверчился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

---

¹ Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются. — *Прим. перев.*

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые мрачные стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось? — помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела? — спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу: «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне неверишь, — произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе, — отозвалась Кей. — Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан! — внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да бог с ним, с чемоданом, — отмахнулась Кей.

— Надо вернуться, — настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему? — спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс. — Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему сомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди, — продолжал он, — мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада» — монография Эттисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю, — откликнулась Кей. — Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно, — сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так, — снова заговорил Масрин. — Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно? — спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово, — отчеканил он. — В логически построенной Вселенной парадокс не допускается. Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

— Я представляю себе, — продолжал Масрин, — что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого

принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что... — Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первоначальному хаосу, но не знал, какое и почему.

— Как бы там ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей? — изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно, — ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит. — Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки, — бодро произнес Масрин. — К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступени он опять исчез.

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгруппировались вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали», с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею. — Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторического племени, которое отделяло бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только...

Но с другой стороны, логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно взирал на все происшедшее и понимал, что, несмотря на любые разумные аргументы, того, что было, не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом.

Тут Масрин вскрикнул и потерял сознание.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будет преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле — подавлении первозданного хаоса — я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, связанных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет работу. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограничена его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это, в свою очередь, повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метagalактики покособился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением *Кариеномен*

Приложение 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе

2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах

Адрес: Штаб строительства

334 132, доб. 12

Адресат: Подрядчик Кариеномен

Отправитель: Ревизор Миглиз

Предмет: Метagalактика «Аттала»

Кариеномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не провала пространственную ткань.

Миглиз

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерять шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошное внизу, — сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе. — Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит? — спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово, — ответил Масрин. — Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции.

— А подниматься можно? — спросила совершенно сбита с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу, — заныла Кей. — Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь? — прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время, — сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного, — возразил Гарф. — Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы? — спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться? — спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо, — произнесла Кей сдавленным голосом, — я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову скорую помощь, — сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бактерий бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго, — предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились, — констатировал Гарф. — Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил, — подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? — спросил Гарф.

Масрин промолчал. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобра-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Пойдите, — заметил Масрин. — Мы заплатили вам по сегодняшнему дню. До полуночи эта комната наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше, — предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый, — сказала она, — может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделают трещину, — ответил Масрин. — Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему? — спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит — правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифици-

рую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уже где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю, — твердо сказал Масрин. — Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал, исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устранением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстился Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж, — попросил Масрин. — Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней? — спросила Кей. — Как ты в конце концов отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна, — авторитетно ответил Масрин. — Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю, — сказал Масрин. — Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэп!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Аттала»

исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метagalактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метagalактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлится в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метagalактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метagalактику «Аттала».

С уважением *Кариеномен*

Приложение:

1. Заявка на строительство метagalактики «Морстт»
2. Рецензии на метagalактику «Аттала, 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой, — нервно сказала Кей. — Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут, — ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят. Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь? — спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя, — пояснил Масрин. — С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятил».

— Дело вовсе не в лестнице, — еще раз объяснил Масрин. — Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке, — заявил он, чуть покачиваясь. — Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало — так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И, конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город.

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поискал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, скорее всего, уверен, что Масрин возглавляет Мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка, — обратился он к Кей. — У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего

не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи, — сказал он.

— Черта лысого, а не удачи, — откликнулся с площадки мистер Гарф. — Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикири по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не больше получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какуюто расщелину, он прыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикири решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму, и взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф, — предложил он, — не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр,

Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстт» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней рабо-

той в «Атталей», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить, — это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метagalактики «Морстт».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением *Кариеномен*

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф, — закончил Масрин час спустя. — Я понимаю, что это кажется сверхъестественным, но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел, — признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да, — процедил Гарф, — пожалуй, вы и вправду исчезли, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать, — попросил Гарф. Он энергично высморкался. — Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодились бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что? — переспросил Масрин, выходя из ванной. — Пожалуйста, я не могу даже прикоснуться к этому бараклу. Это повлечет...

— Конечно, — задумчиво произнес Гарф, — я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколол кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете! — вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь, — сказал Гарф. — Все, что мне от вас нужно, — это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто требовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем, — возразил Масрин. — Вы не

представляете, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки, — заявил Гарф. — Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил, — устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся. — Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да? — тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф — стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

— Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу, — заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого, — попросила она.

— Больше ничего не остается. — У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить.

Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был неспособен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки, те, что его задел; должно быть, теперь они превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага! — одобрил его Гарф. — Давай сюда! — Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица, — сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки. — Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим. — Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр,

Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз

Отправитель: Подрядчик Кариеномен

Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морстт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением *Кариеномен*

Приложение: брошюра, 9978 листов.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, — сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли... — начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля, — посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. — С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно, — заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленду траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в астропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он зятянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горячего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, — сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная, — сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить, — пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули, — сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется, — ответил Каскер. — И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь, — сказал он, — когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились.

Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажать на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль, Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера. — А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — обронил Хеллмэн.

Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он продовольственный, — мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, — пояснил Хеллмэн. — Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджийский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджийский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно ответил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово, — сказал он. — Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное, — сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит всю вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, — проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.

— Надеюсь, — ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим, — предложил Хеллмэн, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю, — сказал Каскер и растянулся на полу. — Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Какие же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, иодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом. — А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, — для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глагозвон андрогинитов — для удлинённых, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство „Вэлкорин“, для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого, — сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси, — предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн. — А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром, — с достоинством возразил Хеллмэн. — Я не слишком голоден.

— Я тоже, — сказал Каскер.

Оба сели на пол и устались на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек, — посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал, — ответил Хеллмэн; у него тряслись руки. — Давай же, действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул громче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А это чем тебе не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. — Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал: «Давай-ка уберем его с дороги».

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами,

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого металла.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для разыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения». Экипаж!

— М-да!.. — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмот-

рел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиливающего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем чего-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, — то вниманием в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.

— Что там написано? — спросил Каскер.

— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лактыэкты. Клейпучку пьют все! Рекомендуются до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, — сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим. — Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В банке была прозрачная, как кристалл, влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и вдвоем они снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак. Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, — делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отозвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

— Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь, вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвергались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось, не

будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша. — Минуточку, — сказал он.

— Еще минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду!

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиливающим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаюсь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интегор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, — это животное, вероятно, наделенное втяжными присосами. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прогни дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучemet.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

СТРАЖ-ПТИЦА

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. «Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, — с кривой усмешкой сказал он себе. — Весьма избранное общество. Если желаешь спасти род людской, изволь сперва получить государственный подряд».

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и на-

дежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющей металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе, отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем заключается ваше возражение? — спросил представитель.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процен-

тов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо dokonчил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Полагаю, что вы правы, — вставил представитель. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены верить машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершит убийство*. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай-да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже несколько месяцев трубят про этих страж-птиц! А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете кроме как в новости спорта никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Ученые, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде того. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не выпускают таких волн, —

пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде того.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слышал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Ее тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств на чеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаяю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нimalo не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на

оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрестанно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф. Вы боитесь — вдруг ваши машинки проснутся и скажут: а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и, еще того больше, на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объясняя задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится, только чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птицы за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо лучше познакомиться со страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замаялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допуская убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует, и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился....

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, шурясь сквозь заставший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — *чего бы это ни стоило убийце.*

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернуть.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шрифтом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рывкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прынула в сторону, повозка затряслась и задрезжалась.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавилось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуточку-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекращать. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если бы мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже расправляюсь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагает-ся временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразней. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это — главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают? — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там на полу лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макин-тайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и

ремонт стали недостижимы: не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птицы был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину — не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стене кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямыми.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая грудку спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слышали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики,

жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедленно. — Гелсен закурил сигару, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере, я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы-машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобразите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживей. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и ухмыляясь поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж-таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Они были правы постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, попробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские боины закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбацьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель, с точки зрения страж-птицы, живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента — с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его

убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Геленс пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Уверяю вас, об этом нечего беспокоиться, — заговорил представитель. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете,

но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен, постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. И она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремила на вырубку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды. Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть братьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустил на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

ТЕПЛЕЕ

Андерс лежал на кровати при полном параде, за исключением разве что ботинок да черного галстука, и с некоторым беспокойством размышлял о предстоящем вечере. Через двадцать минут ему придется зайти за Джуди, и вот это как раз и смущало.

Он только сейчас понял, что влюблен в нее.

Ну ладно, он ей признается в любви, и вечер должен стать незабываемым. Он сделает предложение, после чего последуют поцелуи, и, образно выражаясь, на его лбу будет проштампована печать одобрения.

Не слишком радужная перспектива, решил он. В действительности куда удобней не влюбляться. И что к этому приводит? Взгляд? Прикосновение? Воображение? Да тут многого и не требуется, как понимал Андерс. Он потянулся и широко зевнул.

— Помоги мне! — послышался чей-то голос.

Мышцы свело судорогой, прервав зевок на середине. Резким движением Андерс сел на кровати, затем усмехнулся и лег опять.

— Ты должен мне помочь! — настойчиво повторил голос.

Андерс снова сел, достал до блеска начищенный ботинок, натянул его на ногу и полностью сосредоточился на завязывании шнурков.

— Ты меня слышишь? — спросил голос. — Слышишь или нет?

— Слышу, слышу, — с изрядной долей юмора отозвался Андерс. — Только не уверяй, что ты — мое виноватое подсознание, укоряющее меня за полученную в детстве душевную травму. Меня никогда особенно не волновало раздвоение личности. Полагаю, ты желаешь, чтобы я удалился в монастырь?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — заявил голос. — Но я никакого не подсознание. Я это я. Ты мне pomoжешь?

В посторонние голоса Андерс верил так же, как и всякий любой нормальный человек, то есть совсем не верил. Пока сам не услышал. Он быстро проанализировал возможные варианты. Самый подходящий ответ, конечно, — шизофрения. И как раз именно тот, с которым согласятся его коллеги. Но Андерс обладал достойной сожаления самонадеянностью в собственном здравомыслии. Следовательно, в таком случае...

— Кто ты? — спросил он.

— Не знаю, — ответил голос.

И тут Андерс понял, что слышит голос в своем мозгу. Весьма подозрительно.

— Ты не знаешь, кто ты, — заявил Андерс. — Ладно. Тогда где ты?

— Этого я тоже не знаю. — Голос умолк, но затем продолжил: — Послушай, я понимаю, как это нелепо звучит, но поверь, я в каком-то виде заточения. Не знаю, как я сюда попал и кто я есть, но отчаянно хочу выбраться отсюда. Ты мне pomoжешь?

Все еще сопротивляясь мысли, что голос ему слышится, Андерс вдруг осознал, что сейчас ему придется принять очень важное решение. Он должен либо признать, либо отвергнуть собственную психическую нормальность.

И решил признать.

— Хорошо, — зашнуровывая второй ботинок, согласился Андерс. — Я допускаю, что ты — некая попавшая в беду личность, которая находится со мной в телепатическом контакте. Можешь ты сообщить мне что-либо еще?

— Боюсь, нет, — с безграничной тоской произнес голос. — Тебе все придется выяснить самому.

— Ты можешь контактировать еще с кем-нибудь?

— Нет.

— Тогда как же ты говоришь со мной?

— Не знаю.

Андерс подошел к зеркалу и, тихо насвистывая, завязал черный галстук. С таким открытием, что влюблен, не следовало бы допускать вещей, подобных голосам в мозгу.

— Я и вправду не понимаю, чем могу помочь, — смахивая с пиджака нитку, сказал Андерс. — Ты не знаешь, где ты, и судя по всему, там нет никаких ориентиров. Как же мне тебя отыскать?

Он оглядел комнату на случай, не забыл ли чего.

— Я знаю, когда ты рядом, — сообщил голос. — Именно тогда ты «теплее».

— Именно тогда? — Андерс еще раз оглядел комнату. Потом еще, медленно поворачивая голову.

В тот момент это и произошло.

Один угол комнаты несколько отличался от остальных. Вме-

сто тщательно подобранных пастельных тонов — внезапная мешанина красок; линии стены, пола и потолка странно изменились в пропорциях, исказились и потеряли между собой связь.

И тут же все вернулось в обычное состояние.

— Ты был **очень** «тепло».

Андерс боролся с искушением почесать в затылке, главным образом из опасения нарушить тщательно уложенные волосы. Увиденное отнюдь не было таким уж странным. В жизни каждому доводилось пару раз повидать такое, что заставило бы его усомниться в собственной нормальности, психическом равновесии, а то даже и существовании. На мгновение в упорядоченной Вселенной нарушился установленный порядок, разрывая основу понимания.

Но мгновение проходит.

Андерс вспомнил, как, будучи еще мальчишкой, вдруг среди ночи проснулся в своей комнате. Как странно все выглядело! Стол и стулья, лишённые пропорций, тонули во тьме. Потолок, словно в кошмаре, придвинулся ниже.

Но тот момент тоже прошел.

— Ладно, старик, — сказал Андерс. — Если я снова окажусь «теплее», дай знать!

— Дам. — Голос в мозгу затихал. — Не сомневаюсь, ты найдешь меня.

— Рад твоей уверенности, — весело произнес Андерс, выключил свет и вышел.

Дверь открыла радостно улыбающаяся очаровательная Джуди. Глядя на нее, Андерс понял, что она прекрасно осознает суть момента. То ли почувствовала в нем перемену, то ли предчувствовала ее? Или от любви у него просто растянулся рот до ушей в придурковатой ухмылке?

— Может, перед вечеринкой хочешь пропустить глоточек? — поинтересовалась Джуди.

Андерс кивнул, и девушка потащила его через комнату к невероятно желто-зеленому дивану. Усевшись, Андерс решил, что скажет ей все, как только та вернется с выпивкой. Не стоит отдалять фатальный момент. Влюбленный лемминг, обозвал он себя.

— Ты снова «теплее», — объявился голос.

Андерс уже почти позабыл о своем невидимом знакомце. Или злом духе, каковым тот мог оказаться в данных обстоятельствах. Интересно, какотреагирует Джуди, узнай, что ему слышатся голоса?

Подобные мелочи, напомнил он себе, частенько разрушают даже наилучшие из любовных романов.

— Вот! — сказала девушка, подавая Андерсу стакан.

Опять улыбается, отметил он. Улыбка номер два в адрес

будущего ухажера провокационна и непонятна. Ибо в их взаимоотношениях ей предшествовала улыбка номер один — улыбка хорошенькой девушки «не-поймите-меня-превратно», годная на все случаи жизни вплоть до момента, пока не будут произнесены нужные слова.

— Верно, — заявил голос. — Таков твой взгляд на предмет!

Взгляд на что? Андерс смотрел на Джуди, досадуя на свои мысли. Если уж взялся играть роль влюбленного, так играй.

Даже сквозь астигматическую дымку влюбленности он был способен оценить серо-голубые глаза девушки, ее великолепную (если не обращать внимания на крошечное пятнышко у левого виска) кожу, губы, слегка обведенные помадой.

— А что сегодня проходили твои ученики? — поинтересовалась Джуди.

Ну конечно, ее вопрос понятен. Ибо суть любви — терпение и выживание.

— Изучали психологию молодых обезьян...

— О? Ну-ну, продолжай!

— «Теплее», — сообщил голос.

Что это со мной, удивился Андерс. Она действительно очаровательная девушка. Гештальт,¹ каковым является Джуди, есть форма мыслей, выражений, движений, создающая девушку, которую я...

Я что?

Люблю?

Андерс нерешительно подвинулся на диване. Он не совсем понимал, откуда взялась вереница подобных мыслей. И это раздражало его. Молодому учителю с аналитическим умом лучшее место не здесь, а в классе. Неужели наука не может подождать до 9.10 завтрашнего утра?

— А я сегодня думала о тебе, — переменяла тему Джуди, и Андерс понял, что девушка почувствовала изменения в его настроении.

— Видишь? — спросил голос. — Получается уже много лучше.

— Да ничего я не вижу, — мысленно огрызнулся Андерс, но голос был прав.

Андерс словно проникал в мысли девушки. Ее чувства были полностью для него открыты, такие же бессмысленные, как и его комната в той вспышке неискаженного сознания.

— Я действительно думала о тебе, — повторила она.

— Теперь смотри! — приказал голос.

Наблюдая за лицом Джуди, Андерс вдруг ощутил себя ввергнутым в странное состояние. Он возвратился в кошмар восприятия того непонятного момента в своей квартире. Но на сей раз он как бы наблюдал за лабораторным механизмом. Объект

---

¹ От нем. Gestalt — образ.

действия являл собой воплощение и сохранение особого настроения. Механизм отработывал поисковый процесс, вызывая последовательность понятий, для достижения желаемого результата.

— О, правда? — спросил он, удивленный новой перспективой видения.

— Да... Я думала, а что ты делал днем, — сообщил сидящий рядом на диване реагирующий механизм, слегка выпячивая стройную грудь.

— Отлично, — похвалил за подобное восприятие голос.

— Вспоминал тебя, конечно, — сказал Андерс обтянутому плотью скелету, скрывающемуся под совокупным гештальтом Джуди. Конструкция из плоти перегруппировала свои конечности и раскрыла рот, обозначая удовлетворение. Механизм прошел через комплекс страхов, надежд и волнений, через набор смутных воспоминаний аналогичных ситуаций и аналогичных решений.

И это — то, что он любит? Андерс все видел детально и ненавидел себя за увиденное. В новом кошмарном восприятии его поразила абсурдность окружающей обстановки.

— Правда? — спросил скелет, выделяя каждый слог.

— Ты приближаешься, — прошептал голос.

К чему? Личности? Здесь такой не было. Не было точно пригнанных сочленений, не было фундаментальности, не было ничего, за исключением поверхностных реакций, вызванных посредством спорадических движений внутренних органов.

Он приближался к истине.

— Да, — ответил он мрачно.

В поисках ответа механизм пришел в движение.

Андерса кинуло в дрожь от страха о явно чуждом качестве своей точки зрения. Он избавлялся от формалистического восприятия, и его согласованные реакции пошли обходным путем. Что откроется дальше? Он понял, что видит вещи так, как прежде до него, возможно, не видел никто. Эта мысль показалась странно смешной.

Но способен ли он однако вернуться к нормальному восприятию?

— Тебе еще налить? — спросил реагирующий механизм.

В этот момент Андерс был весьма далек от любви. Невеста в образе деперсонализированного механизма не особенно способствует влюбленности. Но вполне возбуждает, — интеллектуально, конечно.

Андерс не желал возвращаться к нормальности. Занавесь приподнялся, и он хотел видеть, что за ним скрывается.

Кажется, какой-то русский ученый, — Успенский, что ли, — говорил:

«Мыслите другими категориями».

Именно это Андерс и делал и собирался делать дальше.

— До свидания, — вдруг сказал он.

Механизм, раскрыв рот, наблюдал, как он уходит. Нарушен-

ная цепь реакций машины сохраняла ее в безмолвствии, пока она не услышала, как хлопнула дверь лифта.

— Ты был очень «тепло», — прошептал в мозгу голос, когда Андерс оказался на улице. — Но всего ты еще не понял.

— Так скажи мне! — потребовал Андерс, немного удивленный собственным спокойствием. Прошел лишь час с момента, как он ликвидировал разрыв с абсолютно иной точкой зрения, но теперь она казалась ему совершенно естественной.

— Не могу, — произнес голос. — Ты должен выяснить сам.

— Ну тогда давай посмотрим, — начал Андерс. Он оглядел каменную кладку домов, соединение улиц, прорезающих архитектурные нагромождения, и продолжил: — Человеческая жизнь представляет собой набор определенных традиций. Когда смотришь на девушку, полагается видеть... форму, а не составляющую основу бесформенность.

— Верно, — согласился голос, хотя и с некоторым оттенком сомнения.

— Но в самой основе формы не существует. Человек создает гештальты и вырезает форму из избытка ничто. Вроде как начертив линии, заявить, что они изображают фигуру. Мы смотрим на массу материала, отделяем ненужное, и говорим, что это есть человек. На самом же деле такого объекта не существует, а есть лишь человекоподобные признаки, которым мы по близорукости придаем значение человека. Дело в соединении и отправной точке зрения.

— Ты пока не понимаешь, — сказал голос.

— Черт возьми, — выругался Андерс. Он был уверен, что вышел на след чего-то важного, возможно даже, основополагающего. — У каждого человека имеется какой-то жизненный опыт. Наступает момент, и он, смотря на знакомый объект, не понимает его смысла. На некоторое время гештальт слабеет, однако момент истинного восприятия проходит, и разум возвращается к запечатленному образу модели. Нормальное состояние продолжается.

Голос не отвечал. Андерс шел по гештальту города.

— Есть что-то еще, да? — спросил Андерс.

— Да.

Что же еще, мысленно спрашивал себя Андерс. Проясненным взглядом он смотрел на формальность, которую называл своим миром. Интересно, а смог бы он самостоятельно прийти к подобным выводам, если бы голос не руководил им? Да, после минутного размышления решил он, это было неизбежно.

Но что такое голос? И что же он, Андерс, еще не учел?

— Давай-ка посмотрим на вечеринку новым взглядом, — предложил он голосу.

Вечеринка напоминала маскарад. Гости надели на себя свои лица. Однако для Андерса все их побуждения, как индивидуаль-

ные, так и коллективные, были видны насквозь. Затем его зрение прояснилось еще больше. Он видел подлинное отсутствие индивидуальности. Люди представляли собой дискретные кусочки плоти в общем едином собрании. И даже не обладающими истинной индивидуальной дискретностью.

Кусочки плоти являлись частью декорации зала и почти не различались на общем фоне. Они сливались воедино с огнями, придававшими им едва заметные очертания. Они были объединены со звуками, которые сами же и производили, небольшим количеством полуслышных полутонов в огромной гамме звуко-ряда. Они были внедрены в стены.

Калейдоскопическое видение возникло так быстро, что Андерс едва справился со своими новыми впечатлениями. Теперь он понял, что эти люди существуют лишь в виде моделей, созданных из той же самой основы, что и звуки, которые они производят, и вещи, о которых думают и которые видят.

Гештальты, рассеянные в тумане, невыносимый реальный мир.

— А где же Джуди? — спросил у Андерса некий дискретный кусочек плоти, обладавший весьма нервными манерами и пытавшийся убедить другие кусочки в своей реальности. Для дополнительного доказательства он даже надел кричащих расцветок галстук.

— Она больна, — ответил Андерс. Плоть мгновенно затрепетала, выражая сочувствие. Линии радости переместились к области формальной скорби.

— Надеюсь, ничего серьезного? — поинтересовалась плоть.

— Ты снова «теплее», — заявил голос.

Андерс взглянул на находившийся перед ним объект.

— Ей недолго осталось жить, — сообщил он.

Плоть затряслась. Желудок и кишки сжались в сочувственном ужасе. Глаза расширились, губы задрожали.

Кричащий галстук не изменился.

— Господи! Неужели?

— Что ты такое? — тихо спросил Андерс.

— Что вы имеете в виду? — спросила привязанная к галстуку негодующая плоть. Безмятежная в своей реальности, она изумленно уставилась на Андерса. Ее рот искривился — неоспоримое доказательство, что она реальна и достаточна.

— Да вы пьяны, — усмехнулась плоть.

Андерс расхохотался и ушел с вечеринки.

— Есть кое-что еще, чего ты не знаешь, — сказал голос. — Но ты уже «горячее». Я чувствую, что ты близко.

— Что ты такое? — повторил вопрос Андерс.

— Не знаю, — признался голос. — Я — личность. Я это я. И я попал в какую-то западню.

— Также как и все мы, — заявил Андерс. Он шагал по асфальту, окруженный горами бетона, стекла, алюминия и ста-

ли. Бесформенными, бессмысленными горами, составлявшими эшталт города.

Затем появились воображаемые линии демаркации, разделяющие город от города, искусственные границы земли и воды.

Сплошная нелепица.

— Подайте десять центов на кофе, мистер, — попросил кто-то, еще одно, неотличимое от других существо.

— Старина епископ Беркли подал бы несуществующую монету тебе, несуществующему присутствию, — весело ответил Андерс.

— Я действительно в скверном состоянии, — жалобно закусил голос просящего, и Андерс ощутил, что это не больше, чем просто серия модулированных колебаний.

— Да! Продолжай! — скомандовал знакомый голос.

— Неужели вы пожалеете для меня четвертак... — с претензией на смысл произнесли колебания.

Нет, что же все-таки скрывается за лишенными чувств моделями? Плоть? Масса? Что есть что?

Всевозможное соединение атомов.

— Я действительно голоден, — пробормотали сложнораспределенные атомы.

Сплошные атомы. Соединенные воедино. Никаких разделений между атомами. Плоть есть камень, камень — свет. Андерс глядел на скопление атомов, претендовавших на твердость, смысл и интеллект.

— Неужели вы мне не поможете?.. — настаивало скопление атомов. Но и это скопление было идентично всем остальным атомам. А если проигнорировать наложение структур, то можно увидеть, что атомы распределены хаотично.

— Я не верю в тебя, — заявил Андерс.

Скопление атомов исчезло.

— Да! — воскликнул голос. — Да!

— Я не верю и в них, — продолжал Андерс. Ведь в конце концов, что такое атом?

— Давай! — кричал голос. — Ты «горячее». Продолжай!

Что есть атом? Пустота, окруженная пустотой.

Абсурд!

— Тогда все ненастоящее, — сказал Андерс. И он остался один под звездами.

— Верно! — вопил в его голове голос. — Ничто!

Но звезды, подумал Андерс. Как же можно верить...

Звезды исчезли. Андерс остался в пустом сером ничто. И окружало его лишь абсолютное ничто серой бесформенности.

Где же голос?

Пропал.

Андерс осознал иллюзорность серости, и тогда не стало совсем ничего.

Абсолютное ничто, и в нем он.

Где он? Что все это значит? Мозг Андерса попытался сделать вычисления.

Невозможно! Это не может быть правдой!

И снова столбцы вычислений, но сознание Андерса не смогло принять окончательного результата. Перегруженный разум уничтожил цифры, искоренил знание, стер сам себя.

«Где я?»

В нигде. Один.

Попался.

«Кто я?»

Голос.

Голос Андерса обыскивал ничто криком: «Есть здесь кто-нибудь?»

Ответа не было.

Но кто-то здесь все-таки был. Все направления одинаковы, и двигаясь вдоль одного из них, он мог вступить в контакт... с кем-то?

Голос Андерса вдоль одного из равнозначных направлений отправился в прошлое, к тому, кто, возможно, спасет его.

— Помогите мне! — сказал голос Андерса Андерсу, лежащему на кровати при полном параде, за исключением разве что ботинок да черного галстука.

СПЕЦИАЛИСТ

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за пляды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уже бушевал всюду.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться, — подумал Передатчик, — разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по Стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а Стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлечшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично, — сказал Передатчик. — Посмотрим, есть ли повреждения. — Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. — Двигатель!

— Самочувствие превосходное, — отозвался Двигатель. Во время шторма он активизировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее, — сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам. — Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пустика-меня, — вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими труб-

ками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати, — буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть проверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двухногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от Центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подошел к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В нем хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете..

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль от-

клонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца путешествия, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо, — сказал Мыслитель. — А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри него питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрерывно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготавливая различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширил свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный зрительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя,

который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передачик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделью спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линии связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передачик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передачик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере, он на это надеялся.

Корабль стремительно неся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попала целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория, — обратился Питатель к Передатчику. — Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят, — ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться, как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал непрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие системы охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таранился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос, — строить

дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну, как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всех пришлось Питателю. Поскольку его система приспособлялась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал всюю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты при помощи Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает, — категорически заявили три стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, будто они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик. — Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать, — решительно сказал Питатель. — Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла

лишь сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивид. Поэтому они выбрали необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, и Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения еды.

После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее, — посоветовал Питатель. — Возможно, его испугал наш вид. — У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободившись, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения еды у него дрожало.

— Перестань, — возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его, — распорядился Передатчик. — Он может ушибиться.

Один из Аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отбирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель. — Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое, — сказал Передатчик. — Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посоветовался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда, — заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор, как на трибуну. — Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. — Он сделал эффектную паузу. — Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель.

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была вступить в Содружество много тысячелетий

назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслительно была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно, — продолжал непреклонный Мыслитель, — что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, — заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо может отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уложить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чуждой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище, — сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителем, и подал его чужаку.

• — О господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалек-

тов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освеженным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. — Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет, — успокоил его Передатчик, — твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, — ответил Передатчик, — и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы, — сказал он, — я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убраться. У меня кончается увольнительная, и если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой», — таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием вырубил бы вас, ребята, — продолжал Ускоритель, — но откуда вы взяли, что я могу такому огромному агрегату придать скорость? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну, — особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: либо ты убьешь, либо тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн, — отчеканил Передатчик.

— Счастливые, — горько сказал Ускоритель. — А у нас есть. И много.

— Конечно, — подхватил Передатчик. К этому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. — А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он. — Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно, — прервал его Передатчик. — Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два, — ответил Ускоритель. — Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны, — заметил он.

— Ну, ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, — объяснил Передатчик. — У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами, — но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное

место, — ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие, — когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно, — подтвердил Передатчик. — Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику, — сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, — ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, — пробормотал Ускоритель. — Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, словно его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подobaющего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, беспшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показывали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя.

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен, — сказал Передатчик. — Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали, — правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно, — внезапно заявил Ускоритель, — поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал, как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затруднение, — прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. — Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, — убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно, — согласился Ускоритель. — Во всяком случае тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно, — бормотал Ускоритель. — Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения, — сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. — Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший, — пролепетал Ускоритель. — Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества, — возразил доведенный до отчаяния Передатчик. — Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно страхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок, — взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо.

Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

СЕДЬМАЯ ЖЕРТВА

Стентон Фрелэйн сел за свою конторку, пытаясь принять деловой и озабоченный вид, каковой и надлежало иметь совладельцу фирмы в девять тридцать утра. Однако это ему не удалось. Он никак не мог сосредоточиться и взяться за работу. Все его попытки сконцентрировать свое внимание на рекламе, написанной им же вчера вечером, ни к чему не привели. Единственное, что он был в состоянии делать, так это сидеть и ждать прибытия утренней почты.

Уже целых две недели он ждал извещения. Правительство, как всегда, не отличалось пунктуальностью.

На стеклянной двери его офиса значилось «Моргер и Фрелэйн, торговля мануфактурой». Дверь открылась, и, слегка припадая на простреленную ногу (рана, полученная много лет тому назад), в кабинет вошел сам Е. Дж. Моргер. Он заметно сутулился, но в семьдесят три года его не очень-то волновали такие материи, как собственная осанка.

— Ну, Стен, — спросил Моргер. — Как идут дела с этой твоей рекламой?

Фрелэйн стал компаньоном Моргера еще шестнадцать лет тому назад, когда ему самому было двадцать семь. Концерн с оборотом в миллион долларов, возникший из «Одежды-Защиты», был их совместным детищем.

— Полагаю, черне уже готова, можете посмотреть, — сказал Фрелэйн, подавая Моргеру листок бумаги. «Если бы только почта пришла пораньше», — подумал он про себя.

— «Вы еще не приобрели „Костюм-Защиту”? — громко прочел Моргер, держа бумагу почти у самых глаз. — Модель по праву считается последним достижением мужской моды, что следует отнести за счет первоклассных мастеров и материала высшего качества, имеющихся в распоряжении фирмы „Моргер и Фрелэйн”».

Моргер откашлялся и взглянул на Фрелэйна. Затем улыбнулся и продолжал:

— «„Костюм-Защита” — не только самый безопасный, но и самый элегантный. Каждый образец выпускается со специальными вшитыми карманами для оружия. Мы гарантируем, что они сработают. Никто не будет знать, что оружие при вас, кроме вас самих! Кроме того, расположение карманов позволяет пустить в ход оружие без малейшей задержки. Вы можете выбирать: карманы на груди или на бедрах».

— Пока звучит недурно; — прокомментировал Моргер.

Фрелэйн угрюмо кивнул.

— «„Костюм-Защита” — спецмодель — оборудован автоматически раскрывающимся оружейным карманом, величайшим современным достижением в области индивидуальной защиты.

Достаточно только прикоснуться к замаскированной кнопке — оружие мгновенно окажется в ваших руках, готовое к бою и со спущенным предохранителем. Почему бы вам не облачиться в „Костюм-Защиту” прямо сейчас? Или вам не дорога ваша жизнь?»

— Прекрасно, — похвалил Моргер. — Действительно, очень милая рекламка, с таким чувством собственного достоинства. — Он подумал немного, теребя свои седые усы. — Может, только следует прибавить, что «Костюм-Защита» выпускается в разных вариантах, с одним или двумя карманами на груди, с одной или двумя кнопками, с прямыми или расклешенными брюками...

— Верно, я забыл.

Фрелэйн забрал листок обратно и на углу приписал несколько слов. Затем встал, несколько раз оправив куртку на своем уже значительно выделявшемся животе. Фрелэйну было уже сорок три. Он слегка пополнил, и на макушке появилась маленькая плешь. Лицо его сохраняло выражение постоянного добродушия, но взгляд был холоден.

— Расслабьтесь, — сказал Моргер. — Оно придет сегодняшней же почтой.

Фрелэйн через силу улыбнулся. Он почувствовал желание пройтись взад-вперед по комнате, а вместо этого присел на край конторки.

— Можно подумать, будто это мое первое убийство, — произнес он с вымученной улыбкой.

— Я понимаю, каково вам, — ответил Моргер. — Прежде чем я окончательно повесил свой пистолет на гвоздь, я мог не спать месяцами, ожидая извещения. Я все понимаю.

Мужчины надолго замолчали. В тот момент, когда молчание начало становиться невыносимым, распахнулась дверь. Вошел рассыльный и вывалил корреспонденцию на конторку Фрелэйна.

Фрелэйн наклонился и взял письма. Он быстро перебрал их и нашел одно, долгожданное, — продолговатый белый конверт от Б. Э. К., снабженный официальным правительственным штампом.

— Вот оно! — вскрикнул Фрелэйн, и лицо его расцветилось улыбкой.

— Отлично, — Моргер, хотя и взглянул на конверт с любопытством, все же ничем не проявил его. Мало того, что это было бы нарушением приличий, это было бы и нарушением закона. Никто не имел права знать имя Жертвы, кроме Охотника. — Удачной охоты.

— Надеюсь, что так оно и будет, — в голосе Фрелэйна прозвучала уверенность. Стол его был в порядке. Так же, как и неделю назад. Он взял портфель.

— Хорошая охота развеет вас, — сказал Моргер, похлопав его по плечу. — Вам просто необходимо встряхнуться. Вы какой-то взвинченный последнее время.

— Это точно, — Фрелзйн снова улыбнулся и пожал Моргеру руку.

— Чего бы я только не отдал, чтобы очутиться на вашем месте, — сказал тот, с комически-тоскливым выражением глядя на свою искаленную ногу. — Так и тянет снова взяться за оружие. Моргер был уже Охотником экстра-класса. Десять успешных Охот раскрыли перед ним двери Клуба Десяти, Клуба избранных. Причем, нельзя забывать, что в результате каждой Охоты ему самому приходилось выступать в роли Жертвы, так что всего в его активе значилось двадцать убийств.

— Я, естественно, надеюсь, что мне не придется иметь дело с таким, как вы, — сказал Фрелзйн с улыбкой.

— Пустяки. Выбросьте это из головы. Какой эта Жертва будет по счету?

— Седьмой.

— Счастливая семерка... Ну, действуйте, — сказал Моргер. — Надеюсь скоро увидеть вас среди членов Клуба.

Фрелзйн махнул рукой и направился к двери.

— Но помните: бдительность — главное, — предостерег его на прощание Моргер. — Одна-единственная ошибка, и... мне придется искать себе другого компаньона. Кстати, к вашему сведению, — меня пока вполне устраивает нынешний.

— Буду осторожен, — пообещал Фрелзйн.

Вместо того чтобы воспользоваться автобусом, он решил пройтись до дома пешком. Требовалось время, чтобы остыть. Было бы просто смешно вести себя подобно мальчишке, выходящему на свое первое убийство.

По дороге домой Фрелзйн смотрел прямо перед собой. Глазеть по сторонам значило просто напрашиваться на пулю, так как кто-нибудь из прохожих мог неожиданно оказаться Жертвой. Бывали случаи, когда Жертвы стреляли, стоило только взглянуть на них. Нервные типы... Фрелзйн благоразумно старался глядеть поверх голов прохожих.

Впереди, прямо над ним, красовалась гигантская афиша, извещавшая о готовности Бюро Дж. Ф. О'Донована оказать услуги всем желающим.

«Жертвы! — гласили огромные красные буквы надписи. — Зачем рисковать? Нанимайте Споттеров¹ у О'Донована. Предоставьте нам определить вашего возможного убийцу. Плата — после того, как вы разделаетесь с ним!»

Надпись напомнила Фрелзйну: необходимо сразу же по приходе домой позвонить Эду Морроу.

Пересекая улицу, Фрелзйн ускорил шаги. Ему не терпелось поскорее добраться до дома, вскрыть конверт и узнать, кто же на этот раз его Жертва. Умна она или глупа? Богата ли, как его

---

¹ От английского слова «spot» — пятно, отметка — также означает — сыщик, наводчик.

Четвертая, или бедна, как Первая и Вторая? Пользуется ли услугами Споттеров или предпочитает действовать в одиночку?

Восхитительное ощущение предстоящей охоты возбуждало. Оно заставляло сердце биться быстрее. За квартал-два от дома Фрелэйн слышал выстрелы. Два коротких, почти одновременно, а затем третий, последний.

Чья-то охота увенчалась успехом, — подумал Фрелэйн. — Молодчина! Ощущение, испытываемое, когда настигаешь свою Жертву, не передать словами. И это снова придется пережить ему!

Первое, что он сделал, войдя в свою однокомнатную квартиру, — вызвал по телефону Эда Морроу, своего Споттера. В промежутках между вызовами тот служил в гараже.

— Алло, Эд? Это Фрелэйн.

— О, здравствуйте, мистер Фрелэйн. — Фрелэйн как будто видел перед собой его запачканное маслом лицо, тонкие губы, расплывшиеся в улыбке.

— Я собираюсь на дело, Эд.

— Желаю удачи, мистер Фрелэйн, — сказал Эд Морроу. — Я полагаю, мне надо быть наготове?

— Именно. Я не думаю, что буду отсутствовать больше недели, может, двух, а извещение о моем Статусе Жертвы я получу, вероятно, в течение трех месяцев после убийства.

— Я буду готов. Удачной охоты, мистер Фрелэйн.

— Спасибо. До скорого. — Он повесил трубку. Зарезервировать первоклассного Споттера было разумной мерой предосторожности. После убийства Фрелэйну снова придется выполнять роль Жертвы, и тогда, уж в который раз, Эд Морроу будет его ангелом-хранителем.

А каким блестящим Споттером был Эд! Без всякого образования — да и не очень-то умный в придачу. Но что за глаза на людей! Это было у него от природы, с первого же взгляда он мог определить приезжего, он проявлял дьявольскую изобретательность в организации засад. Незаменимый человек.

Припомнив некоторые из «подарочков», припасенных Эдом Морроу в свое время Охотникам, Фрелэйн ухмыльнулся и начал вскрывать конверт. Улыбка продолжала оставаться на его лице и в тот момент, когда он взглянул на имя Жертвы.

Жанет-Мари Патциг.

Его Жертва — женщина.

Фрелэйн встал и несколько минут стоял, глядя в одну точку. Затем он перечитал извещение еще раз. Жанет-Мари Патциг. Ошибки не было. Девушка. В конверте находились также три ее фотографии, листок с адресом и остальные необходимые сведения.

Фрелэйн нахмурился. До сих пор ему никогда не приходилось убивать женщину.

Он помедлил минуту, затем взял телефонную трубку и набрал номер Б. Э. К.

— Бюро Эмоционального Катарсиса¹, отдел информации, — ответил мужской голос.

— Алло, не могли бы вы проверить, — попросил Фрелэйн, — я только что получил извещение, и в нем указана девушка. Это разрешено? — Он дал клерку имя девушки.

— Все в порядке, сэр, — ответил клерк после минутного изучения картотеки. — Девушка зарегистрировалась в Бюро по собственной воле. На этот счет Закон гласит: она обладает теми же правами и привилегиями, что и мужчина.

— Не могли бы вы сказать, сколько у нее уже убийств на счету?

— Очень сожалею, сэр. Информация, которую вы вправе получить, вы уже получили: легальный статус Жертва и ее описания.

— Понятно, — Фрелэйн помедлил секунду. — А могу ли я выбрать себе другую Жертву?

— Вы, конечно, вообще можете отказаться от охоты. Это ваше законное право. Но попытка будет засчитана, и, прежде чем вы получите допуск к очередной Охоте, вам придется все же выступать в роли Жертвы. Желаете ли вы отказаться?

— Нет, нет, — торопливо проговорил Фрелэйн. — Я просто поинтересовался. Спасибо.

Он повесил трубку и, распустив брючный ремень, уселся в свое огромное кресло. Все это требовалось как-то обмозговать.

«Чертовы бабы, — проворчал он про себя. — Вечно они лезут в мужские дела. Занимались бы своей стиркой... Но ведь они — свободные граждане, — напомнил он себе. — И все равно это не было женским делом...»

Из истории ему к тому же было известно, что Бюро Эмоционального Катарсиса учреждено специально для мужчин и только для них. Это произошло где-то в конце четвертой мировой войны, или шестой, как считали некоторые историки.

В те годы назрела необходимость в длительном и прочном мире. Причины были чисто практического свойства. В той же степени практичными были и люди, начавшие всю эту кампанию.

Дело в том, что уничтожение было не за горами. Оружие, используемое в мировых войнах, увеличилось по количеству, эффективности и мощности. Солдаты свыклись с ним и все чаще и чаще отказывались применять его. Положение достигло критической точки. Следующая война разом бы положила конец всем войнам вообще, так как не осталось бы никого, кто был бы в состоянии развязать следующую.

Итак, мир был необходим, и необходим он был навечно, а люди, понявшие это, были практичны. Они проанализировали

---

¹ Катарсис — очищение.

существовавшие до сих пор тенденции и причины, по которым развязывались войны, и задали себе вопрос: почему мир никак не мог воцариться?

— Потому что мужчинам нравится воевать, — был ответ.

— Нет, не поэтому! — завопили идеалисты.

Однако люди, предложившие идею, были вынуждены с сожалением признать существование необходимости в насилии для большей части человечества.

Люди отнюдь не ангелы. Но и не дьяволы. Они всего лишь смертные, которым присущ высокий уровень агрессивности.

Обладая научными знаниями и властью, эти практичные люди могли бы начать длительную работу по искоренению этой черты человеческой расы. Многие полагали, что следовало пойти именно по этому пути.

Но практичные люди думали иначе и не стали затевать это. Они сочли, что конкуренция, тяга к драке, мужество перед лицом непреодолимых препятствий являются решающими для расы, вечной гарантией ее существования, препятствием к ее деградации.

Они обнаружили: тенденция к насилию неразрывно связана с изобретательностью, приспособляемостью, настойчивостью. Таким образом, перед ними встала проблема либо оставить состояние мира навечно, но в то же время остановить прогресс человечества, либо сохранить все эти его важные свойства...

И они нашли выход — узаконить насилие.

Дать человеку отдушину...

Первым значительным шагом на этом пути явилась легализация гладиаторских боев, полных рева и крови. Но требовалось большее. Людям были необходимы подлинные ощущения, а не суррогаты...

Поэтому пришлось узаконить убийство, правда, на строго индивидуальной основе, и только для тех, кто в нем нуждался. Правительством основано Бюро Эмоционального Катарсиса.

После периода экспериментов установили единые правила.

Любой гражданин, пожелавший совершить убийство, мог зарегистрироваться в Б. Э. К. После совершения необходимых формальностей (выражавшихся в инструктаже и гарантиях) Бюро обеспечивало его Жертвой.

Если его Охота проходила удачно, то спустя несколько месяцев он должен был сам, в соответствии с правительственным законом, некоторое время провести в роли Жертвы.

Такова, в сущности, была система. Индивид мог совершить столько убийств, сколько хотел, однако в перерывах между ними он становился Жертвой. В случае убийства своего Охотника он мог остановиться, либо записаться на следующее убийство.

К концу первого десятилетия статистика установила: примерно одна треть цивилизованного человечества обращалась в Б. Э. К. по крайней мере один раз. Затем число, уменьшившись до одной четверти, так и осталось неизменным.

Философы покачивали головами. Практики чувствовали удовлетворение. Война оставалась там, где и зарождалась — в руках индивидуума.

По мере развития игры, в нее вносились уточнения и усовершенствования. С момента ее официального признания она превратилась в Большой Бизнес. Существовали Фирмы, обслуживавшие и Жертв, и Охотников.

Бюро Эмоционального Катарсиса выбирало имена Жертв наугад. Охотнику предоставлялось две недели, за которые он должен был совершить убийство. Сделать это требовалось только при помощи собственной изобретательности, без вмешательства посторонних лиц. Давались: имя Жертвы, ее адрес и описание внешности. Совершить убийство он мог, пользуясь пистолетом стандартного калибра. Носить какое-либо другое оружие запрещалось.

Жертва получала извещение на неделю раньше Охотника. Ей сообщалось одно: она — Жертва. Она не знала имени своего Охотника. Жертве позволялось выбрать себе оружие любого типа, которое только имелось в ее распоряжении. Жертва могла нанять Споттеров. Споттеры не имели права убивать. Они могли лишь зафиксировать появление в городе незнакомца или вывести нервного стрелка.

Как уже было сказано, для устранения Охотника Жертве разрешались все средства.

Убийство или ранение постороннего человека, не являвшегося Жертвой, строго каралось. Все другие убийства запрещались. Убийство, вызванное недоброжелательностью, или убийство с целью наживы влекли за собой смертную казнь.

Совершенство системы заключалось в том, что те, кто желал убивать, получали эту возможность. От тех же, кого это не привлекало, а именно — основной массы населения — не требовалось кого-то убивать.

По крайней мере, глобальных войн больше не было. Не было даже угрозы их.

Вместо этого — сотни и тысячи малых...

* * *

...Честно говоря, предстоящее убийство не очень-то улыбалось Фрелэйну — и все потому, что Жертвой оказалась эта чертова баба. Впрочем, коли она сама зарегистрировалась, то и пускай пеняет на себя. Чего ради ему беспокоиться об этом? Уцелев после шести Охот, он не собирался засыпаться и на этот раз...

Остаток утра он провел, запоминая сведения о своей Жертве. Затем подшил полученное извещение к предшествующим.

Жанет Патциг проживала в Нью-Йорке. Это было неплохо. Ему доставляла удовольствие Охота в больших городах. К тому

же он всегда мечтал посмотреть Нью-Йорк. Возраст ее не был указан. Однако, судя по фотографии, ей было что-то около двадцати с небольшим.

Фрелэйн заказал по телефону билеты на самолет в Нью-Йорк, после чего принял душ. Он придирчиво осмотрел свой «Костюм-Защиту, Спецмодель». Выбрал из своей коллекции оружие. Почистил и смазал его. И, засунув его в «выстреливающий» карман, принялся паковать чемодан.

От возбуждения кровь его пульсировала в жилах. «Как странно, — думал он, — каждое новое убийство так по-новому возбуждает. От этого не устаешь. Это не прискучит в отличие от французских пирожных, женщин или выпивки. Каждый раз что-то новое, непохожее на предыдущее...»

Окончив сборы, он бросил взгляд на книжную полку, сообщая, что захватить в дорогу.

Он мог гордиться: в его библиотеке было все, что следовало знать специалисту. Сейчас ему вряд ли понадобится литература о Жертвах (такие, например, книги, как «Тактика Жертвы» Л. Фреда Теса с ее идеологией тщательного контроля окружающих, или труд доктора Фриша «Не думай, КАК Жертва!»).

Эти книги пригодятся ему потом, когда он сам превратится в Жертву. Пока же он стал тщательно изучать книги об Охотниках.

«Человек на Охоте (Тактика Охотника)» — классический фундаментальнейший труд в данной области. Фрелэйн знал его почти наизусть. «Последние Достижения в Технике Засад» сегодня ему не требовались.

В конце концов он остановился на «Охоте в Городах» Митвелла и Кларка, «Выследить Споттера» Олгрена и книге «Жертвы в Группы» того же автора.

Все дела таким образом удалось устроить. Фрелэйн оставил записку молочнику. Запер квартиру, и на такси доехал до аэропорта.

В Нью-Йорке он остановился в отеле, расположенном в центре города, как раз поблизости от района, в котором жила его Жертва. Обслуживали его быстро и неназойливо. Но эта раздражающая вежливость, ухмылки коридорных, — словом, все указывало на то, что ему не удалось сохранить свое инкогнито. Видимо, что-то в его поведении все же выдавало в нем Охотника...

Первое, что он увидел, войдя в номер, была брошюрка на ночном столике. «Максимум Эмоционального Катарсиса — в ваших руках» содержала, в основном, стандартные комплименты администрации. Фрелэйн, улыбнувшись, перелистал несколько страниц.

Поскольку это был его первый визит в Нью-Йорк, оставшиеся полдня он провел, гуляя по улицам поблизости от дома Жертвы. Потом прошелся по магазинам.

Зал «Охота и Охотник» у Мартинсона и Блэка поразил его своим размахом. Кроме прочих новинок, там демонстрировались легкие пуленепробиваемые жилеты для Жертв и шляпы Ричарда Арлингтона с защитной тульей.

В одном углу зала расположилась большая выставка новенького 38-мм оружия.

«Пользуйтесь только Малверном Прямого Боя! — призвала реклама. — Одобрено Б. Э. К. В обойме — двенадцать патронов. Допустимое отклонение — всего 0,001 дюйма с 1000 футов. Не упустите Вашу Жертву! Не рискуйте жизнью зря — покупайте Малверн! Спасение — только с Малверном!»

Фрелэйн улыбнулся. Реклама что надо, да и само маленькое черное оружие выглядело чрезвычайно убедительно, но он привык доверять собственному.

Продавались еще специальные трости «с секретом». В них спрятан магазин на четыре патрона, хорошо замаскированный и безопасный в употреблении. Когда Фрелэйн был молод, он с жадностью хватался за всякую новинку. Сейчас он пришел к выводу: старые и проверенные способы на поверку оказывались самыми надежными.

У входа в магазин стояла машина Санитарного Управления, в которую четверо парней-служащих втаскивали свежие трупы, надо думать, после недавней перестрелки. Фрелэйн пожалел, что пропустил это зрелище.

Он вполне сносно пообедал в хорошем ресторане и рано лег спать.

Предстоящий денек обещал быть нелегким.

С утра Фрелэйн отправился на разведку. Он побродил в окрестностях дома, где жила его Жертва. И ее внешность словно стояла у него перед глазами. Он не вглядывался в прохожих, наоборот, как и полагалось заправскому Охотнику, двигался быстрой, озабоченной походкой делового человека.

Обойдя несколько баров и подкрепившись в одном из них, он направился по боковой улице Лексингтон-Авеню.

Прямо на тротуаре примостилось приятное открытое кафе. Фрелэйн прошел мимо.

Она сидела там: он ни за что не мог перепутать лицо. За столиком, уставившись в бокал, находилась именно Жанет Патциг. Она не подняла глаз, когда он проходил мимо.

Фрелэйн профланировал до конца квартала, свернул за угол и остановился, чувствуя, как дрожат руки.

Рехнулась она что ли, эта девушка, выставляя себя напоказ? Или она воображает, что заколдована от пуль?

Он схватил такси и приказал шоферу объехать квартал. Она все еще находилась там. Фрелэйн внимательно рассмотрел ее.

Она казалась моложе своей фотографии, но твердой уверенности у Фрелэйна не было. На взгляд он не дал бы ей больше двадцати. Ее темные волосы были разделены на прямой пробор

и зачесаны за уши. В сочетании с ее темно-голубыми глазами это придавало ей сходство с монахиней. Насколько Фрелэйн мог судить, лицо ее не выражало ничего, кроме глубокой печали и полной покорности судьбе.

Неужели ей не пришлось в голову сделать хоть что-то для спасения?

Фрелэйн расплатился, вылез из такси и почти бегом направился в близлежащую «драгстор»¹. Найдя свободный телефон-автомат, он позвонил в Б. Э. К.

— Алло, вы уверены, что Жертва по имени Жанет Патциг получила извещение?

— Одну секунду, сэр. — Пока клерк просматривал бумаги, Фрелэйн прислонился к стеклянной дверце, от нетерпения барабанил по ней пальцами. — Да, сэр. У нас имеется ее письменное подтверждение. Что-нибудь не так, сэр?!

— Нет, ничего, спасибо, — буркнул Фрелэйн. — Просто хотел уточнить.

В конце концов, если девчонка собирается и дальше так сидеть, это ее личное дело. Его это не касается. Никто не мог отнять у него того, что полагалось ему по закону. Сейчас его очередь убивать.

Однако, решив отложить дело на день, он пошел в кино. После, пообедав, вернулся к себе в номер, перелистал брошюрку и завалился на постель, свирепо уставившись в потолок.

«Всего-то и делов, — подумал он, — всадить в нее пулю. Просто шлепнуть ее из окошка такси и точка.

Лишний раз подтверждается правило: нечего бабам лезть не в свои дела», — злорадно решил Фрелэйн, засыпая.

На следующее утро Фрелэйн в очередной раз прошелся мимо кафе. Девушка опять сидела там за тем же столиком. Он остановил такси.

— Вокруг дома, очень медленно, — сказал он.

— Ясно, — понимающе ухмыльнулся водитель.

Наблюдать за Споттерами проще всего из такси. Изучив обстановку, он заключил, что у девушки их не было. Руки она держала на столе, на самом виду.

Легкая, неподвижная мишень...

Фрелэйн нажал кнопку спецкармана, клапан открылся. Пистолет очутился в его руке. Он вытащил обойму, пересчитал патроны, затем щелчком закрыл карман.

— Теперь медленнее, — сказал он водителю.

Такси проследовало мимо кафе. Фрелэйн тщательно прицелился, «посадил» девушку на мушку. Палец его уже потянулся к спусковому крючку...

— А, чтоб тебя!.. — выругался он.

---

¹ Драгстор (drugstore) — знаменитые американские аптеки, где можно перекусить, купить какую-нибудь мелочь и т. п.

Рядом со столиком, заслоняя девушку, появился официант. Фрелэйн не захотел рисковать, побоявшись задеть кого-то еще.

— Еще раз вокруг, — сказал он водителю.

Тот отпустил очередную саркастическую усмешку. Интересно, подумал Фрелэйн, так бы ты веселился, если бы узнал, что я охочусь на женщину?

На этот раз официант не мешал. Девушка закурила сигарету. Ее угрюмый взгляд застыл на зажигалке.

Фрелэйн взял ее на прицел, прищурился и на миг затаил дыхание.

Потом махнул головой и снова опустил пистолет в карман.

Эта идиотка лишала его всего удовольствия.

Слишком просто, говорил он себе. Обычно у него получались действительно Охоты. Большинство из тех шести убийств были настоящей работой. Жертвы использовали всевозможные трюки, чтобы уцелеть. Помнится, один из них нанял чуть ли не дюжину Споттеров, однако Фрелэйн перехитрил их всех, и все благодаря его умению адаптироваться к самой сложной ситуации.

Однажды ему пришлось переодеться молочником, в другой раз — сборщиком налогов. За Шестой Жертвой Охота шла по всей Сьерра-Неваде (тот парень тоже пытался прикончить Фрелэйна, но Фрелэйн опередил его...).

А эта? Разве подобным убийством можно было гордиться? И что скажут в Клубе?

Эта мысль привела Фрелэйна в ужас. Клуб был его мечтой. А пропусти он сейчас девушку, ему все равно придется становиться Жертвой. И даже выживи он, все равно остается еще четыре Охоты... С такими темпами он рискует никогда туда не попасть.

Он опять начал прогуливаться около кафе, но внезапно, под воздействием какого-то импульса, круто остановился.

— Разрешите? — сказал он.

Жанет Патциг окинула его взглядом своих хмурых голубых глаз и ничего не сказала в ответ.

— Послушайте, — сказал он, садясь рядом. — Если я буду вам надоедать, вы только скажите, я уйду. Дело в том, что сам я из провинции. Приехал в Нью-Йорк по делам... Просто захотелось поболтать с кем-нибудь. Если вы против, то я...

— Мне все равно, — ответила Жанет Патциг без всякого выражения.

— Брэнди, — бросил Фрелэйн подошедшему официанту. Бокал девушки был все еще наполовину полон.

Фрелэйн взглянул на свою соседку и почувствовал, как сердце его забилось с новой силой. Это уже было кое-что — выпивать с собственной Жертвой!

— Меня зовут Стэнтон Фрелэйн, — представился он. На минуту у него мелькнула мысль, что это уже не имеет никакого значения.

— Жанет.

— Жанет, э-э...

— Жанет Патциг.

— Очень приятно, — стараясь выглядеть, насколько можно, более естественным, произнес он. — Скажите, Жанет, а что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером я, вероятно, буду убита, — ответила она очень тихо.

Фрелэйн окинул ее изучающим взглядом. Знала ли она, кто он? Насколько он мог судить, под столом у нее был спрятан направленный на него пистолет.

Он невзначай придвинул руку поближе к кнопке на костюме.

— Вы — Жертва? — спросил он.

— Вы догадливы, — ответила она с саркастической усмешкой. — Кстати, на вашем месте я бы ушла отсюда. Просто глупо получить пулю, предназначенную не вам.

Фрелэйну было непонятно ее спокойствие. Самоубийца? Может, ей действительно на все наплевать? Или просто очень хочет умереть?

— Вы обзавелись Споттером? — спросил он с изумлением.

— Нет. — Она поглядела ему прямо в глаза. И Фрелэйн увидел то, чего раньше не замечал.

Она была очень хороша собой.

— Я дурная, испорченная девчонка, — произнесла она задумчиво. — Вбила себе в голову, что мне нравится совершать убийства и зарегистрировалась в Б. Э. К. А потом... потом я не смогла сделать этого.

Слегка симпатизируя ей, Фрелэйн покачал головой.

— Но я, естественно, все еще участник игры. Хотя и не выстрелив, я продолжаю оставаться Жертвой.

— Но почему же не нанять Споттеров? — спросил он.

— Я никого не смогу убить, — ответила она. — Просто не в состоянии. Да у меня даже и пистолета-то нет.

— Надо обладать достаточным мужеством, — произнес Фрелэйн, — чтобы сидеть вот так, на виду. — Сказать по правде, его просто изумляла ее глупость.

— Что делать, — апатично ответила она. — От Охотника не укрыться. Никому не укрыться. И потом, у меня нет таких денег, чтобы куда-то надежно спрятаться.

— Однако, я полагал, когда дело идет о спасении... — начал было Фрелэйн, но она перебила его.

— Нет. Я сама решила на это. Все плохо... все в целом, вся эта затея. Когда я держала свою Жертву на мушке... когда я поняла, как легко могла бы... могла бы...

Она взяла себя в руки.

— Хватит об этом, — сказала она и улыбнулась.

Ее улыбка очаровала Фрелэйна.

Они разговорились. Фрелэйн рассказал ей о своей работе,

она ему — о Нью-Йорке. Ей было двадцать два. Она была неудавшейся актрисой.

Они поужинали вместе. Когда же она приняла приглашение Фрелэйна сходить в Гладиаториум, тот почувствовал себя на седьмом небе.

Вызвав такси, — получалось так, что все свое время в Нью-Йорке он провел в такси, — Фрелэйн открыл перед ней дверьцу.

Она села в машину. Фрелэйн заколебался.

Ему ничего не стоило всадить в нее пулю прямо сейчас. Более удобного случая уже не представится.

Но он сдержался. Еще немного...

Гладиаториум здесь был почти таким же, как и везде, разве что уровень исполнителей казался немного повыше. Программа тоже не отличалась разнообразием. Тот же исторический антураж, меченосцы, копыеносцы, дуэли на саблях и рапирах (естественно, все схватки продолжались до смертельного исхода).

Затем следовали поединки с быками, львами и носорогами. В следующем отделении — сценки из более позднего времени. Схватка на баррикадах с луками и стрелами, поединки на высоко натянутой проволоке...

Вечер прошел великолепно.

Провожая ее до дома, Фрелэйн старался скрыть все возрастающее смущение. Никогда еще ни одна женщина не нравилась ему так, как Жанет. И все же она по-прежнему оставалась его Жертвой.

Он не представлял себе, что будет делать дальше.

Она пригласила его войти. Они сели на кушетку. Жанет прикурила от массивной зажигалки и откинулась на спинку:

— Ты скоро уедешь? — спросила она.

— Думаю, да, — ответил Фрелэйн. — Съезд послезавтра закрывается.

Она помолчала. — Мне будет без тебя грустно.

Некоторое время они сидели молча. Потом Жанет ушла на кухню смешать коктейль. Фрелэйн проследил взглядом, как она возвращается. Все, теперь самое время... Он дотронулся рукой до кнопки.

Но момент был безвозвратно упущен. Он вовсе не собирался застрелить ее. Невозможно убить девушку, которую любишь.

Мысль, что он влюбился, привела Фрелэйна в состояние шока. Он приехал в Нью-Йорк, чтобы убить эту девушку, а вовсе не для того, чтобы жениться на ней!

Она вернулась, держа в руках бокалы, и опустилась на кушетку рядом с ним, уставившись в пространство.

— Жанет, — сказал он. — Я люблю тебя.

Она выпрямилась. В глазах ее стояли слезы.

— Не надо, ты не можешь... — произнесла она сдавленным голосом. — Я же Жертва. Я и не успею дожить до...

— Ты не будешь убита. Я — твой Охотник.

Она пристально посмотрела на него, затем неуверенно улыбнулась.

— Ты собираешься меня убить? — спросила она.

— Перестань, — сказал он. — Я собираюсь на тебе жениться.

Она оказалась в его объятиях.

— Боже мой! — задохнулась она. — Это ожидание... Я так издергалась... Какой ужас...

— Все позади, — успокаивал он ее. — Ты только подумай, как мы будем рассказывать всю эту историю нашим детям. Как их папа явился убить их маму, а вместо этого женился на ней...

Она поцеловала его, потом закурила.

— Давай сразу же начнем собираться, — начал Фрелэйн. — Вот что я думаю...

— погоди, — остановила она его. — Ты даже не поинтересовался, люблю ли я тебя?

— Что?

Она все еще продолжала улыбаться. И ее большая зажигалка была направлена прямо на него. На ее нижнем конце виднелось небольшое черное отверстие. В него как раз могла бы пройти пуля 38-мм калибра.

— Что за шутки? — закричал он, вскакивая с места.

— Я не собираюсь шутить, милый, — ответила она.

Секунды оказалось Фрелэйну достаточно, чтобы изумиться, и как ему в голову-то могло прийти дать ей не больше двадцати?! Глядя на нее сейчас — глядя по-настоящему — он понял: ей далеко за тридцать. Каждая минута ее напряженного, ненормального, издерганного существования отражалась на лице.

— Я не люблю тебя, Стэнтон, — тихо произнесла она, играя зажигалкой.

Фрелэйн не намерен был отдавать жизнь без боя. Какая-то частичка его «Я», существующая, казалось, сама по себе, все же смогла отдать должное восхитительному таланту этой актрисы. С самого начала она, должно быть, знала все.

Он нажал кнопку, и пистолет со спущенным предохранителем очутился в его руке...

Удар нечеловеческой силы отбросил его на кофейный столик. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев.

Задышавшись, теряя сознание, он видел, как она внимательно прицелилась для нанесения *coup de grace*¹.

— Теперь-то, наконец, я смогу вступить в Клуб, — последнее, что он услышал, был ее счастливый голос в тот момент, когда она спустила курок.

---

¹ *coup de grace* (франц.) — удар милосердия.

Гражданин в космосе

БЕЗЫМЯННАЯ ГОРА

Когда Моррисон вышел из штабной палатки, Денг-наблюдатель посапывал в шезлонге, приоткрыв во сне рот. Моррисон осторожно обошел его, чтобы не разбудить. Неприятностей и так хватало.

Ему предстояло принять делегацию аборигенов, тех самых, что барабанили в скалах. А потом проконтролировать уничтожение безымянной горы. Его помощник, Эд Лернер, находился уже на месте. Но прежде необходимо разобраться с последним происшествием.

Когда он пришел на строительную площадку, был полдень, и рабочие отдыхали, привалившись к своим гигантским машинам, жуя бутерброды и потягивая кофе. Все выглядело обыденно, однако Моррисон достаточно долго руководил перестройкой планет, чтобы не заметить дурных признаков. Никто его не поддевал, никто не заводил разговоров.

На сей раз пострадал бульдозер «Оуэн». В кабине осевшей на мосты машины ждали два водителя.

— Как это произошло? — спросил Моррисон.

— Не знаю, — ответил первый водитель, вытирая заливающий глаза пот. — Дорога словно вспучилась.

Моррисон хмыкнул и пнул громадное колесо «Оуэна». Бульдозер мог свалиться с двадцатифутовой скалы — и даже бампер у него не погнулся бы. Это была одна из самых прочных машин. И вот уже пятая выходит из строя.

— Здесь все идет кувырк, — сплюнул второй водитель.

— Вы теряете осторожность, — сказал Моррисон. — Тут не Земля. С какой скоростью вы ехали?

— От силы пятнадцать миль в час, — ответил первый водитель.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

— Да... — протянул радист. — Может, господа акционеры сами изволят пожаловать сюда со своими лопатами?..

Лернер ждал на Контрольном Пункте, мрачно взирая на гору. Она была выше земного Эвереста. Снег на склонах в лучах полуденного солнца отливал розовым.

— Заряды установлены? — спросил Моррисон.

— Еще несколько часов. — Лернер замаялся. Помощник Моррисона был осторожным, низеньким, сидящим человеком и — в душе — противником радикальных перемен. — Высочайшая вершина на планете... Нельзя ее сохранить?

— Исключено. Именно тут нам нужен океанский порт.

Лернер кивнул и с сожалением посмотрел на гору.

— Печально. На ней никто не побывал.

Моррисон молниеносно обернулся и кинул на помощника испепеляющий взгляд.

— Послушай, Лернер, я отлично сознаю, что на горе никто не побывал, я вижу символику, заключающуюся в ее уничтожении. Но ты знаешь не хуже меня, что от этого никуда не деться. Зачем растравлять рану?

— Я не...

— Мне платят не за пейзажи. Я терпеть не могу пейзажи! Мне платят за то, чтобы я приспособливал планеты к конкретным нуждам людей.

— Ты сегодня нервный, — произнес Лернер.

— Просто воздержись от своих намеков.

— Ну хорошо.

Моррисон вытер вспотевшие ладони о штаны и виновато улыбнулся.

— Давай вернемся в лагерь и посмотрим, что затевает этот проклятый Денг.

Выходя, Лернер оглянулся на безымянную гору, красным контуром вырисовывавшуюся на горизонте.

Даже планета была безымянной. Немногочисленное местное население называло ее Умха или Онья, но это не имело ровно никакого значения. Официальное название появится не раньше, чем рекламщики «Транстерран Стил» подыщут что-нибудь приятное на слух для миллионов потенциальных поселенцев. Тем временем она значилась просто как Рабочий Объект 35. На планете находилось несколько тысяч людей и механизмов; по команде Моррисона они станут разравнивать горы, сводить леса, изменять русла рек, растапливать ледяные шапки, лепить континенты, рыть новые моря — словом, делать все, чтобы превра-

тить Рабочий Объект 35 в еще один подходящий дом для уникальной и требовательной цивилизации хомо сапиенс.

Десятки планет были перекроены на земной манер. Рабочий Объект 35 ничем из них не выделялся, тихий мир спокойных лесов и равнин, теплых морей и покатых холмов. Но что-то неладное творилось на кроткой земле. Происшествия, выходящие за пределы любых статистических вероятностей, порождали нервозность у рабочих, а та, в свою очередь, вызывала новые и новые происшествия. Бульдозеристы дрались со взрывниками. У повара над чаном картофельного пюре случилась истерика. Спаниэль счетовода укусил за лодыжку бухгалтера. Пустяки вели к беде.

А работа — незамысловатая работа на незамысловатой планете — едва началась.

Денг уже проснулся. Он сидел в штабной палатке и прищурившись глядел на стакан виски с содовой.

— Как идут дела? — бодро поинтересовался он.

— Прекрасно, — отозвался Моррисон.

— Рад слышать, — с чувством сказал Денг. — Мне нравится наблюдать, как вы, ребята, трудитесь. Эффективно. Безошибочно. Все спорится. Любо-дорого смотреть.

Моррисон не имел власти над этим человеком и его языком. Кодекс строителей разрешал присутствие представителей других компаний — в целях «обмена опытом». На практике представитель выискивал не передовую методику, а скрытые слабости, которыми могла воспользоваться его фирма... А если ему удавалось довести руководителя стройки до белого каления, тем лучше. Денг был непревзойденным мастером в этом деле.

— Что теперь? — живо поинтересовался он.

— Мы сносим гору, — сообщил Лернер.

— Блестяще! — воскликнул Денг. — Ту здоровую? Потрясающе! — Он откинулся на спинку и мечтательно уставился в потолок. — Эта гора стояла, когда Человек рылся в грязи в поисках насекомых и жадно поедал то, чем побрезговал бы саблезубый тигр. Господи, да она гораздо старше! — Денг залился счастливым смехом и сделал глоток из стакана. — Эта гора высилась над морем, когда Человек — я имею в виду весь благородный вид хомо сапиенс — еще ползал в океане, не решаясь выйти на сушу.

— Достаточно, — процедил Моррисон.

Денг посмотрел на него с укоризной.

— Но я горжусь вами, Моррисон, я горжусь всеми вами. Мы далеко ушли с тех пор. То, на что природе потребовались миллионы лет, человек может стереть в порошок в один день! Мы растащим эту милую горку по частям и возведем на ее месте город-поэму из стекла и бетона, который простоят сто лет!

— Заткнитесь! — с перекосившимся лицом зарычал Моррисон и шагнул вперед. Лернер предостерегающе опустил ему на плечо руку. Ударить наблюдателя — верный способ остаться без работы.

Денг допил виски и высокопарно провозгласил:

— Посторонись, Мать Природа! Трепещите, вы, древние скалы и крутые холмы, ропщи от страха, о могучий океан, чьи бездонные глубины в вечной тишине бороздят жуткие чудовища! Ибо Великий Моррисон пришел, чтобы осушить море и сделать из него мирный пруд, сравнять горы и построить из них двенадцатиполосное скоростное шоссе с комнатами отдыха вместо деревьев, столовыми вместо утесов, бензозаправочными станциями вместо пещер, рекламными щитами вместо горных ручьев, а также другими хитроумными сооружениями, необходимыми божественному Человеку.

Моррисон резко повернулся и вышел. Он почувствовал искушение разукрасить Денгу физиономию и развязаться со всей чертовой работой. Но он не поступит так, потому что именно этого Денг и добивался.

И разве стоило бы так расстраиваться, если бы в словах Денга не было доли правды? — спросил себя Моррисон.

— Нас ждут аборигены, — напомнил Лернер, догнав шефа.

— Сейчас мне не до них, — сказал Моррисон. Но с далеких холмов донеслись свистки и бой барабанов. Еще один источник раздражения для его несчастных работников.

У Северных Ворот стояли три аборигена и переводчик. Местные жители походили на людей — костлявые, голые первобытные дикари.

— Чего они хотят? — устало спросил Моррисон.

— Попросту говоря, мистер Моррисон, они передумали, — сказал переводчик. — Они хотят получить назад свою планету и готовы вернуть все наши подарки.

Моррисон вздохнул. Он затруднялся втолковать им, что Рабочий Объект 35 не был «их» планетой. Планетой нельзя владеть — ее можно лишь занимать. Суд вершила необходимость. Эта планета скорее принадлежала нескольким миллионам земных переселенцев, которым она требовалась отчаянно, чем сотне тысяч дикарей, разбросанных по ее поверхности. Так, по крайней мере, считали на Земле.

— Расскажите им снова о великолепной резервации, которую мы подготовили. Их будут кормить, одевать, учить...

Беззвучно подошел Денг.

— Мы ошеломят их добротой, — добавил он. — Каждому мужчине — наручные часы, пара ботинок и государственный семенной каталог. Каждой женщине — губную помаду, целый кусок мыла и комплект настоящих бумажных штор. Каждой деревне — железнодорожную станцию, магазин и...

— Вы препятствуете работе, — заметил Моррисон. — Причем при свидетелях.

Денг знал правила.

— Простите, дружище, — произнес он и отступил назад.

— Они говорят, что передумали, — повторил переводчик. — Буквально выражаясь, они велят нам убираться к себе на дьявольскую землю в небеса. Не то они уничтожат нас ужасными чарами. Священные барабаны уже призывают духов и готовят заклятья.

Моррисон с жалостью посмотрел на аборигенов. Что-то наподобие этого происходило на каждой планете с коренным населением. Те же самые бессмысленные угрозы дикарей. Дикарей, которые отличались гипертрофированным чувством собственного величия и не имели ни малейшего представления о силе техники. Великие хвастуны. Великие охотники на местные разновидности кроликов и мышей. Изредка человек пятьдесят соберутся вместе и набросятся на несчастного усталого буйвола, загнав его до изнеможения, прежде чем посмеют приблизиться, чтобы замучить до смерти булавочными уколами тупых копий. А потом какие закатывают празднования!.. Какими героями себя мнят!

— Передайте, чтобы убирались к черту, — сказал Моррисон. — Передайте, что если они подойдут к лагерю, то на собственной шкуре испытают кое-какие настоящие чары.

— Они пророчат страшную кару в пяти категориях сверхъестественного, — крикнул вслед переводчик.

— Используйте это в своей докторской диссертации, — посоветовал Моррисон, и переводчик лучезарно улыбнулся.

Наступило время уничтожения безымянной горы. Лернер отправился с последним обходом; Денг носился со схемой расположения зарядов. Потом все отошли назад. Взрывники скрючились в своих окопчиках. Моррисон пошел на Контрольный Пункт.

Один за другим рапортовали о готовности руководители групп. Фотограф сделал заключительный снимок.

— Внимание! — скомандовал по радио Моррисон и снял с предохранителя взрывное устройство.

— Взгляни на небо, — проговорил Лернер.

Моррисон поднял взгляд. Сгустились сумерки. С запада появились черные облака и быстро затянули коричневатое-желтое небо. На лагерь опустилась тишина; замолчали даже барабаны на холмах.

— Десять секунд... пять, четыре, три, две, одна — пошла! — закричал Моррисон и вдавил кнопку. В этот миг он почувствовал на щеке слабый ветерок. И тут же схватился за кнопку, инстинктивно пытаясь возвратить содеянное.

Потому что еще до того, как раздались крики, он понял, что в расположении зарядов допущена кошмарная ошибка.

Позже, оставшись в одиночестве в палатке, после того как похоронили мертвых, а раненых отнесли в лазарет, Моррисон попробовал восстановить события. Это была, разумеется, случайность: внезапная перемена направления ветра, неожиданная хрупкость породы под поверхностным слоем и преступная глупость в установлении бустерных зарядов именно там, где они могли причинить наибольший вред.

Еще один случай в цепочке невероятностей, сказал он себе... и резко выпрямился.

Ему в голову впервые пришло, что все происшествия могли быть *организованы*.

Чушь!.. Но перестройка планет — тонкая работа, с виртуозной балансировкой могучих сил. Происшествия неизбежны. Если им еще помочь, они приобретут катастрофический характер.

Моррисон поднялся и стал мерить шагами узенький проход палатки. Подозрение с очевидностью падало на Денга. Конкурентные страсти могли завести далеко. Докажи он, что «Транс-терран Стил» некомпетентна, работы проводятся небрежно, в аварийных условиях, — и заказ достанется компании Денга.

Но это *чересчур* очевидно. Доверять нельзя никому. Даже у неприметного Лернера могли быть свои причины. Возможно, стоит обратить внимание на аборигенов и их чары — почему знать, вдруг это проявление психокинетических способностей.

Он подошел к выходу и посмотрел на разбросанные вокруг палатки, где жили его рабочие. Кто виноват?

С холмов доносился слабый бой неуклюжих барабанов бывших владельцев планеты. И прямо впереди высилась иссеченная шрамами лавин безымянная гора.

Ночью Моррисон долго не мог уснуть.

На следующий день работа продолжалась как обычно. Денг, подтянутый и собранный, в брюках цвета хаки и розовой офицерской рубашке, подошел к колонне грузовиков с химикатами для сведения болот.

— Привет, шеф! — бодро начал он. — Я бы с удовольствием поехал с ними, если не возражаете.

— Извольте, — вежливо согласился Моррисон.

— Премного благодарен. Обожаю подобные операции, — сообщил Денг, забираясь в кабину головной машины рядом с картографом. — Такого сорта операции наполняют меня чувством гордости за человеческий род. Мы поднимаем эту болотную целину, сотни квадратных миль, и в один прекрасный день поля пшеницы заколосятся там, где торчал камыш.

— Ты взял карту? — спросил Моррисон у десятника Ривьера.

— Вот она, — сказал Лернер, передавая карту.

— Да... — громогласно восхищался Денг. — Болота — в пшеничные поля. Дух захватывает! Чудо науки. И что за сюрприз для обитателей болот! Вообразите испуг сотен видов рыб, земноводных, птиц, когда они обнаружат, что их водяной рай внезапно отвердел. Буквально отвердел вокруг них; фатальное невезение. Зато, разумеется, превосходное удобрение для пшеницы.

— Что ж, двинулись, — приказал Моррисон. Денг игриво замахал провожающим. Ривьера влез в грузовик. Флинн, десятник-химик, ехал в своем джипе.

— Подождите, — сказал Моррисон и подошел к джипу. — Я хочу, чтобы вы последили за Денгом.

— Последить? — непонимающе уставился Флинн.

— Ну да. — Моррисон нервно потер руки. — Поймите, я никого не обвиняю. Но происходит слишком много случайностей. Если кому-то выгодно представить нас с дурной стороны...

Флинн по-волчьи улыбнулся.

— Я послежу за ним, босс. Не волнуйтесь за эту операцию. Может быть, он составит компанию своим рыбкам под пшеничными полями.

— Без грубостей, — предупредил Моррисон.

— Боже упаси. Я прекрасно вас понимаю. — Десятник нырнул в джип и с ревом умчался к голове колонны. Полчаса процессия грузовиков взметала пыль, а потом последний исчез вдаль. Моррисон вернулся в палатку, чтобы составить отчет о ходе работ.

И обнаружил, что не может оторваться от рации, ожидая сообщения Флинна. Хоть бы Денг что-нибудь натворил! Какую-нибудь мелкую пакость, доказывая свою вину. Тогда у Моррисона было бы полное право разорвать его на части.

Прошло два часа, прежде чем ожила рация, и Моррисон расшиб колено, кинувшись к ней при звуке зуммера.

— Это Ривьера. У нас неприятности, мистер Моррисон. Головная машина сбилась с курса. Не спрашивайте, как это произошло. Я полагал, что картограф знает свое дело. Платят ему достаточно.

— Что случилось?! — закричал Моррисон.

— Должно быть, въехали на тонкую корку. Она треснула. Внизу грязь, перенасыщенная водой. Потеряли все, кроме шести грузовиков.

— Флинн?

— Мы настелили понтоны и многих вытащили, но Флинн не спасся.

— Хорошо, — тяжело произнес Моррисон. — Высылаю за вами вездеходы. Да, и вот что. Не спускайте глаз с Денга.

— Это будет трудно, — сказал Ривьера.

— Почему?

— Видите ли, он сидел в головной машине. У него не было ни малейшего шанса.

* * *

Атмосфера в лагере была накалена до предела. Новые потери ожесточили и озлобили людей. Избили пекаря, потому что хлеб имел странный привкус, и едва не линчевали гидробиолога за то, что он слонялся без дела у чужого оборудования. Но этим не удовлетворились и стали поглядывать на деревушку аборигенов.

Дикари устроили поселение в скалах рядом с рабочим лагем — гнездо пророков и колдунов, собравшихся проклинать демонов с неба. Их барабаны гремели день и ночь. У людей чесались руки стереть всю эту братию в порошок, просто чтобы прекратить шум.

Моррисон активизировал работы. Дороги строились и через неделю рассыпались. Привезенная пища портилась с катастрофической скоростью, а есть местные продукты никто не хотел. Во время грозы молния ударила в генератор, нагло обойдя громоотводы, установленные самим Лернером. Возникший пожар охватил пол-лагеря, а близлежащие ручьи пересохли самым загадочным образом. Предприняли вторую попытку взорвать безымянную гору. В результате возник обвал, причем в неожиданном месте. Пятеро рабочих, тайком выпивавших на склоне, были засыпаны камнями. После этого взрывники отказались устанавливать на горе заряды.

И снова вызвала Земля.

— Но что именно вам мешает? — спросил Шотуэлл.

— Говорю вам, не знаю, — ответил Моррисон.

— Вы не допускаете возможности саботажа? — немного помолчав, предположил Шотуэлл.

— Вероятно, — сказал Моррисон. — Все это никак не объяснить естественными причинами. При желании, нам можно сильно нагадить: сбить с курса колонну, переставить заряды, повредить громоотводы...

— Кого вы подозреваете?

— У меня здесь пять тысяч человек, — медленно произнес Моррисон.

— Я знаю. Теперь слушайте внимательно. Правление решило предоставить вам неограниченные полномочия. Для выполнения работы вы имеете право делать все что угодно. Если надо, закройте пол-лагеря. Если считаете необходимым, уничтожьте аборигенов. Примите все и всяческие меры. Любые ваши действия не будут поставлены вам в вину и не повлекут ответственности. Мы готовы даже уплатить более чем солидное вознаграждение. Но работа должна быть выполнена.

— Я знаю, — сказал Моррисон.

— Но вы не знаете, какое значение приобрел Рабочий Объект 35. По секрету могу сообщить, что компания потерпела ряд неудач в других местах. Стихийные бедствия, не предусмотренные страховкой. Мы чересчур завязли, чтобы бросить эту планету. Вы просто обязаны довести дело до конца. Любой ценой.

— Сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

В тот день взорвался склад горючего. Десять тысяч галлонов Д-12 были уничтожены, охрана погибла.

— Тебе дьявольски повезло, — мрачно проговорил Моррисон.

— Еще бы. — Под слоем грязи и пота лицо Лернера было серым. Он плеснул себе в стакан. — Окажись я там на десять минут позже, и мне крышка.

— Чертовски удачно, — задумчиво пробормотал Моррисон.

— Ты знаешь, — продолжал Лернер, — мне показалось, что почва раскалена. Не может это быть проявлением вулканической деятельности?

— Нет, — сказал Моррисон. — Наши геологи обнюхали здесь каждый сантиметр. Под нами гранитная плита.

— Гмм... Морри, возможно, тебе следует убрать аборигенов.

— Зачем?

— Единственный неконтролируемый фактор. В лагере все следят друг за другом. Остаются только местные! В конце концов, если допустить, что паранормальные способности...

Моррисон кивнул.

— Иными словами, ты допускаешь, что взрыв устроили колдуны?

Лернер нахмурился, глядя на лицо Моррисона.

— Психокинез. На это стоит обратить внимание.

— А если так, — размышлял Моррисон, — то аборигены могут все что угодно. Сбить с курса колонну...

— Полагаю.

— Так что же они тянут? — спросил Моррисон. — Взорвали бы нас к чертовой матери без церемоний, и все!

— Возможно, у них есть ограничения...

— Ерунда. Слишком замысловатая теория. Гораздо проще предположить, что нам кто-то вредит. Может быть, посулили миллион конкуренты. Может быть, чокнутый. Но он должен быть кем-то из руководства. Из тех, кто проверяет схему расположения зарядов, устанавливает маршруты, отправляет рабочие группы...

— Ты что же, подразумеваешь...

— Я ничего не подразумеваю, — отрезал Моррисон. — А

если ошибаюсь, прости. — Он вышел из палатки и подозвал двух рабочих. — Заприте его где-нибудь, да проследите, чтобы он оставался под замком.

— Ты превышаешь свою власть.

— Безусловно.

— И ты не прав. Ты не прав, Морри.

— В таком случае, извини.

Он махнул рабочим, и Лернера увели.

Через два дня пошли лавины. Геологи ничего не могли понять. Выдвигались предположения, что повторные взрывы вызвали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширились...

Моррисон упорно пытался ускорить работы, но люди начали отбиваться от рук. Пошла молва о летающих тарелках, огненных дланях в небе, говорящих животных и разумных машинах. Подобные речи собирали множество слушателей. Ходить по лагерю вечером стало опасно. Добровольные стражи стреляли по любой тени.

Моррисон был не особенно удивлен, когда однажды ночью обнаружил, что лагерь опустел.

Через некоторое время в его палатку вошел Ривьера.

— Ожидаются неприятности. — Он сел и закурил сигарету.

— У кого?

— У аборигенов. Ребята отправились в их деревню.

Моррисон кивнул.

— С чего началось?

Ривьера откинулся на спинку стула и глубоко затянулся.

— Знаете этого сумасшедшего Чарли? Того, что вечно молится? Он побожился, что видел у своей палатки одного местного. По его словам, тот заявил: «Вы сдохнете. Все вы, земляне, сдохнете». А потом исчез.

— В столбе дыма?

— Ага. — Ривьера оскалился. — Вот именно, в столбе дыма.

Моррисон знал, о ком идет речь. Типичный истерик. Классический случай.

— Кого они собрались уничтожить? Ведьм? Или пси-суперменов?

— Знаете, мистер Моррисон, по-моему, это их не особенно волнует.

Издали донесся громкий раскатистый звук.

— Они брали взрывчатку? — спросил Моррисон.

— Понятия не имею. Наверное.

Это дикость, подумал Моррисон, паническое поведение толпы. Денг ухмыльнулся бы и сказал: «Когда сомневаешься, всегда стреляй. Лучше перестраховаться».

Моррисон поймал себя на том, что испытывает облегчение. Хорошо, что его люди решились. Скрытый пси-талант... кто знает.

Через полчаса до лагеря добрались первые рабочие, молчаливые, понурые.

— Ну? — произнес Моррисон. — Всех прикончили?

— Нет, сэр, — выдавил один из рабочих. — Мы до них даже не добрались.

— Что случилось? — спросил Моррисон, с трудом сдерживая панику.

Люди все подходили. Они стояли тихо, опустив глаза.

— Что случилось?! — заорал Моррисон.

— Мы были на полдороге, — ответил рабочий. — Потом сошла лавина.

— Многих покалечило?

— Из наших никого. Но она засыпала их деревню.

— Это плохо, — мягко проговорил Моррисон.

— Да, сэр. — Люди молчали, неотрывно глядя на него. — Что нам делать, сэр?

Моррисон на миг плотно сжал глаза.

— Возвращайтесь к палаткам и будьте наготове.

Фигуры растаяли во тьме.

— Приведите Лернера, — сказал Моррисон на вопросительный взгляд Ривьера. Как только Ривьера вышел, он повернулся к рации и стал вызывать в лагерь все группы. Им завладело недоброе предчувствие, так что когда через полчаса налетел торнадо, это не застало его врасплох. Он сумел увести людей в корабли, прежде чем сдуло палатки.

Лернер ввалился во временную штаб-квартиру в радиорубке флагманского корабля.

— Что происходит?

— Я скажу тебе, что происходит, — ответил Моррисон. — В десяти милях отсюда проснулась гряда потухших вулканов. Идет мощнейшее извержение. Метеорологи сообщают о приближении приливной волны, которая затопит половину континента. Зарегистрированы первые толчки землетрясения. И это только начало.

— Но что это?! — воскликнул Лернер. — Чем это вызвано?

— Земля на связи? — спросил Моррисон у радиста.

— Вызываю.

В комнату ворвался Ривьера.

— Подходят последние две группы, — доложил он.

— Когда все будут на борту, дайте мне знать.

— Что здесь творится?! — закричал Лернер. — Это тоже моя вина?

— Прости меня, — произнес Моррисон.

— Что-то поймал, — сказал радист. — Сейчас...

— Моррисон! — не выдержал Лернер. — Говори!!

— Я не знаю, как объяснить. Это слишком чудовищно для меня. Денг — вот кто мог бы сказать тебе.

Моррисон прикрыл глаза и представил перед собой Денга.

Тот насмешливо улыбался. «Вы являетесь свидетелями завершения саги об амебе, которая возомнила себя богом. Выйдя из океанских глубин, сверхамеба, величающая себя Человеком, решила, что раз у нее есть серое вещество под названием мозг, то она превыше всего. И придя к такому выводу, амеба убивает морскую рыбу и лесного зверя, убивает без счета, ни капли не задумываясь о целях Природы. А потом сверлит дыры в горах, и попирает стонущую землю тяжелыми городами, и прячет зеленую траву под бетонной коркой. А потом, размножившись несметно, сверх всякой меры, космическая амеба устремляется на другие миры и там сносит горы, утюжит равнины, сводит леса, изменяет русла рек, растапливает полярные шапки, лепит материк и оскверняет планеты. Природа стара и нетороплива, но она и неумолима. И вот неизбежно наступает пора, когда природе надоедает самонадеянная амеба с ее претензиями на богоподобие. И, следовательно, приходит время, когда планета, чью поверхность терзает амеба, отвергает ее, выплевывает. В этот день, к полному своему удивлению, амеба обнаруживает, что жила лишь по терпеливой снисходительности сил, лежащих вне ее воображения, наравне с тварями лесов и болот, не хуже цветов, не лучше семян, и что Вселенной нет дела до того, жива она или мертва, что все ее хвастливые достижения не больше, чем след паука на песке».

— Что это?.. — взмолился Лернер.

— Я думаю, что планета нас больше терпеть не будет, — сказал Моррисон. — Я думаю, ей надоело.

— Земля на связи! — воскликнул радист. — Давай, Морри.

— Шотуэлл? Послушайте, мы сматываем удочки, — закричал Моррисон в трубку. — Я спасаю людей, пока еще есть время. Не могу вам объяснить сейчас и не уверен, что смогу когда-нибудь...

— Планету вообще нельзя использовать? — перебил Шотуэлл.

— Нет. Абсолютно никакой возможности. Я надеюсь, что это не отразится на репутации фирмы...

— О, к черту репутацию фирмы! — сказал Шотуэлл. — Дело в том... Вы не имеете понятия, что здесь творится, Моррисон. Помните наш гобийский проект? Полный крах. И не только у нас. Я не знаю. Я просто не знаю. Прошу меня извинить, я говорю бессвязно, но с тех пор как затонула Австралия...

— Что?! — взревел Лернер.

— Пожалуй, мы должны были заподозрить что-то, когда начались ураганы, однако землетрясения...

— А Марс? Венера? Альфа Центавра?

— Везде то же самое. Но ведь это не конец, правда, Моррисон? Человечество...

— Алле! Алле! — закричал Моррисон. — Что случилось? — спросил он у радиста.

— Связь прервалась. Я попробую снова.

— А, черт с ними, — выговорил Моррисон. В эту секунду влетел Ривьера.

— Все на борту, — выпалил он. — Шлюзы' закрыты. Мы готовы, мистер Моррисон.

Все смотрели на него. Моррисон обмяк в кресле и растерянно улыбнулся.

— Мы готовы, — повторил он. — Но куда нам податься?

БУХГАЛТЕР

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью.

Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья; жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы; да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнул Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

— Как дела в школе? — окликнул мистер Дии.

— Нормально, — ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

— Что там у тебя? — спросил мистер Дии, махнув на охапку книг в руках сына.

— Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету, — невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втемяшить в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает; и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Грииб, классная руководительница сына.

— Пожалуйста, заходите, мисс Грииб, — пригласил Дии. — Позвольте вас чем-нибудь угостить?

— Мне некогда, — сказала мисс Грииб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Грииб и впрямь была ведьмой.

— Я должна поговорить о вашем сыне, — заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

— Надеюсь, он не шалит? — с тревогой произнесла она.

Мисс Грииб зловеще хмыкнула.

— Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

— О, боже, — запричитала миссис Дии. — Четвертый класс, весна, может быть...

— Весна тут ни при чем, — оборвала мисс Грииб. — На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

— Хмм, — протянул мистер Дии.

— По биологии — не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

— Немыслимо! — сказал мистер Дии.

Мисс Грииб коротко и зло рассмеялась.

— Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяти ста девяти младших бесов Третьего круга, забыл то немногое, что знал по географии Ада. Но хуже всего — он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения позволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

— Скажу прямо, — продолжала мисс Грииб, — в былые времена я бы его отчислила, и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Водовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и заклятьям.

Теперь лишь буквально считанные владельцы Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах, как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

— Надо же — стать бухгалтером! — воскликнула учительница. — Я не понимаю, где он этого набрался. — Она обвиняюще посмотрела на отца. — И не понимаю, почему эти глупые бредни не раздавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Но учтите — пока у Мортонна голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортонна за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь грессбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

— Мисс Грииб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

— Что могла, я сделала, — ответила учительница. — Оста-

...лся лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

О, вряд ли все так уж страшно, — быстро проговорил мистер Дии. — Вызов Борбаса — серьезная мера.

Повторяю, решать вам, — сказала мисс Грийб. — Хотите, вызывайте, хотите, нет. При нынешнем положении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась.

— Может быть, чашечку чаю? — поспешно предложила миссис Дии.

— Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати, — бросила мисс Грийб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

— Хм. — Он пожал плечами. — Могла бы и ароматизировать...

— Старомодна, — пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная кровь и плоть, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

— После ужина, — наконец решил мистер Дии, — я с ним поговорю. По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.

— Хорошо, — сказала миссис Дии. — Надеюсь, тебе удастся его вразумить.

Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.

— Боже, жаркое! — вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.

Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмутив брови. Миссис Дии не пыталась заговаривать даже на отвлеченные темы.

Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.

— Пожалуй, начнем. — Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал. — Иду. Где мой Амулет Убеждения?

Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.

— Вот, — сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке. — Я им пользовалась вместо закладки.

Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.

Мортон сидел за столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями; также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг:

«Деньги» Римраamera, «Практика ведения банковских счетов» Джонсона и Кэлоуна, «Курс лекций для фининспекторов» и десятков других.

Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.

— Как дела, сынок? — спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.

— Отлично, пап! — затараторил Мортон. — Я дошел до четвертой главы «Основ счетоводства», ответил на все вопросы...

— Сынок, — мягко перебил Дии, — я имею в виду занятия в школе.

Мортон смутился и заелозил ногами по полу.

— Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...

— Да, сэр, знаю. — Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: — Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?

Мистер Дии покачал головой.

— Наша семья, Мортон, всегда славилась чародеями. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.

Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.

— Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? — Мистер Дии печально улыбнулся. — Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

— Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Грийб была довольна?

Мортон затряс головой.

— Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

— Мортон, — продолжил он сухим голосом. — Я всего-навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

— Знаю, — прошептал мальчик.

— Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени. — Мистер Дии задумчиво покачал головой. — Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

— Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут, — губы Мортон разлепились, глаза подозрительно заблестели. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

— Я буду бухгалтером, — сказал он.

— Посмотрим! — Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло. — Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим. Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

— Мы его испортили, — наконец произнес мистер Дии. — Надежда только на Борбаса.

— О нет! — испуганно воскликнула миссис Дии. — Мортон совсем еще ребенок.

— Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? — горько спросил мистер Дии. — Хочешь, чтобы он корпел над цифрами вместо того, чтобы заниматься важной работой Дьявола?

— Разумеется, нет, — сказала жена. — Но Борбас...

— Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

— Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

— Пожалуй, — задумчиво произнес мистер Дии. — Но стоит ли его беспокоить? В конце концов старик уже три года мертв.

— Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортон, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызвать своего отца.

Он смешал белену, размолотый рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

— Где мой магический жезл? — спросил он жену.

— Я сунула его в сумку вместе с твоими ключками для гольфа, — ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

— Здравствуйте, дедушка. — Миссис Дии поклонилась.

— Извини за беспокойство, папа, — начал мистер Дии. — Дело в том, что мой сын — твой внук — отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем распрямилась и изобразила знак Старого Языка.

— Да, — ответил мистер Дии. — Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

— Думаю, это лучше всего, — согласился мистер Дии. — Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, жестоко — но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортонa распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Страшилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.

Мортон закончил складывать, проверил результат на абакe и посмотрел на ящера.

С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью, испускающей пронзительные невнятные звуки. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.

Мортон улыбнулся и вновь перевел взгляд на книги.

Мистер Дии не выдержал.

— Черт побери! — воскликнул он. — Ты не испуган?!

— А чего мне пугаться? — удивился Мортон. — Это же дедушка!

Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.

— До свиданья, дедушка! — попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.

— Все ясно, — сказал мистер Дии. — Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.

— Нет! — вскричала жена.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю, — проговорила миссис Дии. — Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.

Мистер Дии был тверд как камень.

— И все же, ничего не поделаешь.

— Он еще такой маленький! — взмолилась супруга. — Это... это травма для ребенка!

— Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины, — успокаивающе произнес мистер Дии. — Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалею... Мальчик должен быть чародеем.

— Тогда начинай, — не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии. — Но на мою помощь не рассчитывай.

Все женщины одинаковые, подумал мистер Дии, когда надо проявить твердость, разнуживаются... Скрепя сердце он приготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.

Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов — дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Защитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, и тремя каплями крови гиппогрифа...

— Где у меня кровь гиппогрифа?! — раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.

— На кухне, в бутылочке из-под аспирина, — ответила миссис Дии, вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

— Мортон, — позвал отец. — Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и незащищенным.

— Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

— Что ж, хорошо, — проговорил мистер Дии. — БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

— А! — вскричал демон громовым голосом. — Маленький мальчик!

Челюсть Мортон отвисла, глаза выкатились на лоб.

— Непослушный маленький мальчик, — просюсюкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого шага сотрясался весь дом.

— Прогони его! — воскликнула миссис Дии.

— Не могу, — срывающимся голосом произнес ее муж. — Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону, но мальчик быстро открыл книгу.

— Спаси меня! — закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий, ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

— Зико-пико-рил! — взвыл демон, повернувшись к незнакомцу. Однако худой старик засмеялся и сказал:

— Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас вскарабкался на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

— ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

— Отмена, Истечение, Запрет, Нemoмощность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз; сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забившимся в угол гостиной, и сказал:

— Знайте, что я — Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь, я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортонa и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом он повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

— Завтра, малыш, мы займемся темой «Уклонение от Налогов как Путь к Проклятью».

— Да, сэр, — восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

— Что ж, — сказал он. — Если парень так хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

ОХОТА

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 — «Парящему соколу» было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца остро. Патруль 31 — «Отважный бизон» совершал маневры возле маленького ручья. «Бизоны» отработывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 — «Атакующий мираш» ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

— Привет, — сказал он. — Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

— Опять не по уставу, Дрог?!

— Виноват, сэр, — сказал Дрог, поспешно выпрастывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

— Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, — начал командир и откашлялся. — Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки, умения и достоинства наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

— ...прямо и честно, — продолжал командир. — И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед слетом, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Дрог.

— В патрульном отряде «Атакующий мираш» ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

— Это не только моя вина, — сказал он. — Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

— А что же ты умеешь делать? — перебил командир.

— Я владею лесным и горным ремеслом, — горячо выпалил Дрог, — выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

— Слушай, Дрог, а что если тебе предоставят еще один, последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

— Я готов на все! — вскричал Дрог.

— Хорошо, — сказал командир. — Как называется наш патруль?

— «Атакующий мираш», сэр.

— А кто такой мираш?

— Огромный свирепый зверь, — быстро ответил Дрог. — Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираши вымерли.

— Не совсем, — возразил командир. — Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и 3-482 стаю из трех мирашей. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мираша. Ну как, справишься?

— Уверен, сэр!

— Приступай немедленно, — велел командир. — Мы прикроем шкуру к нашему флагштоку и безусловно заслужим похвалу на слете.

— Есть, сэр!

Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 — 3-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность — изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По-правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен — разве что любил часами

мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что если ему не удастся обнаружить мираша? Что если мираш обнаружит его первым?

Нет, этого не может быть, успокоил себя Дрог. На худой конец, всегда успею жестибулировать. Никто и не узнает.

Через мгновение он уловил слабый запах мираша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву Т.

Неужели все так и сойдет — просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

— Когда, наконец, мы отсюда улетим? — не выдержал он.

Геррера добродушно похлопал его по плечу:

— Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Мы уже богаты, — возразил Пакстон.

— Не так чтобы уж очень, — сказал Геррера, и на его продолговатом, смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подожел Стелмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

— Как насчет передышки, джентльмены?

— Отчего же нет? — отозвался Геррера. — Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился спиной к Т-образной скале.

— Стелмэн раскурил трубку, а Геррера расстегнул «молнию» и извлек из кармана комбинезона сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

— Так когда же мы улетим с этой планеты? — наконец спросил он. — Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Геррера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

— Мне ответит кто-нибудь?! — закричал Пакстон.

— Успокойся. Ты в меньшинстве, — произнес Стелмэн. — В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

— Но деньги-то — мои! — заявил Пакстон.

— Разумеется. Потому тебя и взяли. Геррера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота — только у меня. А ты дал деньги.

— Но корабль уже ломится от добычи! — воскликнул Пакстон. — Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить!

— У нас с Геррерой нет твоих аристократических замашек, — с преувеличенным терпением объяснил Стелмэн. — Зато у нас с Геррерой есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота — в топливные баки, изумруды — в жестянки из-под муки, а на палубу — алмазы по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы его подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

— Это дерево только что шевельнулось, — низким голосом проговорил он.

Геррера разразился смехом.

— Чудовище, надо полагать, — презрительно бросил он.

— Спокойно, — мрачно произнес Стелмэн. — Мой мальчик, я не молод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

— Вот! Снова шевельнулось!

— Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, — напомнил Стелмэн, — и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, — это леса и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да будь здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

— Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! — настаивал Пакстон.

Геррера поднялся.

— Это дерево? — спросил он Пакстона.

— Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Геррера выхватил из кобуры бластер «Марк-2» и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

— Вот уже никого и нет, — подытожил Геррера.

Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

— Ага. Но теперь-то оно мертво, — успокаивающе произнес Геррера. — Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудов, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Геррерой по тропе.

— Непосредственный малый, правда? — с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был

совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фыркания, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт мирашей затих вдали, а затем, преодолевая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он смог воспрять из чепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок от смерти. Только инстинктивная кводдикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло ему память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными мирашами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской skóry... Командиру можно сказать, что все мираши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет подвергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что ж, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием — лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! — твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. А ведь мираши даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мирашей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, это может погубить кожу.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с мирашем, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал их красный, отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами — небольшими, но идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Геррера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной взезым залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось — предпочтительно зеленое — и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

— Вот мы и дома, — сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. — Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

— С луком! — потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

— Занятно, — сказал Стелмэн. — Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Геррера оттащил его.

— Это может быть мина-ловушка.

— Проводов не видно, — возразил Пакстон.

Геррера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

— Этой штуке я не верю ни на грош, — заявил он.

— Может быть, здесь все-таки есть туземцы? — предположил Стелмэн. — Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар — знак доброй воли.

— Ага, — саркастически подхватил Геррера. — Специально ради нас они стогнали на Землю за бутылочкой «Старого космодесантного».

— Что же нам делать? — спросил Пакстон.

— Не соваться куда не надо, — отрубил Геррера. — Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

— Видишь, ничего страшного, — заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Геррера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Геррера попытался прыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

— Держись! — завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Геррера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Геррера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Геррера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи и умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наизготове.

— Ночью по очереди будем нести вахту, — отчеканил Геррера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

— Пожалуй, ты прав, Пакстон, — сказал Геррера. — Что-то мы здесь засиделись.

— Чересчур засиделись, — уточнил Пакстон.

Геррера пожал плечами.

— Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартуем.

— Если только сможем добраться до корабля, — не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся мираш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный мираш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. От излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираши обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно,

что мираши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они были взбешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный мираш — это одно из самых ужасающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мирашей, скорчившихся внутри, — органы чувств на пределе, оружие наготове.

— Неужели ради одной-единственной шкуры мираша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от всех этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприхотливой Вселенной.

Остается либо добыть шкуру мираша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас — выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки.

Быстро и умело он сотворил манок для мираша.

— Вы слышали? — спросил Пакстон.

— Вроде бы какие-то звуки, — сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. «О-о, на помощь! Помогите!» — кричал голос.

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Это похоже на голос девушки, — поправил Стелмэн.

— Умоляю, помогите! — взывал девичий голос. — Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство — пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища — зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он — главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

— Я выхожу, — хладнокровно заявил он.

— Сядь, кретин! — приказал Геррера.

— Но вы же слышали ее, разве нет?

— Никакой девушки тут быть не может, — отрезал Геррера. — Что ей делать на такой планете?

— Вот это я и собираюсь выяснить, — заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. — Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

— Сесть! — заорал Геррера.

— Он прав, — Стелмэн попытался урезонить Пакстона. — Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

— О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! — визжал девичий голос.

— Прочь с дороги, — угрожающим басом заявил Пакстон.

— Ты действительно выходишь? — с недоверием поинтересовался Геррера.

— Хочешь мне помешать?

— Да нет, валяй, — Геррера махнул в сторону выхода.

— Мы не можем позволить ему уйти! — Стелмэн ловил ртом воздух.

— Почему же? Дело хозяйское, — безмятежно промолвил Геррера.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал Пакстон. — Я вернусь через пятнадцать минут — вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Геррера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело.

Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мираши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мираша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мирашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мираши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалась безграмотия. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мирашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Геррера в сердцах выругался.

— Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

— Геррера?

— Да.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

— А если компас вышел из строя?

— Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

— По-моему, я вижу корабль, — сказал Пакстон.

— Нет, еще рано, — возразил Геррера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, наощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Герреры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

— Кажется, мы почти дошли, — сказал Геррера.

— От души надеюсь, — выдохнул Пакстон. — С меня хватит.

— Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

— Не бреди душой!

— Ладно, — смирился Геррера. — Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделяться.

— А я и так держусь, — отозвался Стелмэн.

— Нет, не держишься.
— Да держусь, тебе говорят!
— Слушай, кажется, мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

— Это твое плечо, Пакстон?
— Нет, — ответил Пакстон.
— Плохо, — сказал Стелмэн очень медленно. — Это совсем плохо.

— Почему?
— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.
— Ложись! — заорал Геррера. — Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Геррера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим мирашем...

Космический корабль неся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Геррера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

— Как там Пакстон? — спросил Геррера.

— Я накачал его дроном-3, — ответил Стелмэн. — С ним все будет в порядке.

— Хороший малый, — заметил Геррера.

— Думаю, это просто шок, — сказал Стелмэн. — Когда он придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Геррера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

— Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаниматься алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлинненное лицо посерьезнело.

— Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 — «Парящий сокол» — разыграл короткую пантомиму, символизирующую

освобождение Элбоная. Патруль 31 — «Отважные бизоны» — облачились в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 — «Атакующий мираш» — двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мираша — ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

ВОР ВО ВРЕМЕНИ

Томас Эддридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Эддридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шуму несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Эддридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они смотрели друг на друга. В первый момент Эддридж подумал, что это студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Эддридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь записаться?

— В чем?! — испуганно воскликнул Эддридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — Виглан. Припоминаешь?

Эддридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — отдельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *cum laude*¹. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Виглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Виглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то

¹ С отличием (*лат.*).

откуда же?.. В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможным путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские усадились на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал штутги! — а девочку убил! Он-то уже точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершит путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну-нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще должен совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так и далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Эддриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полумили виднелось селение. Эддридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого же встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Эддридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Эддриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Эддриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он может познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлениях?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Эддридж постарался поскорее проشمыгнуть мимо тощей серолицей библиотекариши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начинались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Томаса Эддриджа из противоречивых уравнений Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Эддриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Эддридж по существу открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса». Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих пра-пра-прадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путаниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прощу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотечка. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотечка.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также все права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотекарьша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девочке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступить, не желая лезть во все эти дразги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было сделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться.

В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж, — произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. — Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?
 — Совершенно, — сказал Элдридж. — Темпоральная амнезия.
 — Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

Предметы, похищенные Томасом Монро Элдриджем

	Количество	Стоимость
<i>Из спортивного магазина</i>		
<i>Виглана, Сектор I</i>		
Многочарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	400
<i>Из специализированного</i>		
<i>магазина Альфгана, Сектор I</i>		
Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1 000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2 650
<i>С продовольственного склада</i>		
<i>Лури, Сектор I</i>		
Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «фэнси»	9 пакетов	6
<i>Из галантерейной лавки</i>		
<i>Мэнори, Сектор II</i>		
Дамские зеркала	60 штук	95
<i>Общая стоимость похищенного</i>		14 256

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркала, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен понести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — ответил капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элд-ридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нециви-лизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном поло-жении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заим-ствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капи-тан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Поду-мать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических харак-теристик.

— Спасибо, — сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и стукнул им капитана по голове. Бла-женно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хро-нокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

«Видно, снова произошли климатические изменения», — подумал Эддридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Эддридж, это не более чем парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Эддриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Эддридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни вейся, конец будет.

Эддридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, — преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Эддридж, ощутив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Эддриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Эддридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Эддридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Эддридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это о жизни в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверь слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли это мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец?! — не выдержал Элдридж. — Чей жених? Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.

И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем своим награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервации продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей еще осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о *habeas corpus*¹.

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

---

¹ Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (лат.).

И все-таки это несправедливо. Он был лишь невинным свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглазеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя несколько не интересовали деньги.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-то другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твоё изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсидишься у меня, пока за

давностью дело не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставляю при себе, — тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто необходим компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставляю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные секторы, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы! Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец, он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. «Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными». Однако чудовище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Элдридж снова нажал на кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилося сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята, — миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедший по голове удар свалил его наземь.

Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучку обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник.

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднике будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Эдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включу хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует.

Я нажимаю на кнопку.

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Эддриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устилал собранный накануне хворост.

Эддриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Эддриджу удалось его поймать. Но другие горящие головы посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Эддриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Эддридж рухнул на алтарь. И тут рука его нащупала какой-то предмет...

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Эддридж II! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Эддридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Эддридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Эддридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Эддриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Эддридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот, — Элдридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал, — признался он. — Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же — очень рад встрече с вами... — совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь в конце концов муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Эддридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, — и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Эддриджа, когда он нажал на кнопку хроноката.

Так было покончено с Эддриджем II.

Отныне он становился Эддриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

Мне здесь воистину удивительно хорошо. Но вам следует запомнить, я — счастливчик. Мне просто здорово повезло, что меня направили в Патагонию.

И дело, понимаете, не в связях, нет, и не в способностях. Я весьма неплохой метеоролог, но ведь могли послать и получше меня. Просто мне в высшей степени везет оказываться в нужное время в нужных местах.

Это звучит неправдоподобно, особенно если принять во внимание, что военные оборудовали мою метеостанцию всевозможными приспособлениями, известными человеку. Не исключительно ради меня, конечно. Военные планировали разместить здесь базу. Понавезли всякого оборудования, но затем отказались от проекта.

Тем не менее, я продолжал составлять прогнозы погоды, пока у них была в этом необходимость.

Но техника! Наука всегда меня удивляла. Я и сам вроде как ученый, но не творческого плана, а в этом огромное различие. Еще бы, ученый творец делает нечто невероятное и всякий раз двигает вперед прогресс. Это божественное вдохновение.

Я сам видел, каким способом это достигается. Какой-нибудь генерал говорит ученым: «Парни, нам позарез не хватает специалистов, и не единого шанса их заменить. Их обязанности должны исполнять люди, зачастую вовсе не имеющие никакой квалификации. Понимаю, звучит невозможным, но, может, что скумекаете?» И ученые начинают упорно трудиться над всеми этими книгами и приспособлениями.

Вот, например, на прошлой неделе у меня разболелись зубы. Я сперва решил, что от холода, поскольку, несмотря на продол-

жающуюся вулканическую активность, здесь все еще довольно прохладно. Однако вскоре убедился: всему причиной — больной зуб. Поэтому я распаковал зуболечебный аппарат, настроил его и прочел, что полагалось. Я сам себя обследовал и определил больной зуб, вид боли и дупло. Затем сделал себе укол, прочистил зуб и запломбировал его. А дантисты годами изучают в институтах то, что я под давлением обстоятельств проделал за пять часов.

Или вот возьмем пищу. Я бы ужасно растолстел, поскольку ничего другого не делал, кроме как составлял прогнозы погоды. И тогда я начал воздерживаться от еды, которой позавидовали бы лучшие в мире повара. Приготовление пищи всегда считалось искусством, но когда за это взялись ученые, они из этого сделали точную науку.

И так далее. Я мог бы продолжать дальше и исписал бы еще много страниц. Куча всякой всячины, которой меня снабдили, в дальнейшем мне не понадобится, поскольку я остался совсем один. Тут любой бы стал компетентным юристом-практиком, используя руководства, которые мне достались. Они так составлены, что всякий, кто обладает даже средним уровнем интеллекта, мог бы отыскать нужные разделы и овладеть необходимыми знаниями, чтобы успешно выиграть любое дело, а заодно узнать, что эти параграфы означали в равнинной Англии.

Но против меня никто даже не попытается возбудить какое-нибудь дело, а все потому, что я всегда был счастливчиком. А жаль, мне так хочется, чтобы хоть кто-нибудь смог. Просто ради того, чтобы испытать эти своды законов.

Строительство — совсем иное дело. Когда я сюда прибыл, то должен был жить в сборной металлической казарме. Однако я расконсервировал кое-какие из сказочных строительных механизмов и отыскал материалы, с которыми каждый бы справился. Я выстроил себе бомбоубежище из пяти комнат с ванной, облицованной кафелем. Конечно, это не настоящий кафель, но выглядит очень похоже и на удивление просто кладется. С покрытием тоже не было проблем, особенно если изучить, как это делается.

Больше всего меня удивила проводка в дом водопровода. Система водоснабжения всегда казалась мне наиболее сложным делом, куда сложнее, чем даже медицина или зуболечение? Но и с ней у меня совсем не возникло затруднений. Возможно, по профессиональным стандартам она не так уж и хороша, но меня вполне удовлетворяет. А комплект фильтров, стерилизаторов, очистителей и так далее позволяет мне получать воду, в которой нет даже самых стойких микробов. И все это я установил сам.

Правда, порой я чувствую себя здесь одиноко, но не так уж и много ученых способно разрешить проблему одиночества. К сожалению, заменителя компании не существует. Но уж если ученые творцы действительно очень постараются, то, возможно,

и придумают что-нибудь получше, чем полное одиночество, для изолированных парней вроде меня.

Здесь нет даже патагонцев, с которыми можно поговорить. После приливных волн они ушли на север, — те из немногих, кто еще оставались.

И музыка у меня не очень хорошая. Однако я не из тех, кто обращает много внимания на одиночество. Возможно, потому меня сюда и направили. Хотя, конечно, хочется, чтобы здесь были какие-нибудь деревья.

Живопись! Я забыл упомянуть про живопись. Всякий знает, насколько непрост этот предмет. Нужно знать о перспективе, контурах и тонах рисунка и уйму еще чего. Практически необходимо быть гением, чтобы чего-нибудь получилось.

Теперь-то я подобрал кисти, установил холсты и могу рисовать, что мне нравится. Все, о чем следует знать, есть в учебнике. Краски здешних закатов поразительны. Вам никогда не доводилось видеть подобных закатов. Пылающие цвета, невероятные оттенки! А все из-за пыли в атмосфере.

И с ушами у меня тоже лучше. Разве я не говорил, что я — счастливчик? Барабанные перепонки у меня лопнули от первой же контузии, но я ношу такой миниатюрный слуховой аппарат, что его едва видно, а слышу даже лучше, чем раньше.

Это обратило мой интерес к предмету медицины, и никогда еще наука не делала лучшей работы. В книгах говорится обо всем. Я сам себе сделал операцию аппендицита, что еще несколько лет назад считалось невозможным. А я просто определил симптомы, следовал указаниям, и операция прошла успешно. Я лечу себя от всех болезней, но, конечно, ничего не могу поделать с радиоактивным заражением. Однако вины книг здесь нет. От радиоактивного заражения не существует средств. Даже если бы здесь были лучшие специалисты, и они бы не помогли.

Если остались какие-нибудь специалисты... Но их, конечно, не осталось.

Ничего страшного. Я знаю, как сделать так, чтобы не было больно. И везенье от меня не ушло. Просто не повезло всем остальным.

При таком подходе убеждение в том, чему быть, того не миновать, не так уж велико. Полагаю, мне следует занести это в свои записи. Тогда я смогу все это выразить должным образом. Точно так же, как и то, какие я чувства испытываю к науке, я имею в виду, как я ей благодарен. Мне тридцать девять лет. Но я прожил дольше всех, даже если завтра умру. А все потому, что мне везло оказываться в нужное время в нужном месте.

Наверно, я не стану вести никаких записей. Все равно никто не прочтет ни слова. А какой толк в писателе без читателя?

Фотография намного интересней.

Кроме того, мне нужно распаковать землечерпалки, построить мавзолей и вырезать себе надгробный памятник.

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, ежась от свиста воздуха, вырывавшегося через пробитую осколком метеорита дыру.

Капитан Барнетт кивнул и припаял очередную заплату к изношенному корпусу «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился.

Планета показалась из-за небольшого багрового Солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного неба одновременно возбудил у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

— Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво промолвил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Вряд ли удалось бы им разыскать новую планету, если бы «Индевер» летел по Южно-Галактическому пути. Но там патрулировало слишком много кораблей конфедеральной полиции, а у Барнетта имелись серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, служившей для открывания сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти почему-то неодобрительно относились к подобным товарам и настойчиво пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие пустяковые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Сами.

В довершение беды новые полицейские корабли обладали большей скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые месторождения.

— Да, не густо, — прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться, — подтвердил Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Планета оказалась меньше Земли и, несмотря на кислородную атмосферу, почти не имела полезных ископаемых.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть, — взволнованно заговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов. — Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт обрадованно кивнул, и корабль стал опускаться.

Из заднего отсека вышел Витор и заглянул в иллюминатор через плечо Эйджи. Когда «Индевер» завис над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На открытом пространстве стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно, — скрывая волнение, проговорил Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти в отставку, но годы никак не отразились на профессиональных способностях пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил войти в состав своего экипажа. Капитан охотно становился альтруистом, если это что-то сулило.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел совершенно новым, но его конструкция озадачила капитана.

— Вы видели что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт.

Эйджи порылся в своей обширной памяти.

— Несколько напоминает кефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей конфедерации.

Витор не мог оторвать взгляд от корабля.

— Вот бы нам такой! — мечтательно вздохнул он.

Улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина в граните.

— Я об этом и думаю, — сказал он. — Пойдем побеседуем со шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Витор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания. Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту. Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал и, не дождавшись ответа, зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул — видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Витор. Голос звонким эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало — только глухо гудели генераторы и шелестела трава.

— Куда они могли подеваться? — удивился Эйджи.

Наверное, пошли подышать свежим воздухом, — предположил Барнетт. — Вряд ли они ждали столь высоких гостей.

Витор уселся на траву, а Барнетт и Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной и великолепной конструкцией.

— Справишься с ним? — спросил Барнетт.

— Думаю, что да, — ответил Эйджи. — Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют аналогичные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не так уж много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Витор.

Из леса, отстоявшего от корабля на триста ярдов, показалась и стала приближаться какая-то фигура.

Эйджи и Витор одновременно выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов и шириной в фут. Головы пришелец не имел.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, почти скрытые травой, служили для ходьбы, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольника виднелись два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Станный тип, скажу я вам. — Эйджи установил прицел на бластере. — А что если он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да, — пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов. — Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. — Или вы хотите сначала вручить ему свою визитную карточку?

— Много чести, — усмехнулся Барнетт. — Подождем немного, пусть подойдет поближе.

Кален приземлился на этой заброшенной планетке в надежде добыть хотя бы несколько тонн Эрола — минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не пришлось воспользоваться, оставалась нетронутой вместе с керловым орехом.

«Может быть, на следующей планете повезет больше», — думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он остановился как вкопанный — недалеко от его корабля стоял чужой космический корабль необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой дыре разумных существ вроде тех, которые стояли сейчас перед открытым люком его корабля. Незнакомцы имели лишь отдаленное сходство с мабогийцами. Правда, одну из планет Магобийского Союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе.

Радостно взволнованный своей удачей, Кален поспешил навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг, надеясь, что быстро найдет с этими странными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, совсем его измотал. Он очень хотел есть и должен был срочно принять душ...

Внезапно что-то обжигающе холодное отбросило его назад. Кален встрепенулся: что за сюрприз преподносит ему враждебная планета? Тут в него вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых устойчивых и защищенных жизненных форм, у них тоже имелись уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он не только понаслышке знал, что такое убийство, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среды иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать книги по патологической психологии, в которых описывались в деталях пять или шесть случаев преднамеренного убийства за всю историю Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален не верил самому себе.

Еще один заряд обжег его тело. Кален не двигался, все еще пытаясь убедить себя в том, что это ему мерещится. Не могут же быть способны на убийство существа, разум которых позволяет им строить космические аппараты!

К тому же они ведь даже его не знали!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и побежал к опушке. Все трое незнакомцев стреляли одновременно, и замерзшая трава громко хрустела у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не было приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как холод сковывает его.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее!

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два заряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на замерзшую землю и потерял сознание.

— Идиот, — пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый, — с удивлением сказал Барнетт. — Ни одно дышащее кислородом существо не способно вынести такое. — Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля. — Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан! — весело заорал Витор.

Барнетт взглянул на небо.

— Через четыре часа начнет смеркаться. Витор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди на нашей развалине батареи. Мы должны улететь до наступления темноты.

Витор отправился выполнять приказ, а Барнетт и Эйджи вошли в корабль.

В заднем отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следу-

ющий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, по-видимому, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев — только гладкий металлический пол. В потолке и в стенах виднелось несколько небольших отверстий непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, в котором с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под зрительным экраном был полностью заставлен приборами.

— Все это ваше хозяйство, — сказал Барнетт. — Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Витор перенес все вещи на «Индевер-2». Эйджи еще ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Была бы инструкция! Если кнопки вспомогательной системы взлета включались не слева направо, а наоборот, Эйджи пришлось бы заново переучиваться. Означал ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включала аварийное тормозное устройство. Но красный цвет мог означать и температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек.

— Вы готовы?

— Кажется, да. — Эйджи слегка прикоснулся к кнопке на панели. — Эта штука должна закрыть люки.

Он нажал на кнопку. Витор и Барнетт стояли затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи ухмыльнулся, довольный.

— А это система подачи воздуха, — провозгласил он и нажал на маленький рычажок.

Из щелей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

— Какие-то неполадки в системе, — беспокоился Эйджи.

Витор закашлялся.

— Отключите! — прикрикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока окутал оба носовых отсека.

Отключите, черт возьми!

Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы и с пульта на пол посыпался сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Витор подбежал к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт бросился к пульта, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Витор осел на пол, тщетно пытаясь выбраться наружу.

Барнетт слепо нажал на какие-то рычажки.

Гул генераторов прекратился, и лицо Барнетта освежила

струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул вверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро улетучились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты.

Витор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и начал растирать ему грудь, ругаясь вполголоса. Наконец веки Эйджи задрожали, и вскоре он пришел в себя.

— Откуда взялся дым? — простонал Витор.

— Боюсь, что наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, — высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой.

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел, — прервал его Барнетт. — К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо, — уныло пробурчал Эйджи.

Трое мужчин переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Витор и выхватил бластер.

— Помолчи! — велел Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к зрительному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали багровым светом открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи. — Наши бластеры...

— Не убили его, — мрачно закончил Барнетт.

— Скверно, — пробормотал Эйджи. — Очень скверно.

Витор все еще держал бластер в руках.

— Капитан, — вызвался он, — может быть, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Витор, что осталось на корабле? Батарей?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Хорошо. Значит, только кислота...

— Это мощная штука, — вмешался Эйджи. — Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй, — согласился Барнетт. — И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Эйджи не удивлялся. В космическом корабле не только

путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности.

Но для землян это могло закончиться трагически.

— Если бы мы знали, с какой он планеты, — грустно произнес Эйджи.

Пока они знали только то, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — с деланной бодростью пообещал Барнетт. — Найдите системы взлета и больше ни к чему не прикасайтесь.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь проникнуть в мысли инопланетянина, смотрел на корпус своего бывшего корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в сознание и поразился тому, что еще жив. Он с трудом приподнялся и прислонился спиной к дереву. Красное солнце опускалось за линию горизонта. Воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и живительный желтый воздух все еще в них остается.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль вошел один из незнакомцев, сгибаясь под тяжестью груза. Через некоторое время все люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Кален почувствовал острую потребность в пище и воздухе. Наружная оболочка его тела высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. У Калена оставался только один красный керловый орех и тетнивая бомба.

«Если удастся вскрыть орех, — подумал Кален, — можно еще долго продержаться. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Ему впервые пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную и повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Кален заметил, что незнакомцы бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, подумал Кален. На открытом воздухе он погиб бы еще до наступления утра.

Он медленно пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось, и Кален благополучно пробрался внутрь корабля через открытый люк.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, Кален разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь покрыты заплатами. Теперь стало понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Прежде всего следовало восстановить силы, и Кален вынул круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с силой ударил им по скорлупе. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на орехе и следа.

Кален испугался, не выдаст ли его грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся иступленно молотить по скорлупе. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил свои попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех оставался целым и невредимым! Только крэкер, стандартное устройство, имевшееся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех, иного способа, увы, никто не догадался придумать.

Движения Калена сковывала наружная оболочка, кожа постепенно затвердевала и превращалась в роговую броню. Когда процесс ороговения завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от нехватки воздуха...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален заставил себя погрузиться в раздумье. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасти кожу. На борту своего корабля он мог постоять под душем из особой смягчающей жидкости, но было весьма сомнительно, чтобы подобная жидкость имела у инопланетян. Оставался один выход — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется подождать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожица, но зато он обретет подвижность.

Кален на негнущихся ногах отправился на поиски чейнджера, но вскоре с грустью убедился, что даже такого простейшего устройства на борту корабля не имеется.

Он поднял согнутый стальной прут, согнул его еще больше и, вставив один конец под нависавшую складку кожи, с силой рванул прут вверх.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

Вконец отчаявшись, он отбросил бесполезный прут в сторону и внезапно вспомнил про тетнивовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного корабля, то легкий взрыв только подбросит корабль футов на тридцать в воздух и не причинит никаких повреждений.

Но инопланетяне безусловно погибнут.

Кален пришел в ужас. Как он мог подумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — нашептывал Калену внутренний голос. — Пришельцы — скверные создания. Избавив от них вселенную, ты окажешь ей огромную услугу. И что из того, что при этом ты невзначай поможешь и себе? Считай, что это не убийство, а очищение от скверны».

«Нет!» — решительно отказался Кален и огромным усилием

воли заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную находку, которая спасет ему жизнь.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Уже забрезжил рассвет. Внутри «Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решился трогать терморегуляторы..

В отсек для экипажа вошел Витор, сгибаясь под тяжестью увесистого ящика.

Капитан решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Маленькое помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя подходящего места для ящика, Витор оглянулся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь быстро ушла в потолок. Витор очутился перед маленькой пустой клетушкой, которая показалась ему идеальной для хранения вещей. Он вошел и опустил тяжелый ящик на пол, среди множества красных скорлупок.

В то же мгновение на него начал опускаться потолок.

Витор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о надвигавшийся потолок, лишился чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с ворвавшимся с другой стороны Барнеттом. Капитан попытался было вытянуть Витора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Обнаружив редкое присутствие духа, Эйджи поставил ящик на бок и на мгновение задержал предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытащить Витора из клетушки, и в то же мгновение ящик треснул и раскололся, как грецкий орех. Сделав свое дело, потолок остановился и бесшумно заскользил наверх.

Витор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан, — жалобно взмолился он, — может быть, нам возвратиться на «Индевер»?

— Витор прав, — Эйджи развел руками. — Это какой-то заколдованный корабль!

— И вы согласны от него отказаться? — с легким презрением осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился.

— Откуда мы знаем, — заговорил он, стараясь избежать взгляда Барнетта, — что он еще выкинет? Это слишком опасно, капитан.

— «Опасно...», — передразнил Барнетт. — Вы понимаете, от чего отказываетесь? Один его корпус может принести целое состояние! А двигатель? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль может пронзить насквозь любую планету и выйти с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, что мы не сумеем оценить это, поскольку трупы не умеют восхищаться, — не унимался Эйджи.

— Все, хватит болтать! — прикрикнул Барнетт. — Корабль мы не оставим! Просто ни к чему не будем прикасаться, пока не достигнем безопасного места. За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, превращающиеся в гидравлические прессы, посмотрев на Барнетта, счел за благо не спорить.

— Вы разметили приборную панель? — примирительно спросил Барнетт.

— Осталось совсем немного, — проворчал Эйджи.

— Очень хорошо. Ни к чему другому не прикасайтесь. Пока мы ничего не трогаем руками, нам ничто не грозит.

Барнетт стряхнул со лба пот, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскользнули два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его талии. Барнетт что было сил рванулся, но кольцо не поддавалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволоочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, и исчезло в стене.

Эйджи и Витор застыли на месте с раскрытыми ртами.

— Выключите эту штуку, — хрипло приказал Барнетт.

Эйджи бросился к пульту, но в ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — завопил Барнетт.

Витор, сбросив оцепенение, попытался было схватить зловещную руку, но та резко повернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем, будто она принадлежала виртуозу хирургу, рука своим лезвием мгновенно раскроила куртку Барнетта сверху до самого основания и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, державшее Барнетта, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Оно дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло в нерешительности. Внутренний механизм встревоженно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и опять неуверенно остановилось.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тут же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Витор изо всех сил ударил по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезола рубашку и исчезло, оставив насмерть испуганного Барнетта голым по пояс.

Когда же под дикий крик капитана щупальце вынырнуло вновь, Витору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце прикоснулось к нежной теплой коже на груди пленника и одобрительно хмыкнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все казалось ясным без слов.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин, не имея камердинера, раздевался таким образом? Нет, это абсурд. А комната-пресс тоже абсурд?..

Старый пилот в глубине души даже радовался, что так случилось. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, как покинуть дьявольский корабль и попытаться вернуться на собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорывал Барнетт.

Витор поспешно поднял разрезанную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стены.

— Через сколько времени мы можем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?!

— Надеюсь, вы не оглохли!

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час, — пробурчал Эйджи и устало пополз в пилотский отсек.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую кожу. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове Калена мелькали видения далекого детства. Величавые зубчатые скалы Мабога, огромный порт Кантанопе, и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения прочь. Мабогиец не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся на запечатанный металлический ящик в заднем отсеке корабля. Отбив крышку, Кален увидел внутри большие бутылки, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутылку. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену смутно знакомым. Он напряг память и вспомнил — символ означал череп гуманоида. В Мабогийский Союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее макеты черепов.

Он открыл бутылку и принялся. Запах ему понравился. Он напомнил Калену... запах жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать затаив дыхание. Если ему только удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем!

Он опорожнил еще одну бутылку, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя питательной жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален почувствовал необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После животворной ванны Кален осмотрел пилотирующие устройства. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не могли превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Хотя и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

«Ничего, — подумал Кален, — как-нибудь он преодолеет эти трудности». Но потом, исследуя двигатель, он заметил, что у батарей отсутствует одно совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуть назад свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство.

Ни при каких обстоятельствах — даже ради спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы прожили без войн уже три тысячи лет, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета.

Взглянув себе под ноги, Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одна тетнитовая бомба могла решить дело.

И никто на Мабоге не узнает об этом!

— Вы готовы наконец! — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да, — ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Витором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Они пристегнулись, и Эйджи объявил десятисекундную готовность. Он нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Эйджи нажал еще одну кнопку, и заработали батареи. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил про себя, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы

работали прекрасно. Эйджи задал автопилоту нужный курс и включил двигатели.

Вдруг он ощутил прикосновение к ноге и, взглянув вниз, поразился тому, что густая, дурно пахнущая жидкость поднялась уже на несколько дюймов и залила весь пол. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки.

Вскоре он заметил четыре отверстия, из которых равномерными толчками выбрасывалась жидкость.

Эйджи нажал на кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться охватившей его панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться.

Но не открылась!

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда Эйджи обнаружил сток, зловонная жидкость уже доходила ему почти до шеи. Он потянул на себя рычаг, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В дем дело? — осведомился Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно, — произнес Барнетт. — Я не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает ускорение при взлете. Мы не видели на борту ничего, к чему бы он мог пристегиваться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. — Зачем ему заливать весь корабль? Вдобавок это еще одна дополнительная гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Почему? — поинтересовался Барнетт.

— Я еще не научился дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекает, как только я включу двигатели.

— А вы откройте сток и привяжите к чему-нибудь рычаг регулятора, чтобы сток оставался открытым. Масло будет стекать так же быстро, как набираться.

— Что ж, попробуем, — уныло согласился Эйджи.

Он переоделся и, последовав совету капитана, обнаружил, что жидкость не поднимается выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал кнопку взлета.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Он так и не нашел в себе сил подложить бомбу. Законы многовековой давности трудно преступить за несколько часов.

Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этому ему хватит на несколько дней. Если бы еще суметь вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, он машинально успел вдвое уменьшить ускорение. Только это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное почти нулю по шкале, было все равно невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживавшие Барнетта и Витора, лопнули при взлете. Витор еще только приходил в себя, а Барнетт с трудом выкарабкивался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело выдохнул он. — Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением»!

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи. — Посмотрите сами.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело, — сказал он. — Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их планете слишком сильная гравитация, и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее, — простонал очнувшийся Витор.

— Да и давление тоже растет, — сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Витор проводили старого пилота взволнованными взглядами.

— Я ничего не могу поделать! — крикнул Эйджи, утирая пот с покрасневшего лица. — Температура и давление регулируются автоматически. — Видимо, они настраиваются до «нормального» уровня после взлета.

— Отключите их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт. — Или вы хотите, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор уже стоит на нуле, — ответил Эйджи. — Больше ничего сделать нельзя.

— Какова же нормальная температура для этого дурацкого инопланетянина?

— Даже страшно предположить, — ответил Эйджи. — Корабль построен из необыкновенно термоустойчивого материала. Он способен выдержать давление в десять раз больше, чем земные корабли. Сопоставьте эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт. Металлический пол раскалился уже почти докрасна.

— Отключите его! — заорал Витор.

— Не я сделал этот корабль, — начал оправдываться Эйджи. — Откуда мне знать...

— Отключите! — завизжал Витор, хватая Эйджи за горло. — Отключите!

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — удивился Витор.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают, — пояснил Эйджи. — Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да, — подтвердил Эйджи. — Двигаясь по инерции, мы достигнем ближайшей планеты не раньше чем через три года.

— Придется вернуться на наш корабль.

Подавив вздох облегчения, Эйджи переключил автопилот на новый курс.

— Вы думаете, что этот тип вернет нам корабль? — спросил Витор.

— Конечно, — убежденно ответил Барнетт. — Ему ведь хочется заполучить назад свой, следовательно, придется покинуть наш.

— Да, но если он захочет отомстить...

— Мы выведем из строя автоматику, — сказал Барнетт. — Это его немного задержит.

— Ненадолго, — вмешался Эйджи. — Потом он нас все равно догонит.

— Не думаю, — ухмыльнулся Барнетт. — Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не подумал, — улыбнулся Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся, — бодро заключил Барнетт. — Металл, из которого сделан корабль, кое-чего стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» в противоположном направлении. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и, когда «Индевер-2» опустился на поверхность планеты, астронавты едва успели выбраться наружу. Их тела покрылись волдырями от ожогов, а подошвы обуви прогорели насковзь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Через мгновение закрылись люки.

— Ну вот, — Барнетт встал на ноги. — Теперь надо срочно взлететь. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю батареи, а Витор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль наполнился свежим благоухающим желтоватым воздухом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока крэкер раздавит их.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил чейнджеру снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно ее разрезало, остановившись перед нежной живой кожей.

Кален понял, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснишь, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно установить местонахождение их планеты и сообщить о случившемся, чтобы за ними прилетели и вылечили.

Карен был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. Он ведь мог оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего этого не сделал.

Он только соорудил несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы и обнаружил, что они в идеальном порядке. Он включил батареи и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Витор первым подбежал к люку. Он бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило!

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от батарей к стенам. Дотронься Витор до корпуса корабля, он был бы неминуемо убит мощным электрическим разрядом.

Они разомкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил полный хаос. Пол был загроможден беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома разлитая в нескольких местах кислота совершенно разъела обветшавший корпус «Индевера».

В заднем отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством соединена с небольшим стартером. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были еще и другие устройства, о предназначении которых никто не мог догадаться.

— Можем мы все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2».

За год мы, вероятно, сможем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу.

«Индевер-2» взмыл вверх.

— Что за мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, — философски рассудил Эйджи.

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расплывшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту, — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей, — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обраще-

ния с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел, наконец, Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые,

умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джины, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зеваая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не ползет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы

«Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтоб все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, лежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати

комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелись Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохуже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не

превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилиза-

тор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо расколосось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке. К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз переехал в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе боль-

шой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павилинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцей выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очувтившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за оградой в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футом в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхолический.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении возрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно зани-

мается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы «Поуха минайл», а также фирмы «Максимо олф»	111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 »
Безукоризненное здоровье	888 234 031 »

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пятьдесят кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм, — клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает

посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытаскил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсриджию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы»,

«Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикирской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикирская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Невеста сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же retirовался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Вены.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый астронавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим Вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного Пояса, а

корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой Стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железнному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», — назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гоужь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикирской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятирубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доз и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорада, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народом, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны. И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или виной тому эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Господин министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальности. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн, слегка ошарашенный. — Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да-да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. — В общем я слышал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверно, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперед. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит. — Видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Тране, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Тране. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Госпожа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей де-

вушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-

стасисного поля; он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проявляться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумленно спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Пре-

зидента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг. — Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте, — предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транее отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жезл. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает владелец?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. п. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно закончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Тране мы даем

конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскрипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройти пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешитель-

ности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомьтесь с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразились общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом Вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой Стрелке, где кровожадные скарибки охотились вдоль Звездного Пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали жажду, — сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправдано. Любовь вопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержащий все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озираясь, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванул туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да-да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Станный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству, в конце концов, нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболез-

ненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Если хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро послышались шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-три, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. — Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он устался на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гуд-

мэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потерянный бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть, — продолжал всхлипать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выпипись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такого сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидел большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае подвижны и стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали почти все аспекты культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы и научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала при-

знание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпрашился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR—43241—3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквях или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. А мне нравится работать на улице. Это позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идрик-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих материальных планах.

Министр по делам иностранцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-ХІ.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудака любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском poste? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Тране ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще

что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю какой-то минимум времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится еще несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координатах, нанесет ущерб цветущести лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО БРАКОСОЧЕТАНИЯМ

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивалась женщина.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся с нашего дома.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доз был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доз, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря

слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доз и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмутив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит, так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слиш-

ком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иностранцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошайки. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит. — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливости имеет к Утопии?

— Прямое! — усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд,

полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иностранцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобряют, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тессуума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за всю жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставить на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и

жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину.

Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрешь, я все еще буду молодой и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы «Греа». Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не стану. В конце концов я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал терять время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Манчанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикирской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикирскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

БИТВА

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет, — сказал Феттерер, взглянув на часы. — Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. — Он ткнул в карту толстым пальцем. — В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем, — пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр, — сказал он, — там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно, — строго сказал Феттерер. — Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр, — ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религии стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его войти, — сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров,

раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. — Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон масированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — сурово произнес священник, считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох, уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займются религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орден.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великопепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призракное воинство. Вздывая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врзались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами павших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца

телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны были в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. — Поздравляю, господ.

Генералы устало улынулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это... — начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между горами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи, — прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. — Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин. — Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка, — сказал Феттерер. — Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедem сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

ОРДЕР НА УБИЙСТВО

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленной на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было забыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и прищурившись глядел вниз. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. — Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. — Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сиды Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарится! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни

предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволоочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пушного авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

— Как вы сказали? — обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямясь, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. — Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни

одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Вручай здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что, — раздраженно сказал Джек Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джек злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джек. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям? На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобратся хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывающий ему совершить преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовы сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, — пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, — пробормотал он. Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глянвы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудями лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обмногого тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведро молока или двух рыб, или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а, Том?

— Ваяй, ваяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет

красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была старушка с блестящими глазами. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следы за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблучках и уставил на Тома негнушийся указательный палец. — А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг как начальника полиции, — продолжал Билли, — охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект.

Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим, по крайней мере, будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, — сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнув в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрителльные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Украти еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Ладно, я постараюсь, — согласился Том.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрителльными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он

испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попала маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. — Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том

поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как подвигается строительство маленького школьного здания. Братья Плотники трудились над ним всю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. — Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глянью и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорило. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр, — убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубашке с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. — Прочти любую книгу.

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточно это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то...

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли. — Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, — сказал Том вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр изготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здорового рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрывшись за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный корабль отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение корабль выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал

маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, генерал, — сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. — Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одета в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, генерал?

— Как? Для того чтобы быть настоящими землянами, — отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленные ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождало четверо солдат. Остальные четверо прошли по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая сесть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо, — сказал Том, опешив от удивления. — Ты совсем не обязана это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напивались пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком проулке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. — Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. — Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, — но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь Генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — удивился Том.

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максиму благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. — Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом

Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. — Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. — Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что вы завербовали здесь немного солдат. — Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Том прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте спокойно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, мальй? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснял. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, — сказал мэр, — я подумал, что если уж кто-нибудь из нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Спокойно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и

сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать...

— Опасная зараза... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент. — Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

Я И МОИ ШПИКИ

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли „Старлинг“». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и к другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер — меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство Внутренней Безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не хотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство насколько во мне не заинтересовано.

Взял хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло уже одно

его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним, — причем я чувствовал его дыхание на своем затылке, — мои друзья хохотали до слез.

— Билл, — шумели они, — это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую Комиссию по Расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них. Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал подумывать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил себе «Каталог светил вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупницы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере, так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома уложил вещи и распрощался со звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпикю и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось лишь получить общую визу, и я поспешил в Бюро Общих Виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

— Куда же вы желаете отправиться?

— В космос! — ответил я.

— Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю, — сказал я. — Просто в космос. В Глубокий Космос! В Свободный Космос!

Клерк устало вздохнул.

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском Космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский Космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением, — ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни, — сказал он с улыбкой превосходства. — Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

— А где же Свободный Космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность! — гордо ответил он.

На минуту я буквально остолебенел. Я как-то никогда не представлял себе, что вся вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов кто-то же должен был владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский Космос, — заявил я, не придав в то время этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже запущен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других мешков. Развязав этот мешок, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну что ж, — заговорила она, — может, вы можете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти из мешка. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пла-

мени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? — спросила она. — От самой Земли у меня и крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня, — отвечала она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму, — сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского Космоса.

— Я стремилась к свободе, — сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустила на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой, — голос ее звучал спокойно, — но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волнение при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Простоять пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать меня, — продолжала она. — Я больше не могла все это выносить: казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну» — все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы, — ответила она. — Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться, — сказал я.

— Благодарю вас, — кротко ответила она, — вы действительно поняли меня.

— Конечно, — сказал я, — но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я не медля ни минуты обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского Космоса. Работая по пятнадцати часов ежедневно, мне удалось добиться того, что этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а швы на корпусе сохраняли герметичность. Мейвис О'Дэй — так звали моего шпики — готовила пищу, вела домашнее хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

При всем при этом, однако, мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие.

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул назад и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру № 3.

— Извините, пожалуйста, — сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке, — отвечала она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я почувствовал дразнящий аромат духов «Венера-5».

— Теперь можете отпустить, — сказала она.

— Да, конечно, — отвечал я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны.

— Мэйвис, — звучал мой голос, — мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл? — спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями Шпики и Подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака... — начал он.

— Все в порядке, сынок, — ответил я.

— Мне очень неловко, — продолжал он, — что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом, — сказал я. — Что ты там делал на скале?

— Сэр, — начал он тонким голосом, — мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом-испытателем космических кораблей. Он героически погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставляя ему в наследство участки земли на какой-то планете в Британском Космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчл, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрк, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в мой космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандр и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи». — «Но, сэр, — пытался было я протестовать, — отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберемся», — сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил Фликеру миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный! — услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать, — отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться, — не отставала Мэйвис. — И зачем это Комиссия по Расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь, он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем? — воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании, — ответил мальчишка. — Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И вот они прислали тебя, — Мэйвис всхлипывала, — двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло, — посочувствовал он. — Лично я хочу стать пилотом, испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно: я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось наскрести в кадрах службы безопасности.

Мое правительство еще продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла сиденье второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и возилась по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпииков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как была невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой был в восторге от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить. Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую Комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было бы ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она несколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

— Билл, — позвала она.

— Что? — спросил я.

— Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

— Билл!

— Что?

— Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что бы я ответил ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба опустился космический корабль.

Эд Уоллейс, пилот корабля, оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше, чем через месяц.

— Как нехорошо получилось, — пробормотал он. — Теперь придется сидеть здесь.

— Я тоже так думаю, — ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

— Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой, — сказал я и пошел к себе. Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллейс сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что

учреждение, в котором служил мистер Уоллейс, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное Разведывательное Управление.

Из мистера Уоллейса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то вышло, что у нас не оставалось времени для прогулок по желто-зеленым полям и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллейса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной Разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-Информационного Бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского Совета по Космическим Нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов совсем не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеяны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе Подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию вдруг охватила необычная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне

пришлось попросить некоторых шпииков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпиики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

— Случилось нечто ужасное, — сказала она, — но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы совсем не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть! — воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл, — продолжала она. — Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть! — повторил я. — Даже вы, Мэйвис?

— Даже я. — Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено, — выпалил вдруг Рой.

Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллейс, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит? — спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела, — вмешалась Мэйвис. — Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим, — продолжала Мэйвис, — наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не сможете взлететь! — закричал я. — Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны, — мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпииков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение

неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать меня по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жалко их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпигов, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого Подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл, — сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллейса, и вдруг до меня дошло, что и она уже больше не мой шпиг!

— Мэйвис! — закричал я и бросился за ней.

Она зашепила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллейса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь и по сей день — правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя называть. Бывшие шпики теперь массами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпигов, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в отставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духа. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — это бывшие правительственные тайные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в этом вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком

случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

ВЕРНЫЙ ВОПРОС

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо, что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он *знал*.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже *знали*.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некой планете, вращающейся вокруг некой звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри него находились *ответы*. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и *зачем* они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше, — со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло. Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете

ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну, — пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос. — Протяну, сколько понадобится, чтобы *узнать*.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем, — Морран помог старику освободиться от привязных ремней. — Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, знавшей ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые» звезды...

— Да, — согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал, — так что вполне можно было поболтать.

— А знаете, — сказал Лек, — поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. — Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да, — отозвался Лек, все еще на языке твердого решения. — Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам, выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно, — заверил Лек. — Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью.

Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слышал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах, — пожал плечами Лек. — В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-границы поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он *знал*.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати! — воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один. — Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить, — заявил другой, — почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния. Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные, — пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — вылитые мы! — который *знал*. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут, — прошептал Морран. — Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да, — отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне, — попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. — Скажи мне, что я есть?

— Частность, — сказал Ответчик. — Проявление.

— Брось, — обиженно проворчал Лек. — Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное назначение этого?

— Вопрос бессмысленный, — сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большом объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен.

Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик *знал*. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание, — думал Ответчик. — Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — то как можно оказаться в других местах?

Ответчик *знал*, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос, — с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд.

— Почему, — поинтересовался другой, — есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы, и сам на них отвечал.

— Ну вот, — вздохнул Морран. — Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем, — сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Надев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро, — попросил Лингман.

— Хорошо, — согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезд, отличной от всех других звезд.

— Сюда, — указал Морран. — Легенды верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни, — сказал он Моррану, — мы и вообразить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик, — обратился Лингман высоким слабым голосом, — что такое жизнь?

Голос раздался в их головах.

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответ же в собственных терминах, — сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы, — произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран. — Наука...

— Частные истины, — бесконечно усталым голосом заметил Лингман. — По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так, — задумчиво проговорил Лингман. — Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при прохождении через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно, — помолчав, произнес Морран. — Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы эти требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Следовательно, мы даже не можем задать верный вопрос? — возмутился Морран. — Не верю! Хотя что-то мы должны знать. — Он повернулся к Ответчику. — Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ну наконец-то мы сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально: как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума, — не выдержал Морран. — Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верных вопросах. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустил на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто, — продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. — Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет, — едва слышно проговорил Лингман. — Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив против научной точности?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всемогущ.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой планетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неплохо; девушки там были миловидные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами Солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что обходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V. И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага, — сказал торговец, подняв брови. — Хотите послушать о планете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой планеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого? — спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов, — с усмешкой

разъяснил торговец. — Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам: таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Люди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь? — спросила какая-то женщина.

— Девушка, — мягко сказал торговец. — Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализировалась по излишествам, и они окупаются сторицей.

— Сторицей? — переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра исчерпаны, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получать полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты--то был влюблен на Земле? — спросил Саймон.

— Уж чего-чего, — угрюмо ответил торговец. — Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной луной, о бледных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном берегу моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибоя.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжело трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множились фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там спланирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и поднялся на борт ракеты «Казанга — Метрополия».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в аэропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже стращали карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления. Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!

Документальный отчет о сексуальной жизни обитателей зеленого ада! Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!

Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

Тарзан, смутно припомнил он читанное в книгах, — это герой древних народных сказаний Земли.

Все это было удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пиццей, расстегаями, спагетти и кнышами. Были магазины, где шла распродажа уцененной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин, смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону.

Хочешь попытать счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи, на изрешеченных пулями стульях, сидят четыре едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них были нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Разумеется! — ответил хозяин. — На Земле есть закон, воспреещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах! — подхватила третья. — Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тир, где стреляют в мужчин?

— Конечно, — ответил хозяин. — Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму. — Толстяк закрыл глаза и затынул нараспев:

— Подходи! Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Лучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов, — ответила девушка.

— Но ведь шок...

Он пожал плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату, — сказал хозяин, — я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно осел лягается. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь, — непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая, — сказал хозяин. — Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует, — сказал хозяин, — можешь уложить и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда! — ответил Саймон, уходя прочь.

— Ждем тебя, милый! — крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску, Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту плаще.

— Не здешний? — спросил человечек.

— Да, — ответил Саймон. — А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная, — осторожно ответил Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал... ну, как его...

— Конечно, — сказал человечек. — Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая бы сделала мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент, — внушительно продолжал человечек, — угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии, рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалистов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь, — сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммуни-

стам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к какой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему, — ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит, — быстро-быстро закивал человек. — Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь? — удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь, — сказал он. — На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру, — деловито ответил Человек. — Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и...

— Что ты знаешь о любви? — осведомился Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы на ней собаку съели.

— Я знаю то, что сказано в книгах, — возразил Саймон. — Страсть под безумной луной...

— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоенные любовью и оглушенные рокотом прибоя.

— Ты тоже читал эту книгу?

— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошюра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.

И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу.

Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею. От тяжкого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он решил не делать поспешных выводов.

Дойдя до 44-й стрит, он увидел огромные, ярко светящиеся неоновые буквы:

«ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД»

Неоновые буквы поменьше гласили: *«Открыто круглосуточно!»*

И под ними: *«Подняться на второй этаж».*

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда его направили по длинному коридору в комнату номер такой-то.

В комнате находился красивый седоволосый человек, который поднялся из-за внушительного письменного стола навстречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадались, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть нелимитед». К тому же у нас гораздо более сходная цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо, — перебил Саймон.

— Активный агент, — сказал мистер Тэйт с игривым видом.

— Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-то, а любовь вы получите. — Он потянулся к кнопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да? — отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно, — выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота. — Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все, что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы! — возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления. — В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря? — спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от первой встречной, мистер Саймон. Это настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет, сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряже-

ние, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть, — согласился мистер Тэйт. — Эту проблему разрабатывают наши исследовательские лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это, — сказал Саймон, поднимаясь с места. — Пойду-ка я лучше в кино.

— Постойте! — вскричал мистер Тэйт. — Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас познакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда, — согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному износу. Да, кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабарщиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка, — не унимался Тэйт. — С виду вы кажетесь смышленным молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшифки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю, — сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызывало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт, — сказал Тэйт, — познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный вездеход пригнал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на сумеречном берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга.

А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении закатного пламени. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно сызнава окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет; робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокошующий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни порывисто жала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь? — спросил мистер Тэйт.

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение, — разъяснил мистер Тэйт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости, — сказал он. — Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас? Что вы с нею сделали?

— Прошу вас, — сказал мистер Тэйт примирительным тоном, — постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой! — закричал Саймон. — Мне нужна Пенни!

— Это невозможно, — сказал мистер Тэйт с легким налетом изморози в голосе. — Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег? — загремел Саймон. — Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей? — Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите-ка обратно в карман, — сказал он. — У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, сунул бумаж-

ник в карман и уселся. Он глубоко вздохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше, — смягчился мистер Тэйт. — Я не допущу, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело? — Саймон опять едва не закричал. Он овладел собой и сказал: — Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь? — спросил мистер Тэйт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется, — сказал Саймон. — Эта любовь особая, необыкновенная...

— Они все такие, — утешил его мистер Тэйт. — Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет, — сказал Саймон. — Я думал, любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство! А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно, — медленно проговорил Саймон.

— Можно было *убедить* ее влюбиться в кого угодно, — поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается, — сказал Тэйт. — За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутой! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь! — воскликнул Саймон.

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные

научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. во всех случаях наша любовь показала большую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное неважно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно, — ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни смотрит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служителя, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите! — бросил Тэйт ему вслед. — Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Землю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему, и к другому, и к третьему, и к десятому.

И, конечно, он подошел к тиру.

— Хочешь попытать счастья? — спросил хозяин.

— Заряжай, — ответил Элфред Саймон.

ЧТО В НАС ЗАЛОЖЕНО

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо; без надежды на успех, — в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на создание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный среднего возраста мужчина с реденеющими светло-пепельными волосами и вечноозабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое предписание — все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил, педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознанием человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации. И Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод «Тихий Сэм».

— Славно сработано! — восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучительными капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолвствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

— Идут! — закричал Кросвелл спустя полчаса. — Их около дюжины, и они явные гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно-бледные лица застыли, словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

— Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

— Что они делают? — спросил Маартен.

— Просто разглядывают нас, — отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычно длинными роскошными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли.

Кросвелл то и дело любовно поглаживал их в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось. — Они уже в двадцати ярдах от корабля! — Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль, разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

— А что теперь? — осведомился Маартен.

— Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

— Как он одет?

— На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное — приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружелюбно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюреллян.

— На них одежды пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

— Есть!

— Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.

— Так точно!

— Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.

— Слушаюсь!

— Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность, — продолжал Маартен. — Прости меня, Эд, но твои усы...

— Нет-нет, только не это! Умоляю! — Кросвелл в неприятном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.

— Боюсь, с этим ничего не поделаешь, — с напускным состраданием вздохнул Маартен.

— Я их полгода отращивал! — запротестовал юноша.

— Придется с ними расстаться. Они будут бросаться в глаза.

— Не вижу для этого причин, — негодуяще возразил Кросвелл.

— Самое главное — первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие — конформизм. Мы должны стараться походить на них своим внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то по крайней мере не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры, словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаев и традиций...

— Хорошо, я согласен, — прервал его Кросвелл. — Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемуруобразным гуманоидом с Эборин IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить и слово. Правда, к чести эборийцев, следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбрав усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли в дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и открыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шелест. Вождь — или жертва — молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

— Никакой мимики! — предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

— Мы пришли с миром, — тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

— Вождь сказал: «Добро пожаловать», — перевел Чедка.

— Вот и отлично. — Маартен приблизился еще на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь

ББ-32 (для первобытно-пасторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дюреллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных добрых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Он все понял? — шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориец кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги — по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дюреллян осторожно приблизился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

— Что он сказал? — взволнованно спросил Кросвелл.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок, — сказал Чедка. — С его стороны это было непростительно неучтиво.

— Вот как! — воскликнул Маартен. — Тогда его обморок даже сыграет нам на руку — заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стечение обстоятельств, независимое от нас...

— Нет, — прервал Чедка.

— Что «нет»?

— Не независимое, — лаконично пояснил эбориец, свернувшись калачиком и мгновенно уснул.

Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.

— Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?

Чедка сладко зевнул.

— Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...

— Какой ветер? — не веря своим ушам, переспросил Маартен.

тен. — Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за... — Страшная догадка осенила его.

Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул.

Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружающий деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рассвета. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.

— Я уверен, что это преодолимое препятствие, — глубоко-мысленно произнес Кросвелл. — Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...

— Из-за таких, как ты говоришь, «пустяков» контакты срываю-ются навсегда, — возразил Маартен.

— Но кто мог предположить...

— Я должен был предвидеть! — вспыхнул Маартен. — Мало ли что прежде ничего подобного не случилось... А, вот они!

Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблет-ками.

— С абсолютной гарантией нейтрализуют любое дыха-ние — даже гиены. Проглоти парочку.

Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.

— Что теперь, шеф?

— Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?

Чедка проскользнул сквозь люк, протирая уже слипающиеся глаза.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок.

— Это мы уже знаем. Что еще?

— Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый ин-цидент не повлияет на развитие дружественных отношений меж-ду двумя миролюбивыми благородными народами.

Маартен облегченно вздохнул.

— Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?

— Я заверил вождя Морери, что оно будет должным об-разом скорректировано, — сдержанно подтвердил Чедка. — Меня лично оно никогда не беспокоило.

— Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?

— С моим дыханием все в порядке, — зевая, гордо прогово-рил Чедка.

При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и понятные всем ассоциации! Меньше слов — больше жестов! Таковы были наставления.

Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести естественную, но весьма эффективную и прямо-таки символическую церемонию. Дюрелляне встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лучезарно улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную рассеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

— Пусть этот мост явится символом той связи, которая навечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами — они стояли не двигаясь.

— Прочь с моста! — завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как каменная машина под ним рухнула, и он с криком полетел вниз.

— В жизни не видел ничего подобного, — возбужденно тараторил Кросвелл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков. — Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

— Что случилось? — испугался юноша.

— По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

— Что он сказал? — обратился он к дремлющему Чедке.

— Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет, и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

— Гм-м, — смущенно выдавил Маартен.

— Вождь говорит, что вы, по-видимому, очень невезучий человек, — добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отношении дюрелляне находились на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворили свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

— Как вы думаете, я могу это сфотографировать? — спросил пораженный Кросвелл.

— А почему бы и нет, — великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

«Потенциально дюрелляне, — думал Маартен, — по своему интеллекту не уступают *Homo sapiens*. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность — в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле наконец пришли к подобным идеалам».

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакт. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что «относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится».

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

— Все готово для большого представления.

— Какого представления?

— Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу

честь, — потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил. — Это — событие чрезвычайной важности, знак признаний и доброй воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражениях своих чувств: — Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрели прочь.

— Да, это победа, — прошептал Маартен, — если только мы будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал это ты. Они прекрасные душевные существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем — чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по несколько нейтрализующих дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

— Только шепотом, не забудь! — приглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С неменяющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

— Молодец, Эд! У тебя природный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекошилось от изумления:

— Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

— Чедка! — растерянно пролепетал Маартен. — Поговори-те с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

— Эти идиотские жесты! Ты их заигнотизировал! — догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, замигали и стали быстро и нервозно переговариваться.

— Они говорят, что вы обладаете магической силой, —

переводил Чедка. — Еще они говорят, что инопланетяне очень странные существа, и сомневаются, можно ли им доверять.

— А что считает вождь? — упавшим голосом спросил Маартен.

— Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зло.

— И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

— Мы прощаемся с вами, — шепотом обратился к вождю Маартен, — и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили, — они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь заверил, что землянам будут всегда рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, прошипев от боли, судорожно вырвал руку. Кожа на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

— Что случилось? — перепугался Кросвелл.

— Пот! — убитым голосом ответил Маартен и сокрушенно опустил руки. — Должно быть, он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающе смыкались вокруг — в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприпрыжку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля. Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

— Проклятье! — выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из-под ног.

— Скорей в корабль! — кричал Маартен.

Едва они успели взлететь, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

— Опять эта чертова вибрация! — в сердцах выругался Кросвелл. — Надо же — такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

— Мы и так слишком много натворили, — веско заметил Кросвелл.

— Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважно, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

— Дело не в том, что вы делаете, — они никогда не слышали, чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая. — Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

— Да, вы правы. Наши голоса разрушают их планету, наша мимика повергает их в ужас, наши жесты гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

— Чего же вы хотите? — мрачно вмешался Кросвелл. — Для них мы — ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

— Это еще не все, — ехидно добавил Чедка. — Смотрите!

Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившись после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

— Вот видите? — добавил Чедка. — В вас еще и это!

— А ведь дерево было мертвое, — размышлял Кросвелл. — Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

— Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

— Да, — кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

— Надеюсь, они правильно поймут, — убеждая сам себя, заговорил он. — Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

ЛОВУШКА

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спешу, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище.

Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет, как из ведра, — констатировал он. — Закон природы.

— Сегодня может хорошо клевать форель, — заметил Дэйли.

— Это ее личное дело, — без особого восторга отозвался Турстон. — На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было бы носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающие изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишества веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже

клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром, — охотно согласился Дэйли. — А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛЮ-ВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал. — Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам модель абсолютно бесплатно! Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете точно соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица, — проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. — Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон. — У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился.

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким барахлом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек, — задумчиво пробормotal Дэйли. — А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, — цинично заверил Турстон. — Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один*, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять

секунд нажмите *кнопку два*. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три*, отключающую ловушку, откройте крышку и доставайте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открыть ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением воззрился на ловушку.

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно, — не раздумывая ответил Дэйли. — Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцающая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем, — не выдержал Турстон. — Яйца уже наверняка остыли. Дэйли неохотно последовал за ним, и дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетонд разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегли. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетонду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расщепления. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытьё посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо шелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака, — отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекопился:

— Бррр!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмара! Может, поедem в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— Его держать?

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся.

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон. — Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да, — задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. — Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо заставив, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своей старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят все что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

— Фу, — поморщился Турстон, — и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча — тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По-соседству размещалась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто, напоминавшее змею, с головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой — все это оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят, — пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны, — настаивал Турстон. — Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чем?

— О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

— Я деловой человек, — с достоинством ответил Турстон. — Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

— Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся.

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа, — назидательно произнес Дэйли, — уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли — Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами, — неожиданно размечтался Турстон. — Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм. — Турстон глубоко задумался. — Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке, — прервал его Дэйли. — Я думал об открытии галереи, — галереи Дэйли — Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На это раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были поспокойнее, — заметил Турстон. — Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью, — решил Дэйли. — Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории: **«ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».**

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек, — робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно, — отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

— Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой. В соответствии с планом я позвал ее поползть в сад. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой, — заговорила она, — тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу, — ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но увы — я собираюсь обзавестись новой подружкой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

— Это Фрегель!

— Да, — подтвердил я, — славная Фрегель согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошнило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегель!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избородили

следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? — Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного? — Он опустился перед ловушкой на колени и горько произнес:

— Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять, — осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том? Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея, — вздохнул Турстон. — Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи! Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остолопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных, — пытался успокоить друга Турстон. — Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе, — угрюмо промолвил Турстон. — Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принялся ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да нет же, успокойся, она на месте, — заверил Турстон.

Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Турстон. — Конечно, исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает, — провозгласил он. — Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывали лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону:

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

ТЕЛО

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспокойно склонившихся над ним трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, чтобы решиться, на что решились; молоды и дерзки, не обременены закостенелыми штампами и мыслями; с железной выдержкой, железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Все хорошо?

— Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или мигните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер сглотнул, привыкая к новому небу, языку и горлу. Наконец он произнес очень сипло:

— Мне кажется... мне кажется...

— Ура! — закричал Кассиди. — Фельдман, вставай!

Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.

— Он уже пришел в себя? Разговаривает?

— Да, он разговаривает! Фредди, мы победили!

Фельдман нашел свои очки и кинулся к операционному столу.

— Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все, что угодно.

— Я... я...

— О боже, — выдохнул Фельдман. — Кажется, я сойду с ума.

Трое разразились нервным смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но зашелся кашлем.

— Где Кент? — крикнул Кассиди. — Он удерживал осциллограф на одной линии в течение десяти часов.

— Отличная работа, черт побери! Где же он?

— Ушел за сэндвичами, — ответил Люпович. — Да вот он. Кент, все в порядке!

На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно сглотнул.

— Заговорил?! Что он сказал?

Раздался шум, и в дверь ввалилась толпа людей.

— Уберите их! — закричал Фельдман. — Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью!

Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.

— Вы слышали, что говорят врачи, ребята.

— Нечестно, это же сенсация!

— Его первые слова?

— Что он сказал?

— Он действительно превратился в собаку?

— Какой породы?

— Он может повилять хвостом?

— Он сказал, что чувствует себя отлично, — объявил полицейский, загораживая дверь. — Идем, идем, ребята.

Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он взглянул на операционный стол и пробормотал:

— Боже мой!

Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.

— Какого черта?! — взревел репортер.

— Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони, — саркастически произнес Кент. — Увеличьте его и повесьте в

Музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.

— Идем, ребята, — строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и посмотрел на профессора Мейера.

— Просто не могу поверить! — прошептал он и закрыл за собой дверь.

— Мы кое-что заслужили! — воскликнул Кассиди.

— Да, это надо отметить!

Профессор Мейер улыбнулся — внутренне, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена.

Подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно, — осторожно произнес Мейер. — Немного не по себе, пожалуй...

— Но вы не сожалеете? — перебил Фельдман.

— Еще не знаю, — сказал Мейер. — Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.

— Есть. Вы. — Фельдман говорил с горячей убежденностью. — Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только хобби. Но ваши знаменитые...

— Пожалуйста, — выдавил Мейер.

— Нет, позвольте мне сказать, сэр. Вы продолжаете труд, над которым бился Эйнштейн. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существования в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди приматов...

— Не имеет значения, — оборвал профессор. — В конце концов, главное — интеллект. У меня слегка кружится голова...

— Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, — сжав руки, продолжал Фельдман. — Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал — усталое, изможденное тело...

— Не желаете выпить, сэр? — Кассиди протянул стакан.

Мейер засмеялся.

— Боюсь, что мои новые формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.

— Ох, — вырвалось у Кассиди. — Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!

— Вы должны нас простить, сэр, — извинился Фельдман. — Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что кто-нибудь из нас наспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...

— Вот! Вот блюдечко! — вмешался Люпович. — Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду, — сказал Мейер. — Мне можно подняться?

— Позвольте... — Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.

— Bravo! — восторженно закричали врачи.
— Мне кажется, завтра я смогу немного поработать, — сказал Мейер. — Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я мог писать. По-моему, это несложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны...

— Не торопитесь.
— О, только не это! Нам нельзя потерять вас.
— Какая сенсация!
— Мы напишем замечательный отчет!
— Совместно или каждый по своей специализации?
— И то, и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...

— Где здесь ванная? — спросил Мейер.
Врачи переглянулись.
— Зачем?
— Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте, я открою вам дверь.

Мейер следовал за ним по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех ногах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.

— ...никогда не повторится.
— Не могу с тобой согласиться. Все, что удалось однажды...
— Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.
— Вот именно. Био-электрические изменения необратимы...
— Он вернулся.
— Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?

— Я не миляга, — прорычал профессор Мейер. — И, между прочим, гождь вам в дедушки.

— Простите, сэр. Мне кажется, вам лучше лечь.
— Да, — произнес Мейер. — Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...

Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.

— Вам что-нибудь надо?
— Все, что в наших силах...
— Вот, я налил в блюдо воды.
— Мы оставили пару бутербродов.
— Отдыхайте, — сказал Кассиди.

Затем он непроизвольно погладил профессора Мейера по длинной, с атласной шерстью, голове.

Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.
— Я забыл, — смущенно произнес Кассиди.
— Нам надо следить за собой. Он ведь человек.
— Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...

— Убирайтесь отсюда! — приказал Фельдман. — Убирайтесь! Все!

Он вытолкал их из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?

Мейер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались с большим трудом.

— Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Вы же... вы же профессор Мейер!

Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.

— Все в порядке, сэр, — проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное. — Главное — это интеллект! Мозг!

— Разумеется, — согласился профессор Мейер, выдающийся математик. — Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ

Посадка едва не окончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнувшись и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке, — сообщил он по радио профессору Слиггерту. — Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно, — отозвался профессор Слиггерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

— А «Протект»? Как себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь, — заверил его профессор Слигерт. — Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, помоему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Очень важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно, — пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут оценил он размеры пошщины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и пожалел, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов росту, — беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище», — сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне, тем временем, приближались. Бентли решил, что пора и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов.

К одной ноге пристегнул ремешками радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса были две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут.

Так утверждает профессор Слиггерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Телиане испустили крик изумления. После минутного колебания, лингвасцен перевел эти крики так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!»

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие, гортанные гласные телианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из телиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор наизготовку.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходно, — провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбленными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь! — ответил Слиггерт. — Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные силовые узлы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае можно было придать ему более обтекаемую форму, — возразил Бентли, заглядывая себе за плечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сегодня это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями и поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей, — перебил Бентли. — А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли? — лукаво спросил Слиггерт. — Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну, ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неизвестным опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю, — ответил Бентли, — но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

— Благодарю!

— Однако все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться, — упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар

ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у «Протекта» есть!

— Послушайте, — сказал Бентли, — хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, а все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект» не снимая. А добиться этого можно только одним путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы! — сказал Бентли. — А «Протект» действительно проделает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется и...

— Вот одна из причин его громоздкости, — терпеливо разъяснил Слиггерт. — Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников. — Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно, — сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках. — Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек неспособен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Телиане никак не могли постигнуть прищельца. Они спорили между собой несколько минут, и все это время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из телиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братъя, — сказал телианин, — здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.

Вперед выступил другой телианин в таком же головном уборе.

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав, — согласился Ринек. — Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг — невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда от толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это телианские жрецы или шаманы. Скорее всего помимо духовной в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила, — заявил молодой и веселый с виду заклинитель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает; это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М Канди явился в облике...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет, — ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным телианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — господа или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух, — сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-галь даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец, — провозгласил он, — мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере, на первых порах, — торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше. — Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов — это строгойше запрещено. Таким образом, мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен, — напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожае, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немного: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он, усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огорожок, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; телл-ане обращались с ними ласково, как с щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Стибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустил на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец, — сказал Окцип, — ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побрататься! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священо.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли.

То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

— Но ведь оно очищено! — воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посоветовались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи, — осведомился Ринек, помолчав, — что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо, — торжественно ответил Бентли.

— Ага! — Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

— Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи себя?

— Ни в коем случае, — ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им захочется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье, — сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски

женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь его лицо было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

— О пришелец с небес. прими от нас священное копье! Кран К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось соседом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и...

Со щелканьем сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намек на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств.

Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копью. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировал в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ошупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушалась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскилась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с

земли. Заклинатели уныло затаили очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините, — произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье, — констатировал он.

— Ну, не совсем так, — возразил Бентли. — Просто... словом, у меня есть охранный прибор, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон, — ответил Гуаскль. — Слышанное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копия для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвист не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедленно, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во множестве твоих табу. Мы будем молиться за тебя всю ночь. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас.

Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло, — заметил профессор. — Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно,

что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было, — настаивал Бентли. — В конце концов, надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиард долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять! — закричал Бентли. — Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряд посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и «Протект» меня «спасет»? Пропадет все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить, — сентенциозно изрек профессор Слиггерт. — А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой, — ответил Слиггерт. — Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексy, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в силе тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте, — запротестовал Бентли, — меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект»

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело, — сказал Бентли. — Кстати, эти люди вроде бы не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своей силы, своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле, — терпеливо ответил Слиггерт, — даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки, — проворчал Бентли. — Но пусть будет по-вашему. А может,

все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и шемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поест каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь телианин пытался пронзить его копьём через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недреmlющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, дальше, дальше, но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки, стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертго воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя! — простонал Бентли вслух. — Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум, — сказал заклинатель духов. — Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда сплю беспокойно, — объяснил Бентли.

Гуаскль улыбнулся в знак того, что оценил шутку.

— Мой друг, молился ли ты ночью об очищении и об избавлении от злого духа?

— Это уж точно, молился.

— А была ли твоя молитва услышана?

— Была, — с надеждой ответил Бентли. — Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром. Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся, — заявил Бентли. — Давай начнем.

— Очень хорошо, — сказал Гуаскль, и они вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разсланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервозность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья, — сказал Гуаскль, — чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многие в нем странно, и его окружает нечто похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне, — сказал Гуаскль, — ты заклинатель духов и воистину один из нас. — Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.

— Проклятый идиот! — взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила! — пронзительно закричали телиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила! — возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да, — печально промолвил молодой заклинатель, — все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По несколько минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Телиане, видя, что он невредим, возобновляли «огонь», и защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти мимо, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но эта затея оказалась невыполнимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли телиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел, сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Телиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых они готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копье, и поле в который раз включилось.

— Ага, — подумал Бентли, — сообразили. Собираются уморить меня голодом.

Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.

Немного подумав, он отключил поле. Телиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копье.

— Погодите! — закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно? — спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит? — раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.

— Вы, телиане, знаете, — хрипло продолжал Бентли, — вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а! — сказал профессор Слиггерт. — Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно, — извинился Гуаскль, — но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно, — безнадежно сказал Бентли, — но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение, — бормотал профессор Слиггерт в задумчивости, — и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний. В последующих моделях этот недостаток будет устранен.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня, — сказал Слиггерт. — Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах вы, паршивый...

— Прошу вас! — строго сказал Слиггерт. — Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня! — вскричал Ринек с искаженным лицом. — Скуем дьявола огнем!

И «Протект» со шелканьем включился.

В крошечной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все

равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копьё. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Телиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг был уже замкнут. Телиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему уже не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет. Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее напополам.

Затем снова погрузился в защитное поле.

У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что телиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был уже совсем близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать

ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся телиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

— Ар гуай дрил? — издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил? — повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся набок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь, — сказал Гуаскль.

— Конечно, превосходно, — буркнул Бентли, ощупывая голову. — Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя, — сказал Гуаскль. — Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как? — переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал, — сказал Гуаскль, — но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух ты! — выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, встать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал!

— Понятно, — сказал Бентли. — Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Протект». Тяжелый, бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать Бентли из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзины с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

— Мы хотим его умиловить, — разъярил Гуаскль, — ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьявол? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед другие заклинатели. Бенгли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить, — сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его примехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр, — сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. — Я Эсмонд из Службы ликвидации. — И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно, — отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. — Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. — Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Фергюсон.

— Вовсе нет, — ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать, — проговорил, смеясь, Фергюсон, — что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота, — сказал мистер Эсмонд. — Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал, — ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон, — заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему, — заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку, — Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорите серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно, — ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично, — поспешно сказал Фергюсон. — Я просто интересуюсь. — Он помедлил. — Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся, — сказал он. — Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, — говорил Фергюсон. — А я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас, — проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Фергюсон. — Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет, — сказал мистер Эсмонд.

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было, — веско произнес Фергюсон, — я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того, — сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно жидиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно, — повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно, — поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. — А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, — каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока, — ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было невыносимо. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл, — сказал он, накидывая пальто на плечи, — меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечером-другой.

— Конечно, мистер Фергюсон, — согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинами у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания, — отчеканил Фергюсон. — Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу, — сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что было уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил... — Фергюсон крепко сжал трубку. У меня есть полное право так поступить, сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет! Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо это, по-настоящему ли справедливо!

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прожайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это не важно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной, — сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. — Тебе не трудно?

— Нисколько. — Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации, — ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада, — донеслись до него слова. — Сегодня днем

я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно охватил его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик, — в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние несколько световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждают, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислород. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного пригодного к вывозу тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания дилов, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала в его руках. Месяц уходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Ответы своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Ответы эти раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, — ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, — ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал:

— Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжкое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. — Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летних дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондикона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться.

Но расстояние — деньги, а деньги как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколлотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много горючего и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам. — Человечий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог ведь к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, слотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

«НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбеко-урдовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбеко-урдовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация см. ниже) — на любой вкус. По получении Вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет Вам свежемороженый экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту *сегодня же!*»

Флэзвелл послал за Ганга-Сэм и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяйну прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди, — сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. — Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли она мне?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежемороженого священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расплзалась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм, — сказал он. — Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий для обряда, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело, — отвечал им Ганга-Сэм. — Это дело Человека. Вам, роботам, лучше в это не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколочки решительно не по нему! Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, шить, кроить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амуре IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладони масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платье, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре V растут пальмы.

— Так это же не Сирингар V, — отвечал Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша-де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель.

А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. — Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, — угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтобы меня переправили на Сирингар V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, — сказал Флэзвелл. — Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечами.

— Путешествия расширяют кругозор, — заметила она небрежно.

— Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях, — сказал он со своей располагающей улыбкой, — ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде. — И он слегка прикоснулся к ее плечу. — Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Чего вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачующий робот, — сказал робот. — Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла. — Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь: робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она. — Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстояниях нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят, — ответила Шейла, скромно потупившись. — Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада, — загнусавил робот нараспев, — мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас, — надменно оборвала его Шейла. — И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату, — про-
рычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет
Бремни Человека.

Он послал радиogramму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что
заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а
самозванку у него заберут. После чего он возвратился к своим
трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэньку.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать
новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Прибли-
жался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в
садах, их честные металлические физиономии лоснились от ма-
шинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего
дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрад-
чивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лам-
почками люминесцентного света заперстели пластмассовые аба-
журы, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — раз-
бросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем
доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел,
как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени
стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню
бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисо-
вому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе»
Флэзвелл стойчески обходился этим меню и только иногда раз-
нообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпени-
ем нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата
оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в
отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к
лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны
смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и делови-
тая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает
все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие
достоинства! Далась ему эта рэбеко-уордовская пограничная мо-
дель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему
роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за
разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то
особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская
интуиция, — продолжал Флэзвелл. — Она себя совсем неплохо
показала, верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем делала бы образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят, — сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. — Вы и не знаете, сэр: когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл. — Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»?..

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благо-родства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь? — сказал Флэзвелл с запинкой. — Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей, пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла, — сказал Флэзвелл, — мне надо с вами поговорить.

— Ладно, — отозвалась она рассеянно, — вот только закреплю болт. — Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом.

— А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить, — подхватила Шейла. — Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души, — напомнил Флэзвелл.

— Да, — отозвалась она, сразу посерьезнев. — Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать... — Но тут Флэзвелл огляделся.

Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные Флэзвеллом при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать, — начал Флэзвелл. — Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из этих белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилося, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос. — Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то попробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде разрядов электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу, а это с провода сорвался изолятор. Ощущение не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не считите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл. — Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да, — сказал Флэзвелл убежденно, — вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост, — волосы ее растрепались, глаза метали молнии. — И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот. — Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот. — Когда же мы, наконец, сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидется, — оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультра-люкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал, она метит здесь остаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна, — сказал Ганга-Сэм. — Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание, — сказал Флэзвелл, — не мешало бы подумать об этом и в отношении Людей. Ну, да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сирингар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард, — сказала она. — Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду, — сказала Шейла. — Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не сопротивлялась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было, словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря: — Вот так-так.

Флэзвелл дважды кашлянул.

— Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она. — Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — восклицал брачующий. — Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, — пожаловался брачующий, — а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось, — выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр, — повинился Ганга-Сэм. — Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся, — рассмеялась Шейла. — В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась. — Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь, — обещал он. — Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтобы меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, — выпалила она залпом, — упростила его послать меня сюда?

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл. — Ты так красива...

— ...что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, — подхватила она с горячностью.

— А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал, — заключил он, утирая ей слезы. — Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мемсаиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдал из себя Флэзвелл. — Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, мои ботинки, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедem с визитами. В конце концов, Цитера V всего в пятнадцати летних днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро спросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий. — Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать

своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей: такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати — двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну, а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир. олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили меж собой Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

НОЧНОЙ КОШМАР

Женщина с криком проснулась и поняла, что кричит уже несколько секунд. Несмотря на холод в комнате, тело женщины покрывала испарина, и капельки пота по лицу и плечам скатывались на ночную рубашку. Спина тоже вспотела, и простыня под ней казалась влажной.

И тут женщину затрясло.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался у нее муж.

Однако та еще в течение нескольких секунд не могла говорить. Пытаясь унять дрожь, она согнула ноги в коленях и крепко обхватила их руками. Муж, лежащий рядом, казался ей длинной массивной кишкой, чернеющей на фоне тусклой белизны простыней. Она взглянула в его сторону и снова затряслась.

— Может, тебе полегчает, если я включу свет? — спросил муж.

— Нет! — пронзительно взвизгнула она. — Не двигайся, умоляю!

В ночной тиши слышалось лишь мерное тиканье часов, но вместе с тем присутствовало ощущение какой-то угрозы.

— Что, опять?

— Да, — ответила она. — Причем то же самое. Ради Бога, не прикасайся ко мне!

Но он уже немного подвинулся — черный извилистый силуэт на фоне белой простыни — и женщина снова задрожала.

— Сон, — осторожно начал мужчина, — был тот самый?.. со мной..?

И, понимая, что этого не следует произносить вслух, он очень осторожно, так, чтобы ненароком не напугать женщину, сменил на кровати позу.

Однако та снова обхватила себя за ноги и лишь через некоторое время, разжав руки, сильно уперлась ладонями в кровать.

— Да, — ответила женщина. — Змеи. Они ползали по мне. Большие и маленькие, сотни змей! В комнате и так их уже было полно, но они продолжали вползать в окна и двери. А в шкафу их собралось столько, что они из-под дверцы вываливались на пол...

— Успокойся, — сказал мужчина. — Может, не стоит продолжать?

Жена не ответила.

— Так как, зажечь свет? — ласково переспросил он.

Та поколебалась немного и ответила:

— Нет пока. Мне еще страшно...

— А-а, — произнес мужчина тоном полного понимания. — Значит, во второй части сна...

— Да.

— Послушай, а, может, не будем дальше?

— Нет уж, давай обсудим. — Она попыталась усмехнуться, но ее смех больше напоминал кашель. — Ты считаешь, у меня будут рецидивы? Сколько же еще ночей?

Сон всегда начинался одинаково: с медленно ползущей по руке белой змейки со злобными красными глазками. Женщина стряхивала ее с руки и садилась в кровати. И тут же чувствовала, что под одеялом скользила еще одна, но уже более толстая и проворная. Она выкидывала и эту, мгновенно спрыгивая с кровати на пол, но под ногами оказывалась еще одна змея, а следующая, заслоняя глаза, уже обвивалась лентой вокруг волос; в открытую дверь продолжали вползать все новые и новые змеи, заставляющие женщину в страхе снова запрыгнуть на кровать и прижаться к мужу.

Но как раз мужа-то в ее снах и не было. Вместо него на кровати лежала огромная толстая кишка, оказывающаяся чудовищной змеей, хотя понимание этого приходило лишь тогда, когда руки женщины обхватывали чудовище.

— Теперь давай, зажигай, — попросила она, и как только в комнате стало светло, мышцы женщины сжались, а бедра напрялись в готовности выбросить ее из кровати, если...

Но рядом находился лишь ее муж.

— Боже мой, — выдохнула она и, полностью расслабляясь, откинулась на подушку.

— Неужели удивлена, — криво усмехаясь, поинтересовался мужчина.

— Каждый раз, — сообщила ему жена, — я уверена, что тебя здесь нет, а рядом — змея.

— Понимаешь, как все это нелепо? — стараясь утешить жену, мягко произнес мужчина. — Если б ты только могла забыть. Если б во время кошмаров ты была бы уверена во мне.

— Понимаю, — ответила она, внимательно вглядываясь в детали окружающей обстановки. Каким спокойствием веяло от маленького телефонного столика с записной книжкой; поцарапанное бюро из красного дерева вообще относилось к разряду старых друзей, равно как и маленький радиоприемник да брошенная на пол газета. А каким успокаивающим душу и рассудок выглядит ее изумрудно-зеленое платье, аккуратно развешенное на спинке стула.

— Врач говорил тебе то же самое, — заявил муж. — Помнишь, когда меж нами начался разлад, я был для тебя олицетворением всего самого отвратительного, всего того, что причиняло тебе боль. И теперь, когда все позади, ты продолжаешь так же относиться ко мне.

— Неосознанно, — возразила она. — Клянусь, неосознанно.

— Однако ты ведешь себя точно так же, как и тогда, — настаивал он. — Помнишь, когда я хотел развестись с тобой? И когда заявил, что никогда тебя не любил? Помнишь, как ты ненавидела меня, хотя вовсе не собиралась меня отпустить?

Он перевел дух.

— Ты ненавидела нас с Хеленой. И то, что творится сейчас, — лишь отзвук той ненависти. Мы с тобой помирились, но ненависть, видно, не прошла.

— Не уверена, что когда-нибудь ненавидела тебя, — возразила женщина. — Только Хелену, эту худосочную мартышку!

— Не следует поминать болезнь как средства избавления от неприятностей, — пробормотал мужчина.

— Да, — задумчиво согласилась женщина. — Думаю, ее сердечный припадок случился благодаря мне. И не могу признать, что испытываю сожаление. Уж не хочешь ли ты сказать, что это она является мне во сне?

— Тебе не следует себя винить, — заявил мужчина. — Она была нервной, неуравновешенной артистической натурой. Невротический тип.

— Ну уж теперь, после ее смерти, я перенесу все. — Женщина улыбнулась мужу, и складки озабоченности на ее лбу разгладились.

— Я ведь с ума по тебе схожу, — добавила она, взъерошив светло-каштановые волосы мужа. — И никогда тебя не отпущу от себя.

— Да уж, лучше не надо, — улыбнулся он ей в ответ. — Я и не хочу уходить.

— Помоги мне.

— Сделаю все, что в моих силах, — он нагнулся и нежно поцеловал жену в щеку. — Но, дорогая, если ты не избавишься от этих кошмаров, изображающих меня в виде принципиального мерзавца, я должен буду...

— Молчи, — быстро проговорила она. — Мне невыносима подобная мысль. Да и период разлада мы уже миновали.

Мужчина кивнул.

— Хотя ты и прав, — согласилась она. — Думаю, мне следует обратиться к другому психиатру. Я больше этого не перенесу. Такие сны, из ночи в ночь!

— И положение все ухудшается, — напомнил, хмурясь, мужчина. — Сперва кошмары снились тебе изредка, от случая к случаю, зато теперь каждую ночь, и вскоре, если ты не предпримешь никаких мер...

— Верно, — согласилась женщина. — И не надо больше об этом.

— Нет, надо. Я беспокоюсь. Если такая заикленность на змее сохранится, то в одну из подобных ночей ты меня прирежешь, сонного.

— Никогда, — запротестовала она. — Но хватит. Я хочу все забыть. И думаю, что этого больше не повторится. А ты?

— Надеюсь, нет, — сказал мужчина.

Женщина перегнулась через него, выключила свет, потом поцеловала мужа и закрыла глаза.

Через несколько минут она повернулась на бок, еще через полчаса на другой и, пробормотав что-то невнятное, затихла. Спустя еще двадцать минут она дернула одним плечом, второе плечо не шелохнулось.

Мужчина, опершись на локоть, в темноте нависал над женщиной черной массивной фигурой. Он полулежа размышлял, прислушиваясь к дыханию жены и тиканью часов. Затем вытянулся на кровати во весь рост.

Неторопливо развязав на пижаме шнурок, он вытянул тесемку длиной около фута и укрылся одеялом. Очень осторожно пододвинувшись к жене и зажав в руке тесемку, он опять прислушался к ее дыханию. Потом коснулся тесемкой запястья женщины. Медленно-медленно, в один дюйм за несколько секунд, он перемещал тесемку вдоль руки жены.

Вскоре она застонала.

ТЕРАПИЯ

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шагал по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид трэнзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок гретей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день, и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение.

Свет был мягким, шторы спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

— Разумеется, сэр, — обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака. — Мы для этого и существуем. — Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату. — Вот это, — сказал продавец, — новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ» рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно... — начал Кэсвел.

— Терапию, — закончил за него продавец. — Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: «много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик, — с достоинством сказал Кэсвел. — Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю, — сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела. — Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бэндикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец поджал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

— Не знаю, — признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения, — сказал продавец. — Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделью. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?

— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер,

внутри отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства? — спросил Кэсвел. — Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня, — сказал Кэсвел с простительной гордостью.

— Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшиппики! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его, — сказал Кэсвел. — Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично! Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот, — сказал Кэсвел, вынимая бумажник. — Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно шелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог, Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный представительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс, — сказал управляющий, — по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите сэр, — извинился Хэскинс, гася сигарету. — Я немедленно воспользуюсь Деникотинизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как? — Новость произвела на управляющего впечатление. — Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был марсианской моделью. Для механотерапии марсиан.

— Ага, — сказал Хэскинс. Он подумал мгновение. — Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в злобешем молчании.

— Но какое это имеет значение? — быстро спросил Хэс-

кинс. — Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. Но от чего он будет лечить?

— Понимаю, — сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали. у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес. скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

— Стойте! — крикнул управляющий, натягивая плащ. — Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав, — сказал он наконец. — Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнувшимся пальцем.

Пора начинать терапию. Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обещанная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии.

Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГЕНЕРАТОРОМ МОДЕЛИ РЕКС:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине «Дженерал моторс»).

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову.

Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется, — довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущения или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И, конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы «Дженерал Моторс» и **СТАНОВИТЕСЬ НОРМАЛЬНЫМ!**»

— Ничего сложного, — сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо! — хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй. — Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расплываться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»

— Добрый день, — прозвучал в его голове голос. — Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю, — успокаивающе сказала машина. — Ведь мы

все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

Один момент. — Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: — Весьма необычный случай.

— Правда? — спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен... — механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница, — ответила машина. — Однако, — продолжала она окрепшим голосом, — необычная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснить на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно? — спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте, — сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл? — повторил Регенератор.

— Марфуш, — симпровизировал Кэсвел.

— Громкий?

— Сладкий.

— Зеленый?

— Мама.

— Тханагойес?

— Патаматонга.

— Арридес?

— Нексотесмодрастика.

— Чтиспохельгноптесес?

— Рагамару латасентрикпропатрия! — выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.

— Гм, — сказал Регенератор. — Закономерности совпадают. Так и должно быть.

— Какие закономерности?

— У вас, — сообщила ему машина, — классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

— Этот термин не имеет смысла, — строго сказала машина. — Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

— Я не совсем понимаю то, что вы говорите, — признался Кэсвел.

— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я — механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

— Ладно, — сказал Кэсвел. — Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Одно ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после срочного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе с встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с

глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищенный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А... виноват, сэр, — сказал лейтенант Смит, отдавая честь. — Я не думал, что вы так быстро придете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр, — сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» или «ИБМ» прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку, — сказал он, вынимая из несформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он зацепил записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины, — продолжал Рэт, — вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось, — поспешно сказал Фолансби. — Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это, — безжалостно перебил его Рэт, может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции, — сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен, — ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого? — переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон. Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже, чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?

— Дайте мне подумать! — сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства, как таковую?

— Конечно нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенератор с жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фим-мании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли, — сказал Рэт. — Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате, — заключил Рэт, — больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс, — сказал Рэт, протягивая руку к телефону. Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично, — сказал Рэт. — Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид трэнзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным.

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горику? — спрашивал Регенератор.

— Нет, — устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка, — пробормотала машина. — Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

— Только не я, — сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте, — запротестовал Кэсвел, — я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом? — разозлился Кэсвел. — Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему горика?

— Это лесной пожар, — сказал Кэсвел. — Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла, — заверил его Рэг-

нератор. — Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика? — рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно, — сказал Регенератор, — хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту, — сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить, — сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик! — крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг», — подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия.

Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы.

Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь

значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался огнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в его памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно.

Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

— Да? — спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно, — сказал Кэсвел. — Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою го-
рику!

Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

— Алкоголизм? — переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон. — Среди наших служащих? — Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта. — Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов, — сказал Рэт.

— Разумеется. — Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе. — Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»? — продолжал Бемис с вежливым ехидством. — Я полагаю, это намекает на то, что нашими ракетами и гелисами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик, — с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: — Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

— Простите, сэр, — сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Репид трэнзит» отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр, — снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет, — сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность. — Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей.

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр, — признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае, — сказал Рэт, — я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит? — вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен? — рявкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти? — спросил Рэт. — Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен, — обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен. — Надеюсь, вы извините

нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький, рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да, — медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес, — попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда, — сказал Рэт. — Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит:

— Давай, выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы, — сказал Смит, двинувшись вперед. — Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите! — приказал Рэт. — Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал.

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложил всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После его рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее:

— Вы хотите сказать что он собирается убить *меня*?

— Вот именно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

— Да, да, — нетерпеливо сказал Рэт. — Во вмняемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя, — насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот! — закричал Рэт. — Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также жизнь и разум вашего друга!

— Но откуда я знаю? — взмолился Мэгнесен. — Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить, — сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел? — спросил Рэт. — Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да, — сказал Кэсвел. — Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались? — с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами, — марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю, — сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной, — сказал Рэт, — особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями. — Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил, — сказал он. — Конечно, он не мог излечить то, чего не было. — Он усмехнулся. — Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется, — сказал Кэсвел.

— ... и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет. — В голосе Кэсвел звучала твердость. — Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

— Вы не испытываете сейчас такой потребности?

— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фоланси и Хэскинсу:

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох:

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновление процесса.

— В данном случае опасности нет, — мягко, но твердо сказал Кэсвел. — Благодарю вас за заботу сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите! — крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите, — сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукой вперед. — Мне это больше не понадобится.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи, — сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с гочки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

ОПЕКА

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурировать. Мне нельзя политурировать. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему, я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане побрякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал.

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный свет, загрохотал по Бродвею.

Если б не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш, — отвечал голос. — Это ли искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте, — прервал я его. — Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот, — сказал голос. — На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак бы понял, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось, — отвечал я, — если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем и отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице, — и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. — Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет, — сокрушался дерг.

Какие условия? Пять монет и три ключа, побрякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае, не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смиренных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив

косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения, — не отставал дерг. — Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж, — сказал дерг. — Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг. — Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я. — Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте, — прошептал я, — а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочел ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить, — напомнил он. — Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз, — торжественно заявил дерг. — Достаточно вспомнить метро.

Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительно-го дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, — это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. — И дерг умолк. А потом добавил негромко:

— Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет полiturить!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-сити, — ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, — возразил дерг. — Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино. бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, — это защитить меня от всяких бед Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке, — опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, — отвечивал старый упрямец. — Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделывать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-сити, Ангора Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтен-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквей, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе № 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы, — заявил он, по-видимому, слегка задетый. — А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать, — спросил я отдельно, — что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно, — вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неосязаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично, — сказал я, взяв себя в руки. — Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен. — В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня, — сказал я. — Брысь!

— Опасности увеличились, — доказывал свое дерг, — но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой.

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно, — согласился дерг. — Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить. — В тоне его чувствовалась растерянность. — Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я. — Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он. — Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека, — торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да, — подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется, — продолжал дерг. — Цветы борца, амаринта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались грейлеры. И вам нужны средства против липпов, фигов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих

снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, — неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фигурами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность, — сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Чего же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое, — сказал дерг. — Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне не делать?

— Не политурьте, — сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови. — Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит... — Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я. — Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, на другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ, ВОДА

Не было ни одного космического корабля, где бы прилично работало радио, и радиоустановка на борту «Алгонкина», на котором летел Джим Рэдел, не принадлежала к числу исключений. Джим Рэдел находился на связи с Землей и переговаривался с «Кон Электрик». Но тут прием ослабел, и в крохотную кабину пилота ворвались посторонние голоса.

— Не абордажные крючья! — взревело вдруг радио. — Я просил кусковой сахар!

— Это не Марсианская База? — спросил кто-то.

— Нет. Это Луна. Убирайтесь к черту с моей частоты!

— И что же мне делать с полтышей абордажных крючьев?

— Воткнуть себе в нос! Эй, Луна?

Рэдел еще немного послушал радиоперепалку. Радио создавало успокаивающее впечатление, что в космосе полно людей, и жизнь в нем кипит вовсю, и полно планет, пригодных для обитания. А ведь все эти радиошумы, напомнил он себе, производят не более пятидесяти человек, пылинок в безжизненном пространстве вокруг Земли.

Радио еще несколько секунд пошумело, а потом выдало протяжный непрерывающийся гул. Рэдел включил сигнал постоянного вызова и пристегнулся ремнями. «Алгонкин» вышел на орбиту торможения и плавно заскользил к покрытой плотным слоем облаков поверхности Венеры. Теперь можно почитать или вздремнуть, пока корабль не совершит посадку.

Рэдел должен выполнить два задания. Первое было связано с беспилотной автоматической станцией, пять лет назад отправленной на Венеру компанией «Кон Электрик». На станции были установлены приборы автоматической записи наблюдений. Работа Рэдела и заключалась в том, чтобы вернуть эти приборы на Землю.

«Алгонкин» в режиме автопоиска координат станции по спирали снижался к холодной поверхности планеты, охваченной ураганами. По мере торможения в плотной атмосфере Венеры корпус корабля раскалился, пока он снижался, корректируя свой полет в соответствии с режимом поиска. Наконец корабль развернулся хвостом вниз, из тормозных ракет, подняв тучу снега, вылетели струи яркого пламени, и корабль произвел мягкую посадку.

— Славная посадка, малыш, — похвалил Рэдел корабль. Он расстегнул ремни и переключил радиосвязь на скафандр. Приборы показывали, что станция находится в двух с половиной милях от места посадки — совсем недалеко, чтобы нагружаться в дорогу провизией. Рэделу всего навсего осталось выйти наружу, дойти до станции, забрать приборы, — и можно лететь назад.

— Может, еще успеем к розыгрышу кубка Суперсерии, — громко произнес он. В последний раз проверив скафандр, Рэдел вышел в переходный шлюз.

Скафандр и являлся тем, вторым, и даже более важным заданием.

Человечество вышло на просторы космоса. И хотя по космическим масштабам раса только что родилась, вчерашний обитатель пещер и звездный мечтатель уже забыл о Земле. Еще вчера он не носил одежды, обладал жалким скудным умом и был безнадежно уязвим, а сегодня, заключенный в металл, движимым пламенем реактивных двигателей, бороздил космические просторы и достиг Луны, Марса и Венеры.

Скафандры же являлись составным звеном технологической цепочки, связывающей планеты.

Прототипы скафандра, который сейчас надел Рэдел, подвергались всевозможным тестам, какие только может придумать

бесхитростная лаборатория, и остались целы и невредимы. И вот теперь скафандр прибыл на свои заключительные полевые испытания.

— Подожди здесь, малыш, — сказал Рэдел кораблю и, одетый в самый лучший и дорогостоящий скафандр, вышел в последний шлюз и спустил вниз лестницу.

Он шел по радиокompасу, без труда продвигаясь по тонкому снежному покрову. Окружающий ландшафт, скрытый в серых венерианских сумерках, был едва виден. Под ноги попадались редко разбросанные по снегу тонкие побеги растений. В пределах видимости они оказались единственными представителями живых существ.

Рэдел вертел лимб настройки приемника, встроенного в скафандр, в надежде поймать сообщение о результатах встреч в большой баскетбольной лиге. Однако поймал лишь окончание передачи прогноза погоды на Марсе.

Пошел снег. Снаружи было холодно, это показывала вделанная в рукав температурная шкала. Однако холодный воздух не проникал сквозь ткань скафандра. И хотя Венера имела кислородосодержащую атмосферу, Рэдел не должен был дышать здешним воздухом. Пластиковый шлем наглухо запечатал Рэдела в крошечном созданном человеком мире. Он не ощущал ни холода, ни постоянно дувшего в лицо сильного ветра.

По мере продвижения к станции снег становился глубже. Рэдел оглянулся. Его корабль скрылся в серых сумерках. Идти стало труднее.

— Если тут надумают устроить колонию, — сказал Рэдел вслух, — меня ни за что не убедят получить здесь участок.

Он увеличил подачу кислорода и побрел через сугробы. Спустя некоторое время он поймал по радио музыку, настолько тихую, почти призрачную, что и сам не был уверен, действительно ли слышит ее. Рэдел уже два часа тащился по снегу, более чем на милью удалившись от корабля, подпевал мелодию, которую, как ему казалось, слышит, и думал обо всем, что угодно, кроме Венеры.

Внезапно он провалился по колено в рыхлых снег.

Рэдел выбрался, отряхнулся и заметил, что уже какое-то время идет в снежной буре. Защищенный удивительным скафандром, он даже не замечал ее.

Никаких причин для беспокойства. Скафандр обеспечивал просто сказочную безопасность. Вой ветра приглушался до едва слышных звуков, а градины без вреда барабанили по пластиковому шлему, напоминая стук дождя по жестяной крыше.

Рэдел проминал тонкий ледяной наст, образующийся поверх глубокого рыхлого снега.

В течение следующего часа снег повалил еще сильнее. Рэдел отметил, что скорость ветра увеличилась до штормового уровня.

Вокруг вырастали сугробы, покрывающиеся при таком морозе ледяной коркой.

Но Рэдел не собирался возвращаться на корабль.

— Черт с ним, — сказал он себе. — Не замерзну. В таком-то скафандре...

И сразу же провалился в снег по пояс.

Рэдел усмехнулся и снова выбрался из сугроба. Но со следующим шагом, проломав тонкий ледяной наст, провалился опять. Он попытался идти по пояс в снегу, но сопротивление снега и ледяной корки оказалось слишком велико. Спустя десять минут он запыхался. Пришлось увеличить подачу кислорода.

Рэдел однако ничуть не встревожился. На Венере напроочь отсутствовала какая-либо опасность. Здесь нет ни аборигенов, ни животных, ни ядовитых растений. И дело ему предстояло плевое — всего навсего пройти по снегу несколько миль в самом современном и совершенном скафандре, когда-либо изобретенных человеком.

Захотелось пить. И вскоре ему показалось, что он не может дальше продвигаться вперед. Снег был уже по грудь, и стало все труднее выбираться на поверхность, проваливаясь после каждого шага. Однако еще полчаса Рэдел упорно пытался продолжать движение.

После чего прекратил дальнейшие попытки. К тому же он ничего не видел за плотной стеной рыхлого снега, падающего с хмурого серого неба.

За полчаса он преодолел не более десяти шагов.

Рэдел застрял.

Межпланетная связь всегда капризничала. Рэдел даже представить себе не мог, как передать сообщение.

— Это «Алгонкин», — передавал он. — Вызываю «Кон Электрик».

— Верно. Получите овощи. Я на подходе.

— Да разве я вру? Он сломал руку...

— ... И четыре ящика спаржи. Запиши на меня.

— Точно. Мы были в невесомости. Он еще сломал руку.

— Вызывает «Алгонкин»...

— Эй, на Контроле, пропустите меня. Я везу овощи.

— Порядок срочности, — передавал Рэдел. — Вызываю «Кон Электрик». Я увяз в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио разразилось помехами.

Рэдел уселся в снегу, ожидая инструкций. Он считал снегопад надувательством. Он что — эскимос? «Кон Электрик» втянула его в это дело, так пусть теперь и вытягивает.

В скафандре поддерживалась постоянная температура, и Рэдел, сумев позабыть о голоде и жажде, задремал.

Проснулся он через несколько часов; пить хотелось еще сильнее. А радио молчало. Тогда Рэдел понял, что выручать себя придется самому. Если он скоро не вернется на корабль, то сильно ослабеет, а тогда уж вообще ничего не сможет сделать, и удивительные защитные свойства скафандра не спасут.

Он встал. От жажды першило в горле. Рэдел пожалел, что не взял с собой запас питья и еды. Но откуда же он мог знать, что это понадобится для пешей прогулки в пять миль, да еще в таком скафандре?

Итак, необходим способ передвижения по тонкому насту. Снегоступы! Как там их делают на Земле? Рэдел нагнулся и пощупал тонкий гибкий отросток, пробившийся сквозь снег. Сгодится.

Рэдел попытался его оторвать, но защищенные перчатками руки соскальзывали с жесткого смолистого отростка.

Эх, если бы сюда нож. Но ведь и причин-то брать нож не имелось. Здесь от него было бы толку столько же сколько от гарпуна или остроги.

Рэдел снова потянул отросток, а затем стащил перчатки и обшарил карманы в поисках какого-нибудь острого предмета. Но нашел лишь «Правила планетарных посадок коммерческих судов грузоподъемностью свыше 500 тонн». Он обратно запихал их в карман.

Но руки уже онемели. Рэдел снова натянул перчатки.

И тут у него возникла идея. Расстегнув на груди молнию, Рэдел нагнулся и использовал зубцы молнии вместо пилки. Но когда он принялся перепиливать отросток, порыв холодного ветра ударил в раскрытый скафандр. Рэдел усилил обогрев и продолжал пилить. Перепилив три отростка, он обнаружил, что зубцы молнии затупились и в качестве режущего инструмента больше не годятся. Нужно их делать из более твердых сплавов, решил Рэдел. Он расстегнул молнию на рукаве и принялся пилить вновь.

Наконец набралось нужное количество отростков. Рэдел попытался застегнуть молнии, но зубцы были облеплены смолой и забиты опилками. Тогда он как мог стянул края и включил обогрев на максимум.

Теперь сделаем снегоступы. Растения легко гнулись, но в узлы не завязывались. Рэделу не удавалось соединить отростки между собой.

— Дурная ситуация, — громко заявил он. Ни веревки, ни проволоки, ни шнура. Ничего. — Ну и что теперь?

— В жизни не было такого приема, — сказал кто-то по радио.

— «Алгонкин» вызывает Землю, — в тысячный раз хрипло пробубнил Рэдел.

— Алло, Марс?

— «Кон Электрик» вызывает «Алгонкин»...

— Может, это влияние солнечной короны?

— Космическое излучение, скорее... Кто это?
— «Кон Электрик». Наш корабль поврежден...
— Говорит «Алгонкин»! — заорал Рэдел.
— Рэдел? Что ты там делаешь? Ты не изыскатель, и сейчас вовсе не время осматривать местные достопримечательности. Забирай материалы — и назад!

— Это Лунная Станция Два...

— Отвали, Луна! — завопил Рэдел. — Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны снегоступы. Снегоступы! Слышите?

Радио затрещало помехами. А Рэдел вернулся к проблеме снегоступов.

Отростки нужно связать вместе. Единственный способ, до которого додумался Рэдел, — использовать провода радио или системы обогрева. Чем пожертвовать?

Не слишком приятный выбор.

Радио необходимо. Но Рэделу и так уже холодно, даже с включенным на всю обогревом. Оборвать провода — значит остаться один на один с венерианским холодом.

Придется лишиться радио, решил он.

— ... скажете ей, а? — вдруг заявило радио. — А в свой следующий отпуск...

И умолкло снова.

Рэдел понял, что не в силах расстаться с радио. Голоса приносят цивилизованный мир в одиночество его скафандра. С головокружением, усталый, с иссушенным горлом Рэдел почувствовал, что пока слышит успокаивающий механический треск помех, он не один. Кроме того, если снегоступы не выручат, он останется без радио, а тем самым безо всякой надежды на помощь.

Прежде чем передумать, Рэдел быстро оборвал обогреватель, стянул перчатки и принялся за работу.

Это оказалось не так просто, как он поначалу думал. Он почти ничего не видел, — пластиковый шлем запотел, поскольку размораживатель вышел из строя. Рэдел вязал узлы вырванным проводом в пластиковой изоляции, пытаясь запутать их как можно больше, но узлы все равно рвались. Путем проб и ошибок он наконец подобрал узел, который держал.

Но даже тогда отростки выскальзывали из связки. Значит, нужно ободрать их молнией для лучшего сцепления.

Рэдел уже почти закончил один снегоступ, как прилив головокружения заставил его прерваться. Необходимо что-нибудь попить. Стянув шлем, он зачерпнул полную ладонь снега и отправил его в рот. Это немного притупило жажду.

Без шлема он видел заметно лучше, но пальцы уже потеряли чувствительность, и онемение ползло вверх по рукам и ногам. Однако боли Рэдел не чувствовал. По сути, это даже удобно, решил он и вдруг обнаружил, что почти засыпает. Никогда я еще

не был таким сонным, подумал он. И решил немного вздремнуть, а потом закончить работу.

— Чрезвычайный порядок срочности. Чрезвычайный порядок срочности. «Кон Электрик» вызывает «Алгонкин». «Алгонкин» ответь. Что случилось, «Алгонкин»?

— Снегоступы. Не могу добраться до корабля, — полусонно пробормотал Рэдел.

— В чем дело, Рэдел? Механические поломки? Какие-то повреждения в корабле?

— Корабль в норме.

— Скафандр? Повреждения в скафандре?

— Нет... — уже совсем сонно ответил Рэдел. Он не знал, как объяснить случившееся. Его вырвали из цивилизации и забросили на миллион лет назад, ко времени, когда человек противостоял стихиям. Еще недавно он был закован в сталь, и от нажатия его пальцев вырывались струи пламени, а теперь вот лежал на земле и вел борьбу с силами огня воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Просто заберите меня отсюда, — сказал Рэдел.

Его вдруг поразила мысль, что за все время существования человечества, ровным счетом ничего не изменилось. Разве что пещеры стали чуть больше да кремневые ножи чуть лучше, но сам человек остался таким же, не стал более выносливым и лучше приспособленным. Снаружи все еще свирепствовали бури, и стихии одерживали верх.

Рэдел стряхнул с себя сон и, пошатываясь, встал на ноги, убежденный в том, что сделал важное открытие. Впервые он осознал, что должен сражаться за жизнь точно так же, как миллиарды представителей его расы сражались с незапамятных времен, и как они должны сражаться, несмотря на то, насколько хорошо построены их космические корабли.

Он не собирается умирать. Не так легко, по крайней мере.

Для начала нужно добыть огонь. В кармане брюк есть спички.

Рэдел быстро стянул скафандр, чтобы достать коробок, и теперь стоял на снегу в одних брюках и рубашке. Затем он построил из снега ветролом, прокопав яму до самой земли. Тщательно разложил отростки, подложил листок бумаги с «Правилами планетарных посадок» и осторожно поднес к нему спичку.

Если не загорится...

Загорелось! Просмоленные отростки занялись мгновенно, вспыхнули ярким пламенем, растопив вокруг снег.

Рэдел набил снегом пластиковый шлем и подвинул его к огню. Теперь у него будет вода!

Он присел к пылающим отросткам, даже чуть опалив рубашку. Огонь ослабел, и Рэдел подкинул оставшиеся отростки.

Мало. Даже с материалом из полуготового снегоступа огонь продержится недолго.

— Знаешь, что она мне заявила? Ты действительно хочешь знать? Она заявила...

— Порядок очередности! Чрезвычайный порядок очередности! Всем убраться из эфира! Слушай, Рэдел, на связи «Кон Электрик». За тобой вылетел корабль с Луны. Слышишь?

— Слышу. Через сколько он прилетит?

— Ты что, нас не слышишь, Рэдел? С тобой все в порядке? Ответь, если можешь.

— Слышу, слышу. Когда корабль...

— От тебя нет ответа, Рэдел. Тем не менее, мы считаем тебя еще живым. Корабль прилетит к тебе через десять часов. Держись!

Десять часов! Огонь уже угасает. Рэдел остервенело перепилил еще несколько отростков. Но он не успевал набирать их для поддержания огня.

Вода в шлеме растаяла. Рэдел жадно напился и зарылся в снег еще глубже, поближе к земле. Закутавшись в скафандр, он склонился над затухающим огнем.

Десять часов!

Рэдел хотел сообщить им, что скафандр прекрасный. Одна беда — Венера вытащила его оттуда.

Над головой выл ветер, ударяясь в ветролом. Костер увял до маленького огонька. Рэдел диким взглядом оглядел окружавший его белый ландшафт в надежде отыскать что-нибудь способное гореть.

— Держись, приятель. Мы спускаемся. Управились за семь с половиной часов. Сожгли все топливо, но за нами пришлют заправщик. Но мы здесь.

В сером венерианском небе вспыхнула яркая точка и резко пошла вниз, к безмолвному корпусу «Алгонкина».

— Ты слышишь нас, парень? Ты еще жив? Мы почти спустились.

Корабль на хвосте из струи пламени опустился в ста метрах от «Алгонкина», и в глубокий снег прыгнули три человека. Четвертый сбросил несколько пар снегоступов.

— Знаете, а насчет снегоступов он был прав.

Они собрались вместе и посмотрели на шкалу, встроенную в запястье рукава одного из спасателей.

— Радио еще включено. Туда!

Они топтали снег, в спешке подталкивая друг друга. Через мило уже шли медленнее, точно придерживаясь направления радиосигнала.

Спасательная команда обнаружила Рэдела, склонившегося над еле горящим огнем. Радио валялось в нескольких метрах от него, там, где он его, видно, и бросил. Рэдел взглянул на прибывших и попытался улыбнуться.

И тут они увидели его скафандр, в раскрытом виде разложенным на земле. Рэдел поддерживал огонь лоскутками внутренней подкладки самого лучшего и самого дорогостоящего скафандра из всех, когда-либо изобретенных человеком.

ЗАЯЦ

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выглядят на цветных фотографиях и так безбоязненно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не передать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе не свойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил

воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаюсь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g, и заяц, у которого нет специальных средств защиты, сплюснывает в лепешку. Если он при этом уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

— У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды.

Разочаровывать их приходится никому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать! Вот увидите, только позвольте мне остаться, прошу вас, сэр! Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышлял я вслух. — У нас нашлось бы местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Джонни Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр.

— А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собираешься здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр, — сказал Франклин, — я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, сгложусь вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто

Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — героический фронтир для решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

— Франклин, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли ты, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклин. — А уж как пообвыкну, я...

— Кроме того, — прервал я его, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

— Этого я не знал, — прошептал Франклин.

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не очень хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызанной, крохотной кают-компания. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся.. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтобы не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

— Ну, ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать так, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать,

мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригложусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше, — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего. У тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я еще не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешно ушел.

Директор усталился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промямлил я. — Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званных и мало избранных, — задумчиво проговорил директор. — Людям нужен деловой фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеоник Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудыны? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и поднимается, наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет, — сказал Кларксон. — Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно настолько, чтобы корпус не расплавился.

— И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек неспособен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин, — сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, — сказал он, но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть, — и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто, — ответил Франклин. — Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Неизвестно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно, — обрадовался я. — Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазами. Она озиралась по сторонам, как лунатик, и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр, — сказала она. — Я... я подслушивала.

АКАДЕМИЯ

Инструкция к пользованию измерителем вменяемости «Кэжилл-Томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением).

«Производственная компания «Кэжилл-Томас» рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни и кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя «К-Т», применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) Действие. В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) Отсчет показаний. На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) Цифры 0 — 3. В нашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется в пределах от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) Цифры 4 — 7. Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) Цифры 8 — 10. Лицо, получающее показание свыше 7, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удастся, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) Цифра 10. Под цифрой десять на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от 0 до 10 не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивида причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и регистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приближенными. Для получения показаний с точностью до 10^{-30} пользуйтесь стационарной моделью.

В. Помните: вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь за

медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

*С наилучшими пожеланиями,
компания «Кэзилл-Томас».*

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дожидаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул. Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры, — по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожало. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает провериться. Он вошел в спальню, но там хлопотал рободворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил рободворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, рободворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные, однако казалось,

что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схеме всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь, — сказал наконец Фирмен.

Рободворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки — нормы, — мимо шестерки и семерки — отклонений, — к 8,2 где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера, на одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр, — плавно подкатившись к нему, возгласил рободворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего, — невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр, — быстро откликнулся рободворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм. — Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр, — заявил рободворецкий. — Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню, — сказал он. — Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно. — Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако рободворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр, — отозвался рободворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание, — ответил рободворецкий. — Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница, — пояснил рободворецкий, — доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять, — на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр, — сказал рободворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов, — без запинки ответил рободворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка, — сказал он. — Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах, — ответил рободворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то расплывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру десять, так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о

тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу, — сказал Фирмен. — Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери. Фирмен опустил на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей, — вмешался рободворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рывкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фирмена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и вместо того подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти.

Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени, как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки!

Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей. При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии, — сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается, — прервал Фирмен. — Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр, — после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть, — медленно проговорила женщина. — Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных, и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным. — Я вовсе не это имела в виду! Я просто

излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хоть она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен. — Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

— Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления, — не задумываясь ответил Фирмен. — Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно, — заметил начальник отдела. — Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела. Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас, — пробормотал Фирмен и повесил труб-

ку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел около телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. То был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабана пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу, — сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость, — автоматически ответил Фирмен. — Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела, — заговорил Морган, сядя на уголок стола Фирмена. — Но черт побери, дружище, вменяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим. — Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику. — Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитеесь на испытании. — Он заколебался. — Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал, — сказал Фирмен. — Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиамысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае немного. Врожденное беспокойство,

глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходится на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но *хотели* ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово. — Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли, — ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня, — серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена. — Десять лет назад это агентство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги, — заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана покраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жадой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я

докатился? Быть может, в конечном счете — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились, — сказал Фирмен.

— Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился, — ответил Фирмен, — если бы только знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился. — Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство. — Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город. — Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам, — сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена. — Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо, — сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он. — Я хочу сказать, если больше ничего не поможет...

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволит что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли, — согласился Фирмен. — Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне не известно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех, — торжествуя подхватил Морган, но тут же понизил голос. — В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться, — сказал он. — Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никким образом. Вы очень странно смотрите на вещи. — Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт. — Будто стараетесь раскрыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они неспособны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто, — думал он, — если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги, — подсказывали смятенные чувства. — Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы

чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здорового, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного Человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социальной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нёт, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать, как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем, — сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть выше девяти. — Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь, — повторил буфетчик. — По закону я не обязан обслуживать всеких девятючников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологическая. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать

дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех тех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят, — подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом. — Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся:

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься. — Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок. — Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда, — ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут, — словоохотливо сказал Флинн. — Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот, — одобрил Фирмен со слабой улыбкой. — Поэтической справедливости.

— Я не так уж бездарен, — заверил его Флинн, набивая

трубку табаком из потрепанного зеленого кисета. — Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то и я подавно не могу.

— Спасибо за правду, — сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

— По долгу терапевта, — медленно произнес Флинн, — напоминаю вам, что Академия открыта во всякое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен. — Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает, — ответил Флинн. — Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же никто оттуда не выходит?

— Не спрашивайте меня, — сказал Флинн. — Может быть, никто не хочет оттуда выходить. — Он затаился. — Вам нужен совет. О'кей. Деньги есть?

— Найду, — осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте рободворецкого за запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойно месяц-другой, отдохайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете, — сказал Фирмен, — по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините, — сказал Фирмен. — Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я должен?

— Ничего вы не должны, — ответил Флинн. — Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал Фирмена рободворецкий. — Не угодно ли присесть — я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками, — сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр, — ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это неважно, убеждал он себя. В конце концов количество не перешло в новое качество. Не превратился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет, — сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.

— А куда можно?

— На хирургию или в Академию.

— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали, — сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладно. — Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.

— Сегодня полнолуние, — сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей, — строго сказал дежурный. — Во время полнолуния к нам поступает больше всего десятичников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-АА, — сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры, казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа, — ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно, — заметил Фирмен.

— Ее и не может быть, — сказал охранник почти доверительным тоном. — Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе, в кафетерии через полчаса».

В замке повернули ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку, — сказал он вежливо, но с несомненной властью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь, — сказал он, — может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач, — ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да, да, — сказал врач, беспомощно пожимая плечами. — Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия, — заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике, — это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век. — Врач выдержал драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории, потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной, грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся на-

шим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же неясно... — начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагая другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении. — Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал. — Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они верят в нас, как в Бога. — Врач тихонько хмыкнул. — Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря, — ласково ответил врач, — даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман? — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть. — Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае, — заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают, — ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

— И помните, — сказал он, — надо защищать общество от личности.

— Да, — сквозь дрему отозвался Фирмен, — но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не слышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Вскходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокра и упруга.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял рободворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домо-владелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного посветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станет с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества»,

«Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна эта безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака-IV от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну, вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так уж подышаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородных баллонов.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет

быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставили еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон, — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и ушел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральный пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае потери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедленно приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при 70° по Фаренгейту, так что здесь никакие проблемы не возникали. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всеческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квиллов, и фиргелей впридачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слышал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были уже на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу; вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на крохотный пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они плавали вдоль стен и потолка и жалобно блеяли и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они прибывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кофе был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

«Эффект консервируемого воздуха», — решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснись и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздуходо снабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, покачиваясь, и плеснул водой в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные.

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квилей шерстью. Ключья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квиллов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — *Queelis Tropicalis* — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квиллов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квиллов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квиллов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются феминем».

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квиллов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квиллов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квиллов скорее всего надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квиллов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя вполне прилично.

Однако, осматривая квиллов, Грегор увидел, что с момента погружки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным.

Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квиллов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотреть. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть им в глотку и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квиллы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квилловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел. Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он. Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съездившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, для того чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съезжились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снизай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают, — заметил Грегор. — Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квиллов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Размножаются, да? — переспросил Арнольд по радио; в голосе его звучала озабоченность.

— Да. И непохоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются феминизмом.

— Мне так и слышалось. А что это такое?

— То, что ты слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квиллов мне скоро не останется места на нашем корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто сам он превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съезжатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квиллов объявят голодовку.

К черту квиллов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был уже виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот тут думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящеры порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрыты изморозью, — сказал Арнольд. — Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. Кроме того, они бы продолжали спать, если бы ты не валял дурака с тяготением и давлением.

— Фиргели едут на Вермойн I. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая такая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.

— Арнольд, — проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловеющий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, продать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Им еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Говорит спутник, — ответил ему чей-то голос. — Сообщите о себе подробнее.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с центрального пакгауза «Тригейл», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми и так далее и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю остальную жизнь держаться подальше от квиллов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного привода равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Не в пакгаузе? — переспросил мистер Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится. — И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грегор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось все-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь! Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет легкого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиogramму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грегор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ

— Выкладывайте по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что компании «Межпланетная служба обеззараживания ААА Ас», невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо, — процедил Грегор.

Фирма «ААА Ас» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульта управления, таинственно улубнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — послышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничего не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайидент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы стражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайдене не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайидента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания «ААА АС» была приглашена специально для того, чтобы устроить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил

рассвет, Грегор приготовил сэндвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «один».

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку «два».

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз. Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пульте управления ничто не напоминало штурвал и румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сэндвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Ар-

нольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж... Все равно неплохо, если она поработает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал Арнольд.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий

древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить, — решил Арнольд, — невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — отвечала шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение

будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно взглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, как только я найду его, — добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах? — поинтересовался Грегор.

Арнольд порывлся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история, — Арнольд отыскивал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. — Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

— А мы? — напомнил Грегор. — Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. — Он устало вздохнул. Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает, — сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры, — горько передразнил Грегор, — теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо-Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное, — произнес Арнольд. — Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной кибернетики». Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений,

сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шлюпка просто свихнулась, — сказал он довольно грубо. — Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему? — спросил Грегор.

— Это же очевидно, — сказал Арнольд. — Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сэндвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля в день и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты! — Арнольд заговорил с лодкой. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область

фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка с простительной гордостью. — Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А сейчас я направляюсь к острову. И я обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразиительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он вертолет». «Ага... — понимающе произнес главный. — Манья полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно, — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно.

Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а, — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При существующих обстоятельствах; я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направляюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше чем простая спасательная шлюпка, — сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой

элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Это война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульта управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но в конце концов и южный полюс — верная смерть.»

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!...

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома! — Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — простионала лодка. — Если бы я могла связаться с плавающим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... — Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

— Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще вышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире», — сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

СОДЕРЖАНИЕ

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА. Рассказы

Чудовища (пер. М. Заготы).....	5
Стоимость жизни (пер. Н. Евдокимовой).....	14
Алтарь (пер. М. Черняева).....	22
Форма (пер. Н. Евдокимовой).....	28
Травмированный (пер. Н. Евдокимовой).....	41
Где не ступала нога человека (пер. Н. Евдокимовой).....	58
Страж-птица (пер. Н. Галь).....	70
Теплее (пер. М. Черняева).....	89
Специалист (пер. Н. Евдокимовой).....	97
Седьмая жертва (пер. В. Гопман).....	112

ГРАЖДАНИН В КОСМОСЕ. Рассказы

Безымьянная гора (пер. Б. Белкина).....	126
Бухгалтер (пер. В. Баканова).....	138
Охота (пер. В. Бабенко).....	145
Вор во времени (пер. Б. Клюева).....	157
Самый счастливый человек в мире (пер. М. Черняева).....	175
Руками не трогать (пер. А. Санина).....	178
Кое-что задаром (пер. Т. Озерской).....	194
Билет на планету Транай (пер. А. Вавилова, Ю. Логинова).....	205
Битва (пер. И. Гурова).....	240
Ордер на убийство (пер. Т. Озерской).....	245
Я и мои шипки (пер. А. Русина).....	269
Верный вопрос (пер. И. Авдакова).....	280

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ. Рассказы

Паломничество на Землю (пер. Н. Евдокимовой).....	287
Что в нас заложено (пер. А. Санина).....	298
Ловушка (пер. А. Санина).....	307
Тело (пер. В. Бука).....	316
Опытный образец (пер. Н. Евдокимовой).....	320
Служба ликвидации (пер. Н. Евдокимовой).....	337
Бремя человека (пер. Р. Гальперина).....	342
Ночной кошмар (пер. М. Черняева).....	355
Терапия (пер. А. Вавилова).....	359
Опека (пер. Р. Гальперина).....	375
Земля, воздух, огонь, вода (пер. М. Черняева).....	384
Заяц (пер. Н. Евдокимовой).....	392
Академия (пер. Н. Евдокимовой).....	400
Рейс молочного фургона (пер. Евдокимовой).....	420
Мятеж шлюпки (пер. Г. Косова).....	433

CONTENTS

UNTOUCHED BY HUMAN HANDS — NEW YORK, BALLANTINE, 1954.

The Monsters.....	5
Cost of Living.....	14
The Altar.....	22
Keep Your Shape.....	28
The Impacted Man.....	41
Untouched by Human Hands.....	58
Watchbird.....	70
Warm.....	89
Specialist.....	97
Seventh Victim.....	112

CITIZEN IN SPACE — NEW YORK, BALLANTINE, 1955

The Mountain Without a Neme.....	126
The Accountant.....	138
Hunting Problem.....	145
A Thief in Time.....	157
The Luckiest man in the World.....	175
Hands Off.....	178
Something for Nothing.....	194
A Ticket to Tranai.....	205
The Battle.....	240
Skulking Permit.....	245
Citizenin Space.....	269
Ask a Foolish Qestion.....	280

PILGRIMAGE TO EARTH — NEW YORK, BANTAM, 1957

Pilgrimage to Earth.....	287
All the Things You Are.....	298
Trap.....	307
The Body.....	316
Early Model.....	320
Disposal Service.....	337
Human Man's Burden.....	342
Eear in the Night.....	355
Bad Medicine.....	359
Protection.....	375
Earth, Air, Fire and Water.....	384
Deadhead.....	392
The Academy.....	400
Milk Run.....	420
The Lifeboat Mutiny.....	433

Составитель А. Корженевский

Ответственный редактор Г. Кондрашев

Редактор В. Подбельский

Художники: П. Храмцов, С. Шехов

Технический редактор Т. В. Луговская

Младший редактор Т. Владимирова

Корректоры: Ф. Извозчиков, И. Потемина

Сдано в набор 15.02.93 Подписано к печати 14.07.93.
Формат 60 × 88¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.кр.-отт. 29,00. Усл.печ.л. 28,00.
Уч.-изд.л. 29,87. Тираж 50 000 экз. Заказ **1895**

ПОО «Фабула. 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Отпечатано в Московской типографии
№ 7 Министерства печати и информации
Российской Федерации. 121019 Москва, Ак-
саков пер., 13.

Robert SHECKLEY

**Untouched
by Human Hands
Citizen in Space
Pilgrimage
to Earth**

